

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М

Комплексные проблемы
современной политики

научный журнал
№2/2014

Учредители:

Молодежное отделение
Российской ассоциации политической науки

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Редакционная коллегия журнала:

Гонцов К.В.
(главный редактор)

Артёмов А.В.
(выпускающий редактор)

Кучинов А.М.
(отв. секретарь)

Гончарик А.А., к. пол. н.
Маркарян А.Г., к. соц. н.
Руденкин Д.В., к. соц. н.
Сунгуров А.Ю., д. пол. н., профессор
Трегубов Н.А., к. пол. н., доцент
Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент

Придворова Ю.В.
(дизайн)

Complex problem of
a modern policy

POLITICAL VECTOR-M

ISSN 2307-5481

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,
доп. тел.: +7 (952) 528 98 86,
+7 (906) 869 63 20

email: politvek@gmail.com

web: www.morapn.ru

Формат 70x108 1/16

Усл. п. л. 9,8

Тираж - 500 экз.

Номер заказа 710/95

Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР – М: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

представляет собой коммуникативную площадку будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки.

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных аспектов (политического, социального, экономического, правового, духовного) жизни общества и государства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 5-30 тыс. знаков, рецензий – 10-20 тыс. знаков, шрифт «Times New Roman» 12, интервал одинарный, форматирование по ширине.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (300-500 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, ученое звание, должность и полное название места обучения/работы, город, адрес электронной почты). Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на английском языке.

Текст статьи и вся сопровождающая информация должны быть представлены в одном файле в установленном порядке: название статьи (рус./eng), информация об авторе (рус./eng), аннотация (рус./eng), ключевые слова (рус./eng), текст статьи, библиографический список (рус./eng).

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте статьи.

При оформлении внутритекстовых, затекстовых и библиографических ссылок руководствоваться требованиями Scopus. Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещенном после текста статьи на русском и на английском языках. Англоязычная часть содержит перевод и частичную транслитерацию русскоязычных источников на английский язык. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат: порядковый номер из списка литературы, номера цитируемых страниц.

Документы принимаются в форматах doc, docx, rtf.

МОЛОДЕЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

www.morapn.ru / vk.com/morapn / fb.com/morapn

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

www.susu.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

5	Агафонова А.В., Утьева А.О. Присоединение Крыма как культурно-патриотический феномен	
10	Маркелова А.А. Генезис федеративных отношений в Российской Федерации (на примере Свердловской области)	
18	Самохвалов Н.А. Генезис государственной молодежной политики в Российской Федерации: история и современность	РОССИЯ СЕГОДНЯ
26	Алексеев Д.В. Проблема единовременной общественной консолидации и модернизации. Пути её решения	
32	Закиров А.Р. Роль структурной организации крупных компаний в развитии GR (Government relations)	
38	Хитрин К.Л. Динамика возрастной структуры социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих	ИССЛЕДОВАНИЕ
45	Дыдров А.А., Пеннер А.В. От этимологии слова «цепь» к теории цепей	
49	Гонцов К.В. Проблема многофакторности социально-политической стабильности общества в современном научном дискурсе	НОВЫЕ ВЕКТОРЫ
57	Артемов А.В. Образ перестройки в официальной риторике в 1988–1989 годы на примере выступлений М.С. Горбачева	ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
63	Баландина А.А. Членство в ЕС для стран Восточной Европы: итоги десятилетия (Венгрия)	МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
70	Кучинов А.М. Теория морфогенеза Арчер М.С. (сводный реферат)	РЕФЕРАТ
92	Юдина А.С. Методы построения и анализа публичной речи политика	
97	Ведерникова М.И. Роль электронного правительства в снижении коррупции и развитии экономики: чему можно научиться у Сингапура?	
103	Свистунова Е.В. Этапы европейской валютно-экономической интеграции и перспективы функционирования зоны евро в современных политических условиях	КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
107	Сивкова Е.П. Комплексная визуальная диагностика в системе международной безопасности	
111	Авторские справки	АВТОРЫ

Редакция не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов.

CONTENTS

5	Agafonova A.V., Utyeva A.O. The annexation of the Crimea as a cultural and patriotic phenomena	
10	Markelova A.A. The genesis of federal relations in Russia (by the example of Sverdlovsk region)	
18	Samohvalov N.A. The genesis of the state youth policy in the Russian Federation: Past and Present	RUSSIA TODAY
26	Alekseev D.V. The problem of simultaneous social consolidation and modernization. Ways of it decision.	
32	Zakirov A.R. The role of the structural organization of diversified companies in the development of government relations	
<hr/>		
38	Khirtin K.L. The dynamics of the age structure of the socio-professional group of civil and municipal servants	RESEARCH
<hr/>		
45	Didrov A.A., Penner A.V. From the etymology of the word "chain" to the theory of circuits	
49	Gontsov K.V. Multifactor problem of socio-political stability of society in the modern scientific discourse	THE NEW VECTORS
<hr/>		
57	Artemov A.V. Image of perestroika in official rhetoric in the years 1988-1989 by the example of Gorbachev's speeches	HISTORICAL POLITOLOGY
<hr/>		
63	Balandina A.A. EU membership for the countries of Eastern Europe: results of the ten-year membership (Hungary)	INTERNATIONAL RELATIONS
<hr/>		
70	Kuchinov A.M. The theory of morphogenesis Archer M.S. (summary abstracts)	ABSTRACT
<hr/>		
92	Udina A.S. Methods of construction and analysis of public policy speech	
97	Vedernikova M.I. The role of e-government in reducing corruption and economic development: what can we learn from Singapore?	
103	Svistunova E.V. Stages of European monetary and economic integration and the prospects of euro zone in the current political situation	SHORT MESSAGES
107	Sivkova E.P. Complex visual diagnostics in the international security system	
<hr/>		
111	References about the authors	AUTHORS

Editors are not responsible for the position and views of the authors.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА КАК КУЛЬТУРНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Агафонова А.В., Утьева А.О.

Статья посвящена анализу того, как в современной России формируется национальная идентичность через подъем патриотического духа и самоидентификации граждан страны. Главный акцент делается на то, как событие воссоединения Крыма с Россией и сопутствующая речь В.В.Путина повлияла на рост патриотизма в России и какие оценки данному событию дали россияне.

Ключевые слова: патриотизм, национальная идентичность, Крым, Россия, Родина.

The article examines how the national identity is formed in contemporary Russia, through the rise of patriotism and self-identification of it's citizens. The main focus of the article – how the reunion of the Crimean peninsula with Russia and V.Putin's related speech affected the rise of patriotism in Russia and how it was evaluated by the Russian citizens.

Keywords: patriotism, national identity, Crimean Peninsula, Russia, motherland.

Вхождение Республики Крым в состав РФ было оценено неоднозначно. Поскольку данное событие датируется недавним временем, прения и споры по поводу его характера носят острый характер среди политиков, политологов, журналистов и других заинтересованных лиц. Мы не будем рассматривать причины отделения АР Крым от Украины или давать оценки данного рода интеграции. Перед нами стоят другие цели и задачи, а именно, нам необходимо выяснить как данное явление повлияло на сознание россиян, какой отпечаток это наносит на культуру России и как стала оцениваться политика Президента РФ Путина В. после присоединения АР Крым.

За основу нами были взяты различного рода социологические исследования общественного мнения и публичные выступления политиков – Крымская речь Владимира Путина.

Культура и патриотизм тесно связанные между собой явления. В каждой определенной культуре складываются специфические представления о Родине, формируются особого рода чувства и эмоции по отношению к своей стране. Многие исследователи предоставляют нам свои вариации определения патриотизма, однако среди них прослеживается одна тенденция. Скомпилировав, можем дать свое определение патриотизму – особый вид эмоциональной привязанности индивида к своей Родине, понятие, связанное с идеями, историей и культурой народа, нации, страны, и наконец, это наиболее значимая ценность, присущая как государству, так и обществу, выражающая отношение личности к Отечеству.

Одной из особенностей российской политики на протяжении последних несколько лет является попытка возродить национальную идентичность у населения России. С момента разрастания конфликтной ситуации в Украине наблюдается рост актуализации патриотического дискурса в СМИ. Данное явление указывает на факт пробуждения национальной идентичности среди россиян, роста чувств гордости за свою Родину, и теперь остается лишь укрепить и развить эту тенденцию. Способом ее укрепления могло бы стать создание нового политического праздника, вызывающего у современного гражданина России чувство гордости за свою страну и за свою власть – таким праздником мог бы быть День воссоединения России с Крымом.

Некоторые партии и политические деятели уже призывают к тому, что бы сделать День воссоединения с Крымом национальным праздником, были созданы петиции по данному вопросу.

Нельзя пренебрегать важностью чувства единства и роли защитника для патриотического чувства россиян. Конечно, по мере усиления конфликта с Украиной, страх за русских жителей на территории Крыма подпитывало чувство несправедливости, связанное с потерей крымской территории после распада СССР. Поэтому мы наблюдали такой сильный всплеск восторга и гордости, когда данные проблемы были разрешены путем воссоединения Крыма с Россией. С одной стороны, граждане России почувствовали, что они «защитили» своих братьев, приняв Крым в состав РФ, а с другой стороны, данная территория «вернулась» на свое истинное место.

Эти аспекты В.В.Путин рассматривал в своем публичном выступлении, эффектом которого было не только усиление патриотических чувств среди граждан России, но и среди новых соседей, граждан Крыма.

Приемы, использованные в речи Владимира Владимировича, указывают на то, что он стремится объединить граждан РФ в одну общность, оформив национальную идентичность и включив в нее не только граждан России, но и граждан Крымской республики.

Для более подробного рассмотрения проанализируем Крымскую речь В. В. Путина.

Любая речь, произносимая политиком, предназначается для определенной аудитории. Универсального текста не существует. Есть определенный получатель (какая-либо часть населения), для которого создается текст, и в нем учитываются интересы, ожидания именно для той аудитории, на которую он нацелен. В данном случае аудиторией является целая страна! Таким образом, речь В. Путина построена на основе русской культуры и истории.

На протяжении всего выступления наблюдается добродушный стиль общения, гордость за свою страну и уважение к проявленной инициативе Крыма. Не раз президент указывает на то, что Россия и Крым взаимосвязаны, они имеют общую культуру и историю, а также отмечает: «В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России».

В своей речи Владимир Путин делает несколько очень важных акцентов: во-первых, присоединение Крыма основано на обоюдном согласии: «...подавляющее большинство жителей Крыма, и абсолютное большинство граждан Российской

Федерации поддерживают воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией»; во-вторых, поднимается тема предательства и сдерживания политики РФ, осуждается политика Европы и Запада: «Словом, у нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но всё имеет свои пределы. И в случае с Украиной наши западные партнёры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально»; в-третьих, как это характерно для русской культуры, обращение к богу и к истории: «Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии»; в-четвертых, президент часто использует слова, характеризующие русский менталитет, самобытность, которая в культуре выражалась так: Россия-матушка, защитница и спасительница, Владимир Владимирович отмечает, что это «наш» – русский долг – помогать ближним своим: «Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством».

Крымская речь состоит из 4384 слов. Первое место по частоте использования занимают слова Россия, российский и русский. Далее мы приводим процентное соотношение частоты использования ключевых слов:

- Россия, российский, русский – 85 (1,94%)
- Крым, крымский – 81 (1,84%)
- Наш – 29 (0,66%)
- Народ – 20 (0,45%)
- Нация, национальный – 13 (0,29%)
- История, исторический – 13 (0,29%)
- Общий – 11 (0,25%)
- Родина – 3 (0,07%)
- Дом – 4 (0,09%)

По мнению главного редактора телеканала Дождь Михаила Зыгаря, выступление Путина сходно исповеди, где тот поделился своими переживаниями и взглядами на будущее и прошлое. Так же мы можем отметить, что Крымская речь пронизана душевностью и любовью к России, а также к Крыму – «неотъемлемой части России».

Чтобы проследить тенденцию развития духа патриотизма среди россиян за последний период, обратимся к данным известных организаций исследования общественного мнения.

Так, по исследовательским данным ВЦИОМ 86% россиян утверждают, что Крым – это Россия [2].

Левада-центр опубликовал следующие результаты опроса за август 2014, по которым подавляющее большинство населения (73%) полагают, что Крым должен входить в состав России, и лишь 4% [6] что он должен быть с Украиной. А также,

большинство населения одобряют политику руководства России по поводу присоединения Крыма к РФ и испытывают чувства радости и гордости за страну, и чувство торжества справедливости.

Чтобы выяснить мнение крымчан по поводу воссоединения с Россией, достаточно посмотреть результаты референдума, по результатам которого 96,6% граждан Крыма отдали свой голос за вхождение в состав РФ.

Также немаловажным является факт роста рейтинга главы РФ В. В. Путина. ФОМ сообщил, что по данным на 23 марта 65% россиян позитивно воспринимают действия Путина [8]. Также свой опрос опубликовал и аналитический центр Юрия Левады («Левада-центр»), по данным которого деятельность Путина одобряют 80% россиян, при этом более половины опрошенных (60%) уверены, что дела в стране идут в правильном направлении. Общий рейтинг доверия Президенту РФ В.В.Путину, согласно опросу Фонда развития гражданского общества, составляет 78,3% [8]. По данным опроса ФОМ Послание В. Путина Федеральному Собранию по поводу присоединения Крыма слышало большинство населения, ФОМ также сообщил, что на 23 марта 65% россиян позитивно воспринимают действия Путина, что в свою очередь указывает на важность данного исторического события для сознания россиян.

«18 марта 2014 года был подписан договор «О возвращении Республики Крым и города-героя Севастополя в состав России», – так начинается петиция в адрес Государственной Думы и Федерально Собрания Российской Федерации, на сайте «change.org» в пользу создания нового государственного праздника 18 марта [1].

Политический праздник важный элемент в формировании национальной идентичности. Он способствует формированию национальной идеи и ценностей, формированию коллективной памяти и способствует консолидации общества внутри нового государства. Можно сказать, что принятие данного праздника как государственного праздника будет одним из шагов в сторону формирования национальной идентичности, которая в последние годы обрела немалую значимость в российской политике.

Литература

1. 18 марта. Новый государственный праздник – День воссоединения России с Крымом, Петиция. [Электронный ресурс]: Сайт интернет-петиций. URL: <https://www.change.org/ru/петиции/государственная-дума-федерального-собрания-российской-федерации-18-марта-новый-государственный-праздник-день-воссоединения-россии-с-крымом> (дата обращения 05.01.2015).

2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. М.: Университетская книга. Логос, 2006. 384 с.

3. «Крым и Россия: порознь или вместе?» [Электронный ресурс]: Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746> (дата обращения 05.01.2015).

4. ВЦИОМ: рейтинг Путина взлетел до 82.3 % после присоединения Крыма. [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Международная жизнь». URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=10869> (дата обращения 05.01.2015).

5. Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. Санкт-Петербург: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. 92 с.

6. Левада-центр. Присоединение Крыма к России. [Электронный ресурс]: Официальный сайт «Левада-центр». URL: <http://www.levada.ru/02-09-2014/prisoedinenie-kruma-k-rossii> (дата обращения 05.01.2015).

7. Ружа В. А. Патриотическая культура и ее измерение. [Электронный ресурс]: Современные исследования социальных проблем. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/6/ruzha.pdf> (дата обращения 05.01.2015).

8. Результаты социологического исследования «Россия и россияне: самоидентификация и состояние национального самосознания». [Электронный ресурс]: Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/55> (дата обращения 05.01.2015).

9. Щербинин А.И. Коммуникативная природа политического праздника. // АртМаркетинг. 2007. № 2(14). С. 16–33.

ГЕНЕЗИС ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Маркелова А.А.

Статья посвящена вопросу эволюции федеративных отношений в Российской Федерации на примере Свердловской области. С 1990-х гг. и до наших дней федеративные отношения постоянно претерпевали изменения. Система взаимодействия федерального центра и регионов была разбалансирована в 1991 г. Постепенно складывается система управления, которая подразумевает все меньшее влияние на принятие ключевых политических решений представительных органов власти, тогда как ведущая роль в этом процессе отведена президенту и президентской администрации.

Ключевые слова: федеративные отношения, регионы РФ, Российская Федерация, Свердловская область.

The article focuses on the evolution of federal relations in the Russian Federation on the example of the Sverdlovsk region. From the 1990s. to the present day federal relations constantly changing. The system of interaction between the federal center and the regions was unbalanced in 1991. Gradually there is a control system that includes all the less impact on key policy decisions of representative bodies, whereas the leading role in this process is assigned to the President and the presidential administration.

Keywords: federal relations, the regions of Russian Federation, Russian Federation, Sverdlovsk region.

Под федеративными отношениями принято понимать форму децентрализации государственной власти федеративного государства, в рамках которой происходит разграничение полномочий между органами государственной власти России и органами власти регионов РФ [3].

За более чем двадцатилетнюю историю своего существования федеративные отношения в Российской Федерации претерпели существенные изменения. Так, субъекты РФ приобрели опыт в повышении самостоятельности, а также были выработаны адекватные новой эпохе формы сотрудничества регионов с федеральным центром.

С 1990-х гг. и до наших дней федеративные отношения постоянно модифицировались. В процессе разработки конституционно-правовых основ федеративного правового развития Российской Федерации происходило совершенствование и федеративных отношений. Необходимо подчеркнуть, что в последнее время взаимоотношения федерального центра и субъектов федерации складывались в рамках укрепления вертикали власти.

Российская Федерация состоит из 85 субъектов, среди которых одно из центральных мест занимает Свердловская область. Во многом это объясняется тем,

что Свердловская область является регионом-донором, который обладает сильной экономической, производственной и финансовой базой, а также отличается определенной политической самостоятельностью. В связи с этим будет крайне интересно пронаблюдать, как развивались взаимоотношения Свердловской области как одного из субъектов РФ с федеральным центром в рамках общих тенденций эволюции федеративных отношений в России.

В целом, можно выделить три основных этапа эволюции федеративных отношений в Российской Федерации:

1. 1990-1993 гг. – *политико-трансформационный этап*;
2. 1993-2000 гг. – *конституционно-договорной этап*;
3. 2000 г.-н.в. – *этап стабилизации/укрепления вертикали власти*.

В рамках *политико-трансформационного* этапа был совершен переход от советской государственности к правовым нормам и институтам Российской Федерации. Главные политико-правовые конструкции, которые ускорили завершение транзита от советской системы к демократическому федеративному правовому государству с республиканской формой правления, это Декларация о суверенитете РСФСР (1990 г.), Федеративные договоры (1992 г.) и принятая в декабре 1993 г. Конституция РФ [3].

После принятия Декларации о суверенитете РСФСР в 1990 г. некоторые регионы Российской Федерации заявили о желании выйти из состава федерации или повысить свой статус, чтобы получить большую политическую и экономическую самостоятельность. Кроме того, постепенно баланс сил в отношениях федерального центра и регионов сдвигался именно в пользу регионов [4]. Несмотря на это, федеральным центром были предприняты серьезные меры для стабилизации ситуации в государстве. Началась активно реформироваться исполнительная вертикаль власти, что выразилось в ее централизации и подчинении непосредственно Президенту Российской Федерации. Так, в 1991 году для координирования взаимодействия федеральных и региональных органов власти был создан институт представителей Президента в регионах РФ [7]. Однако эффективность деятельности полномочных представителей на этом этапе была крайне низкой. Например, в Свердловской области в это время полпредом был В.В. Машков, полномочия которого были жестко ограничены, а доверие Б.Н. Ельцина к нему – сомнительным [9].

В качестве некоего компромисса между федеральным центром и региональной властью, который бы помог сохранить ряд регионов в составе РФ и стабильность в государстве, выступили Федеративные договоры от 31 марта 1992 года, разграничившие предметы ведения и полномочия между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти регионов. Свердловская область была в числе тех, кто подписал Федеративный договор, но закрепила за собой право регулировать вопросы внешней политики и международных договоров [2, с. 24].

Характерной чертой политико-трансформационного этапа стали центробежные тенденции, которые проявились в стремлении ряда республик РФ выйти из состава федерации. События, связанные с подписанием в 1992 г. Федеративных договоров, а именно провозглашение Татарстана и Чечни себя суверенными госу-

дарствами, подтолкнули ряд областей всерьез задуматься о провозглашении себя республиками [4].

В 1993 г. ситуация в российском государстве оставалась крайне напряженной. Интенсивно продолжал обостряться конфликт между исполнительной властью в лице президента Б.Н. Ельцина и законодательной в лице А. В. Руцкого. Россия стояла перед угрозой гражданской войны и паралича всех уровней власти. Воспользовавшись удачным моментом, Э.Э. Россель, бывший в то время главой администрации Свердловской области, предпринял попытку повысить статус Свердловской области за счет преобразования ее в Уральскую республику, которая стала бы новым субъектом в составе федерации, но обладала гораздо большей экономической и политической самостоятельностью, чем Свердловская область. Предполагалось, что в Уральскую республику помимо Свердловской области войдут Челябинская, Пермская, Оренбургская и Курганская области, главы которых 14 сентября 1993 г. в Екатеринбурге подписали заявление о намерении участвовать в разработке общей экономической модели регионов Урала [6].

В рамках создания Уральской республики была разработана и утверждена 27 октября 1993 г. Конституция, которая вступила в силу 31 октября. Э.Э. Россель скромно провозгласил себя губернатором республики указом № 1. Первоначально федеральный центр в силу объективных обстоятельств не обратил должного внимания на «уральские» события. Однако уже 9 ноября с Уральской республикой было покончено благодаря указу Б.Н. Ельцина № 1874 о роспуске Свердловского областного совета. 10 ноября за превышение должностных полномочий указом Президента РФ № 1890 был освобожден от должности главы администрации Э.Э. Россель [11].

Таким образом, федеральный центр, стремясь сохранить контроль над всеми регионами, пошел на уступки немногочисленным национальным республикам, но не был готов предоставить большую самостоятельность другим субъектам РФ, так как это бы уже угрожало существованию единовласти центра и российской государственности в целом. К тому же, провозглашение области преимущественно с русским населением республикой выступило бы катализатором распада России.

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году стало логичным завершением политико-трансформационного этапа и началом нового этапа – *конституционно-договорного*.

Во время второго этапа развитие федеративных отношений носило конституционно-договорной характер. В рамках конституционно-договорного этапа происходила дальнейшая суверенизация республик и других субъектов федерации и регионализация российского государства, сопровождающиеся возрастанием проблем, характерных для конституционно-договорных федераций. В это время шел процесс обострения политической ситуации в Российской Федерации. В политическом процессе значимую роль приобретала конфедеративная составляющая [3].

Принятие Конституции РФ в 1993 году обозначило рамки для взаимоотношений федерального центра и органов власти субъектов РФ. Кроме того, в статье 5 пункте 1 Конституции отмечается, что все субъекты РФ равноправны [12]. Добавление данного положения было продиктовано необходимостью не допустить по-

вторения ситуаций, подобных истории с Уральской республикой, в других регионах. Однако законодательное регулирование взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти было несовершенным. Так, для стабилизации ситуации в стране все еще слабый федеральный центр вынужден был пойти на уступки наиболее влиятельным в политическом смысле регионам РФ. Регионам было позволено самим выбирать губернаторов и самостоятельно решать многие внутренние вопросы, а также выстраивать взаимодействия с федеральной властью [5].

25 ноября 1994 года областной Думой был принят первый Устав Свердловской области, включивший в себя основные положения Конституции Уральской Республики. Благодаря этому документу был определен статус Свердловской области в составе Российского государства, гарантировано исполнение конституционных норм для каждого гражданина России, проживающего на Среднем Урале, определена система региональной государственной власти. В Уставе также было отмечено, что Свердловская область обладает самостоятельностью в той мере, в какой это необходимо для обеспечения благосостояния населения и развития области и не нарушает Конституцию РФ и права других субъектов Российской Федерации [17].

Устав Свердловской области поставил перед депутатами областной Думы необходимость перехода от администратора-назначенца к избираемому населением области губернатору [13]. В связи с этим, после принятия Устава областная Дума обратилась к Б.Н. Ельцину с просьбой разрешить проведение всенародных выборов губернатора Свердловской области. Президент РФ Б.Н. Ельцин своим указом от 11 мая 1995 года № 479 «О выборах губернатора Свердловской области» разрешил провести выборы губернатора в качестве «исключения» [18].

После принятия в 1995 году закона, согласно которому все главы субъектов Российской Федерации должны были избираться населением в рамках прямого, равного и тайного голосования, во многих субъектах Федерации прошли выборы губернаторов, и, как следствие, регионам удалось добиться значительной независимости от федерального центра [15]. Это послужило поводом для новой волны децентрализации.

Определенная разбалансированность федеративных отношений между федеральным центром и регионами стала благодатной почвой для заключения двухсторонних договоров и соглашений между ними. Таким образом, в некоторой мере было компенсировано несовершенство законодательных основ федеративных отношений, снято напряжение и обеспечен определенный уровень стабильности во взаимодействии федеральных и региональных органов государственной власти. Но наряду с этим, шел процесс углубления асимметрии федеративных отношений [7].

12 января 1996 года в Москве состоялось подписание Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области. Также был подписан пакет соглашений между Свердловской областью и Российской Федерацией, развивающих и конкретизирующих положения договора [1, с. 36]. Так, в ведение Свердловской области согласно данному Договору были отнесены установление системы органов государственной власти Свердловской обла-

сти, порядка их формирования, организации и деятельности; формирование бюджета области; государственная служба Свердловской области и т.д. [14]. Договор со Свердловской областью стал модельным вариантом для подобных Договоров между федеральным центром и другими областями.

В общем, данные Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ были попыткой ряда областей и краев и федеральной власти выровнять договорной процесс и распространить его не только на республики, но и на другие субъекты Федерации. В Договорах области и края стремились зафиксировать приоритет договорной основы взаимодействия с федеральной властью перед конституционными основами. В связи с этим становятся очевидными противоречия Договоров с Конституцией РФ [10].

В 1997 году федеральный центр предпринял усилить институт полномочных представителей в регионах РФ. Так, согласно указу Б.Н. Ельцина «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в регионе Российской Федерации» полпред в регионе назначался президентом по представлению руководителя президентской администрации и сам являлся чиновником этой администрации. Важнейшими функциями полпреда были информирование президента о политическом, экономическом, социальном положении в регионе, взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти, местным самоуправлением, партиями и т.д.

Указом Президента от 30 марта 1998 года на должность полпреда в Свердловской области был назначен Ю.А. Брусницын, который возглавлял региональную Коллегию федеральных органов исполнительной власти. По мнению экспертов федерального правительства, Коллегия Свердловской области являлась одной из самых эффективных региональных коллегий. Важнейшая задача Коллегии – выявление актуальных проблем региона, которые нуждаются в согласованных действиях областных органов власти и федеральных структур или решении на федеральном уровне [8].

С целью укрепления позиций федерального центра в 1999 году был принят ФЗ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Данный закон установил общие принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий путем заключения договоров о таком разграничении между органами государственной власти субъектов РФ и федеральным центром, а также обязал регионы РФ до 21 июня 2002 года привести тексты договоров в соответствие с Конституцией. Необходимо подчеркнуть, что в процессе изменения федеративных отношений в сторону централизации государственной власти Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Свердловской области прекратил свое действие на основании статьи 5 Федерального закона от 4 июля 2003 года № 95-ФЗ [7].

В рамках этапа *стабилизации* была проведена административная реформа с целью укрепить российскую государственность, вертикаль власти и обеспечить правовую базу российского федерализма.

Таким образом, в 2000 году В.В. Путин выступил с инициативой создать новые институциональные механизмы, которые должны были способствовать усилению роли федерального центра и повышению уровню контроля за деятельностью субъектов, а также сохранению единства и целостности государства. Такими механизмами, через которые была укреплена исполнительная вертикаль власти, стало создание структуры семи федеральных округов и института представителей Президента в них. Свердловская область вошла в состав Уральского федерального округа, а полпредом стал П.М. Латышев.

27 июня 2000 года Конституционный Суд РФ обязал субъекты РФ привести региональное законодательство в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством [3].

Также в 2000 году был изменен порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Так, если раньше Совет Федерации формировался из глав регионов и председателей региональных парламентов, то после реформы в верхнюю палату Федерального собрания губернаторами и региональными парламентами назначались «представители» от региона.

11 декабря 2004 года был принят федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [15].

Закон определил порядок назначения губернаторов. Высшее должностное лицо субъекта РФ по окончании срока полномочий ставило перед президентом вопрос о доверии, после чего президент вносил его кандидатуру (а в случае «недоверия» своего кандидата) на рассмотрение законодательного собрания субъекта. Кандидатуры на должность главы региона Президенту РФ представляли полпреды в федеральных округах [16]. Кроме того, одного претендента предлагала партия, которая обладала большинством в парламенте данного субъекта РФ.

В условиях косвенных выборов губернаторы превратились из самостоятельных и легитимных фигур региональной политики в обычных чиновников, чья легитимность зависит от воли Президента. Таким образом, было положено начало ухода с политической арены губернаторов-тяжеловесов, всенародно избранных еще в середине 90-х. Например, губернатор Свердловской области Э.Э. Россель согласно новому порядку поставил перед В.В. Путиным вопрос о доверии в октябре 2005 года. 21 ноября 2005 года Э.Э. Россель был утвержден на пост губернатора. Но в 2009 году Президент РФ на утверждение в Законодательное собрание Свердловской области президент РФ не внес кандидатуру Э.Э. Росселя.

1 июня 2012 года вступил в силу закон о прямых выборах, инициатором которого стал Д.А. Медведев. Согласно закону политические партии выдвигают кандидатов на должность главы субъекта РФ. Но уже в апреле 2013 года В.В. Путин подписал закон о праве субъектов РФ определять порядок выборов глав регионов. В Уставе Свердловской области на настоящий момент отмечено, что наделения гражданина РФ полномочиями губернатора Свердловской области происходит в рамках косвенных выборов.

Отличительной чертой этапа стабилизации стало частое изменение порядка формирования руководства исполнительной власти субъектов РФ. Зачастую изменения происходили под влиянием мощных политических факторов. И хотя федеральным центром был взят курс на укрепление вертикали власти, объективные обстоятельства порой вынуждали центр идти на уступки. Тем не менее, приоритетной задачей федерального центра всегда оставалось и остается сохранение контроля над главами регионов Федерации.

Во время перехода от советской государственности к правовым нормам и институтам Российской Федерации именно благодаря федерализму удалось сохранить относительную стабильность в государстве и согласие между федеральным центром и регионами. В условиях противоборства центристских и центробежных тенденций слабому в то время федеральному центру часто приходилось идти на уступки регионам, что бы сохранить российскую государственность. В это время был установлен определенный баланс сил и перераспределены полномочия между центром и регионами, а также был изменен способ легитимации региональной власти. Однако по мере усиления центра происходило и укрепление вертикали власти. Постепенно федеральная власть ставила регионы под свой жесткий контроль путем административных реформ и создания новых институциональных механизмов, направленные на укрепления авторитета центра. Исходя из современных тенденций, то усилия федерального центра направлены, прежде всего, на контроль сложных в политическом смысле регионов, таких как Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и др.

Литература

1. Губернаторы Урала: первые всенародно избранные. Авторы-составители А.Д. Кириллов, Б. А. Кириллов. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 1999 год. 197 с.
2. Проблемы и пути совершенствования государственного управления в Российской Федерации. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 54 с.
3. Беленко Н.М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX – начало XXI вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/abstract/Belenko_NM (дата обращения: 01.11.2014).
4. Капустина Л.М. Эволюция отношений Центр – регионы и сценарии развития федеративных отношений в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalmcart.ksu.ru/conference/seminar5/kapustina.htm> (дата обращения: 03.11.2014).
5. Крашенинников Ф. Уральская республика: была или будет? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politsovet.ru/43439-uralskaya-respublika-byila-ili-budet.html> (дата обращения: 03.11.2014).
6. Лузин Д. Уральская республика, которой не было [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chel.mk.ru/article/2011/12/07/650453-uralskaya-respublika-kotoroy-ne-byilo.html> (дата обращения: 03.11.2014).

7. Масленникова Е. Государственное и муниципальное управление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika/u003/06.htm> (дата обращения: 05.11.2014).

8. Панов А. Полномочный представитель Президента: статус и проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinovnik.uara.ru/ru/ru-ru/issue/1999/03/07/> (дата обращения: 05.11.2014).

9. Смирнова Е. Ради чего Петр Латышев борется с Эдуардом Росселем? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flb.ru/info/4806.html> (дата обращения: 06.11.2014).

10. Торшенко А.А. О конституционности договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinovnik.uara.ru/ru/ru-ru/issue/1998/03/06/> (дата обращения: 01.11.2014).

11. Свердловская область в ноябре 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1993/1193/66.html> (дата обращения: 03.11.2014).

12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 07.11.2014).

13. Как уральцы выбирали Росселя губернатором [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oblgazeta.ru/politics/14346> (дата обращения: 02.11.2014).

14. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/9015704> (дата обращения: 07.11.2014).

15. СПРАВКА: выборы губернаторов в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibir.ria.ru/politics/20121014/82284189.html> (дата обращения: 07.11.2014).

16. Порядок и процедура назначения и снятия губернаторов в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ria.ru/spravka/20110225/338705499.html> (дата обращения: 03.11.2014).

17. Областной закон от 05.12.1994 № 13-ОЗ «Об Уставе Свердловской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ustavsud.ur.ru/index.php/index.php?ind=document&catatlog=document&id=2> (дата обращения: 08.11.2014).

18. Указ Президента РФ от 11 мая 1995 года № 479 «О выборах губернатора Свердловской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/expert/law/249425> (дата обращения: 09.11.2014).

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Самохвалов Н.А.

Автор осуществил ретроспективный анализ становления и развития государственной молодежной политики в современной России в период с 1990 года и по настоящее время. Особое внимание уделяется нормативно-правовой регламентации и институциональной основе государственной молодежной политики.

В заключении автором выделяются две основные проблемы в сфере реализации государственной молодежной политики российского государства. Во-первых, отсутствие Федерального закона о государственной молодежной политике, который закрепил бы понятие молодежной политики, основные цели, задачи, механизмы реализации, а также административно-управленческую систему органов, ответственных за ее осуществление. Во-вторых, отсутствие профильного министерства, которое занималось бы исключительно проблемами молодежи, как стратегического ресурса инновационного развития России и вобрало бы в себя всю необходимую совокупность полномочий и компетенций, находящихся сегодня в ведении достаточно большого количества органов исполнительной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: *молодежь, государственная молодежная политика, институционализация, административно-управленческая система.*

The author carried out a retrospective analysis of the formation and development of the state youth policy in modern Russia in the period from 1990 to the present. Particular attention is paid to the regulation of the legal and institutional framework of the state youth policy.

Finally, the author identifies two main problems in the implementation of the state youth policy of the Russian state. Firstly, the absence of federal law on state youth policy, which would entrench the concept of youth policy, the basic goals, objectives, implementation mechanisms, as well as administrative and management systems of bodies responsible for its implementation. Secondly, the lack of relevant ministry that would deal exclusively with young people as a strategic resource of innovative development of Russia and absorbed to a collection of all the necessary powers and competences, which are now in charge of a large number of executive authorities of the Russian Federation.

Keywords: *youth, state youth policy, institutionalization, administration and management system.*

Реалии современности диктуют условия в различных сферах общественно-политической жизни для каждого конкретного государства. Безусловно, важным условием, которое на сегодняшний день необходимо исполнять любому государству мирового сообщества является активное вовлечение молодежи в политиче

ские процессы, а, следовательно, создание и разработка эффективного механизма реализации государственной молодежной политики в качестве важнейшей составляющей внутренней политики. Исключением в данном случае не является и Российская Федерация.

Для построения эффективной системы реализации государственная молодежная политика в России необходимо проанализировать исторический опыт, накопленный в нашем государстве в области молодежной политики.

С распадом Советского Союза начался новый, постсоветский период историографии, во многом подготовленный «перестройкой» и «гласностью» [12, с. 24]. Впервые мысль о необходимости создания и практического осуществления механизмов реализации государственная молодежная политика была высказана виднейшим отечественным исследователем советской, а затем и российской молодежи И.М. Ильинским в 1986 году.

В так называемый «перестроечный» период комсомол как фундаментальный инструментальный в сфере реализации государственной молодежной политики теряет свою значимость, что предопределяет необходимость разработки инновационных методик в работе с представителями молодого поколения и формирования нового внутривнутриполитического курса с четко определенной ролью и значением в его рамках государственная молодежная политика.

К наиболее значительным достижениям в сфере реализации советской государственной молодежной политики, на наш взгляд, следует отнести принятие Верховным Советом СССР Закона от 16 апреля 1991 года № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» и создание 30 июля 1991 года Государственного комитета РСФСР по молодежной политике.

Последующие действенные меры в рамках государственной молодежной политики непосредственно происходят в современной России. На первоначальном этапе существования современного российского государства институциональная административно-управленческая система реализации государственной молодежной политики была представлена в следующем виде.

В сентябре 1992 года под юрисдикцией Правительства Российской Федерации создается Комитет по делам молодежи с утвержденным комплексом полномочий и штатной численности сотрудников. Не следует забывать специфичность внутривнутриполитической обстановки в 1992-1993 годах, которая предопределялась тотальной конфронтацией Президента России и Верховного Совета. В сложившейся ситуации того периода молодежь рассматривалась в качестве стратегического ресурса способного активно влиять на проводимую государственную политику в различных областях общественной жизни. Именно поэтому каждая из противоборствующих сторон стремилась заручиться поддержкой молодежи.

В подобных условиях зарождались организационно-концептуальные основы государственной молодежной политики, осуществилось ее фактическое отделение от государства с одновременным созданием Ассоциации общественных объединений «Национальный совет молодежных и детских объединений России». Указанная ассоциация была призвана консолидировать усилия основных молодежных организаций того времени, среди которых особо выделяются такие организации как Российская ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов (РАПОС),

Союз молодежных строительных кооперативов России (Союз МЖК России) и «Детские и молодежные социальные инициативы» (ДИМСИ). Следует отметить, что названная организация действует в сфере молодежной политики и на сегодняшний день.

В этот же период был разработан и принят ряд основополагающих нормативных правовых актов, призванных регламентировать реализацию ГМП. К таковым, в частности, следует отнести Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1992 года № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.06.1993 года № 459-рп «О праздновании Дня молодежи» и другие [11].

Учитывая вышесказанное, приходим к выводу, что период времени 1992-1993 гг. следует считать начальным рубежом оформления государственной молодежной политики. Принятие Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года создало благоприятные условия для дальнейшего реформирования молодежной политики российского государства.

В течение 1994 года были осуществлены очередные преобразования в институциональной системе управления государственной молодежной политики. В январе указанного года Комитет Российской Федерации по делам молодежи был расформирован путем образования Комитета Российской Федерации по делам молодежи, физической культуре и туризму, а в мае ему вновь вернули прежнее название. В этом же году структурные преобразования в сфере управления государственной молодежной политики в России продолжились, в частности, в качестве основных институциональных субъектов управления молодежной политикой стали выступать – Комитет Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи и Совет по делам молодежи при Президенте Российской Федерации. Основной задачей Совета являлась необходимость информирования Президента Российской Федерации о проблемных аспектах в области государственной молодежной политики, а также о разработке и принятии необходимых мер, направленных на повышение эффективности практической реализации молодежной политики как важнейшей составляющей внутреннего политического курса российского государства [10].

На Совет возлагались большие надежды, так как это был первый государственный орган в сфере молодежной политики в России, наделенный правом разработки и предложения Президенту Российской Федерации действенных мер, средств и механизмов реализации государственной молодежной политики. К сожалению, Совет не оправдал возлагаемых на него надежд и в силу различных объективных причин в 2000 году был расформирован.

В последующем в четырех летний период с 1995 по 1999 годы созданы следующие структуры, отвечавшие за государственной молодежной политики:

- по настоятельной инициативе Совета по делам молодежи при Президенте Российской Федерации и Комитета Российской Федерации по делам молодежи для разработки эффективных практик реализации государственной молодежной политики был создан Национальный фонд молодежи [4]. Национальный фонд молодежи прекратил свою деятельность из-за отсутствия финансирования.

- межведомственная комиссия по содействию творческому и научно-техническому развитию детей и молодежи Российской Федерации [9].

Институциональная структура управления государственной молодежной политики в этот период времени модернизировалась следующим образом: изначально Комитет Российской Федерации по делам молодежи был переименован в 1996 году в Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, который упразднили в апреле 1998 года.

Не смотря на это, в июне этого же года функции Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи были переданы в ведение Министерства труда и социального развития Российской Федерации с образованием в его структуре Департамента по делам молодежи и введением должности заместителя министра, который непосредственно отвечал за реализацию государственной молодежной политики. Поводом для подобных преобразований послужило обращение в мае 1998 года депутатов нижней палаты российского парламента – Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту России [8].

В сентябре 1998 года вновь воссоздается Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, утверждается его организационная структура, аппарат, количество сотрудников, а также детализируются основные цели и задачи его деятельности. В 1999 году происходит преобразование вышеуказанного Комитета в Государственный комитет Российской Федерации по молодежной политике.

В период 1995-1999 годы были приняты следующие ключевые для государственной молодежной политики документы:

- Федеральный закон от 28 июня 1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [1];
- Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2];
- Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.1996 года № 387 «О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации» [5];
- Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 года № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» [7].

В конце 1999 года в Государственную Думу вносился проект Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». Следует отметить, что данному нормативному правовому акту суждено было остаться исключительно проектом, так как первый Президент РФ Б.Н. Ельцин воспользовался правом вето, которое палаты российского парламента преодолеть не смогли. К сожалению, Федеральный закон, который включил бы в себя категориальный аппарат, определил бы основные задачи и функции при реализации государственной молодежной политики, детализировал систему органов управления молодежной политикой в России не принят и на сегодняшний день.

Начало 21 столетия знаменуется продолжением государственного курса, который направлен на становление и развитие ГМП в современной России. В частности, в последующих 2002, 2003, 2004 годах Государственный совет Российской

Федерации так и не внес в повестку своей работы вопросы государственной молодежной политики. Единственным позитивным итогом рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по молодежной политике стала разработка проекта «Доктрины государственной молодежной политики Российской Федерации», в которой закрепить фундаментальные положения в сфере практической реализации государственной молодежной политики. Доктрина должна была стать базовым документом в области молодежной политики российского государства на долгосрочный период. Однако проект Доктрины, так и остался, лишь, проектом и не более того.

В качестве основополагающего документа в области молодежной политики в 2006 году Правительством России была утверждена «Стратегия государственной молодежной политики до 2016 года» [6].

Указом Президента России в 2004 году в ходе формирования нового российского Правительства были созданы:

- Министерство образования и науки РФ, включивший в себя Департамент по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей;
- Федеральное агентство по образованию со структурным подразделением, отвечающим за государственную молодежную политику – Управление по делам молодежи [3].

Государственный комитет РФ по делам молодежи был образован 24 сентября 2007 года, при этом в качестве самостоятельной государственной структуры ему удалось просуществовать совсем недолго, так как 12 мая 2008 года данный Комитет путем реорганизации приобрел статус Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), которое находится в непосредственном подчинении Министерства спорта и туризма РФ.

В эти года молодежной политике придавалось огромное значение, что подтверждали слова главенствующих субъектов политических процессов, например Президента Российской Федерации Путина В.В., который в рамках первого заседания организационного комитета по проведению года молодежи в России 29 февраля 2009 года буквально заявил следующее: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики... Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет, в 40 лет станут главными действующими лицами в нашей стране по реализации планов и проектов развития Российской Федерации, укрепления гражданского общества и его институтов» [14].

Однако не только словами на тот период времени отмечалась важность и приоритетность государственной молодежной политики в России, именно тогда были предприняты реальные практические шаги к формированию детально организованной системы молодежной политики, которая способна осуществить ее эффективную практическую реализацию. В частности следует привести в пример знаковые мероприятия для государственной молодежной политики российского государства в третьем тысячелетии:

- Год молодежи в России (2009);

- Год молодежи в СНГ (2009);
- Председательство России в Совете по делам молодежи государств – участников СНГ (2010);
- Молодежный образовательный форум (лагерь) «Селигер» (2005-2014) и многие другие [11].

В мае 2012 г. Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации было реорганизовано в Министерство спорта РФ, при этом функции реорганизуемого министерства в сфере реализации государственной молодежной политики были вменены Министерству образования и науки Российской Федерации, для осуществления которых в организационной структуре Минобрнауки был создан Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи.

Мировая практика последних десятилетий лет показывает, что политико-экономических успехов добиваются исключительно государства, уделяющие одно из приоритетных вниманий молодому поколению и молодежной политике, как основной из важнейших составляющих общего внутривнутриполитического курса конкретного государства. Здесь же необходимо отметить, что в политику пришло новое поколение, которое либо не знало прежних лидеров, либо не принимает их, т.к. усвоило иные ценности. Кроме того, само общество, его социальная структура сильно изменилось за последнее время, что создает новую оптику восприятия [15; 186]. Именно новое восприятие молодым поколением российской политической действительности, активное участие молодежи в политических процессах и будет служить предопределяющим фактором эффективной реализации государственной молодежной политики на долгосрочную перспективу развития нашего государства.

Учитывая вышесказанное, считаем необходимым отметить, что, объективно, выделяются две основные проблемы в сфере реализации государственной молодежной политики российского государства.

Во-первых, отсутствие Федерального закона о государственной молодежной политике, который закрепил бы понятие молодежной политики, основные цели, задачи, механизмы реализации, а также административно-управленческую систему органов, ответственных за ее осуществление. При этом следует отметить, что в странах СНГ, кроме России и Армении, имеются базовые законы в сфере государственной молодежной политики. В Азербайджане, Казахстане и Туркмении действуют законы «О государственной молодежной политике», в Киргизии, Белоруссии и Узбекистане – «Об основах государственной молодежной политики», в Молдавии – «О молодежи», Таджикистане – «О молодежи и государственной молодежной политике», Украине – «О содействии социальному становлению и развитию молодежи». В ряде стран созданы государственные органы по делам молодежи, приняты национальные программы [13, с. 10].

Во-вторых, отсутствие профильного министерства, которое занималось бы исключительно проблемами молодежи, как стратегического ресурса инновационного развития России и вобрало бы в себя всю необходимую совокупность полномочий

и компетенций, находящихся сегодня в ведении достаточно большого количества органов исполнительной власти Российской Федерации.

В современных условиях именно государственная молодежная политика призвана стать одним из важнейших элементов формирования конкурентоспособности российского государства в условиях трансформации мирового политического, геоэкономического и геокультурного ландшафта в начале XXI столетия.

От решения обозначенных нами проблем в недавнем историко-политическом прошлом нашей страны во многом будет зависеть будущее России, поскольку в 21 веке неоспоримые преимущества будут иметь государства, которые создадут эффективную систему государственной молодежной политики, что позволит использовать огромный потенциал, заложенный в молодежи на благо развития страны.

Литература

1. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (в ред. от 05.04.2013 г.) // Российская газета. 1995. №27.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 04.06.2014 г.) // Российская газета. 1999. №26.

3. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 22.06.2010 г.) // Российская газета. 2004. №48.

4. Указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1995 г. № 242 «О национальном фонде молодежи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №11.

5. Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» (в ред. от 21.04.1997 г.) // Российская газета. 1996. №94.

6. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. №1760-р (в ред. от 16.07.2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №52.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 03 апреля 1996 г. № 387 «О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации» (в ред. от 3.08.1996 г.) // Российская газета. 1996. №69.

8. Постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 14 мая 1998 г. № 2452-2 ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 30 апреля 1998 г. № 483 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №21.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 1995 г. № 32 «О межведомственной комиссии по содействию творческому и научно-

техническому развитию детей и молодежи Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №4 (утратило юридическую силу).

10. Распоряжение Президента Российской Федерации от 10 июня 1994 г. № 295-рп «О Совете по делам молодежи при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №8 (утратило юридическую силу).

11. Доклад молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. С. 18-19. URL: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadm-ru-2013-11-13.pdf>. (дата обращения: 08.11.2014 г.).

12. Билим Н.Н. Историография государственной молодежной политики СССР и ее реализации на Дальнем Востоке в 1922-1941 гг. (постсоветский период) // История государства и права. 2012. №18. С. 24.

13. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. 2007. № 20. С. 10.

14. Путин В.В. Речь Президента Российской Федерации на Первом заседании организационного комитета по проведению года молодежи в России 19 февраля 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4834> (дата обращения: 08.11.2014).

15. Шестопап Е.Б., Нестерова С.В., Букреева О.В., Смутькина Н.В., Затонских А.В., Титов В.В. // Власть. 2012. № 3. С. 186.

ПРОБЛЕМА ЕДИНОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ. ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Алексеев Д.В.

В данной статье рассмотрены такие актуальные для сегодняшней повестки дня вопросы, как перспективы модернизации в сегодняшней России, опыт модернизации на протяжении различных периодов истории. Приведена авторская дефиниция модернизации, а также показана необходимость общественной консолидации для проведения модернизации в нынешних условиях. Предложен вариант объединения общества на основе идеи о всеобщем искоренении коррупции. По мнению автора, подобный сценарий возможен в случае если власть проявит политическую волю, а общество сможет как можно скорее сформировать дееспособное гражданское общество.

***Ключевые слова:** модернизация, общественная консолидация, борьба с коррупцией.*

In this article we discuss about such actual topics for the agenda issues as the prospects for modernization in Russia today, the experience of modernization throughout different periods of history. The author shows definition of modernization and necessity of social consolidation for modernization in the current environments. A variant of the society association based on the idea of universal struggle with corruption. On author's opinion, this variant have a good chance under the conditions that the power have the political will, and the society as soon as possible will be able to form a functioning civil society.

***Keywords:** modernization, society consolidation, struggle with corruption.*

Проблема консолидации российского общества в условиях современной нестабильной системы и неустойчивого развития имеет первостепенное значение. Проблема относительно не нова. В 2005 году в аналитическом докладе С.Кортунова и В.Рубанова «Модернизация России и Европы: методологические проблемы» говорится о том, что «Модернизация является главной проблемой национальной повестки дня и, в частности второго срока Президента РФ В.Путина» [4, с. 593]. Уместно здесь вспомнить и нашумевшую статью Д.А.Медведева «Россия, вперёд!», которая заметно оживила дискуссии о модернизации. Главным предметом модернизации должна быть не конкретная сфера общественной жизни, а вся система в целом. Научный руководитель НИУ-ВШЭ Е.Г.Ясин пишет, что «Речь идёт о достижении мировой конкурентоспособности страны в целом и достаточно широкого круга отраслей... Таким образом, речь идёт о модернизации не только экономики (или политики – прим. А.Д.), но и всего общества» [10, с. 6]. Об этом же пишет главный редактор журнала «Проблемы, теории и практики управления» проф. А.Хачатурян: «Как бы ни была важна смена

поколений в технике и технологиях, главным предметом модернизации остаётся само общество, призванное обеспечить её социально-политически и социально-экономически» [8, с. 23]. Проблемой является то, что власть вынуждена проводить общественную консолидацию одновременно с модернизацией, а это существенно усложняет задачу. Причём обе позиции (модернизация и консолидация) являются, возможно, ключевыми в вопросе сохранения власти для нынешней элиты в долгосрочной, а возможно и среднесрочной перспективе.

Все современные учёные и эксперты сходятся во мнении, что модернизация в России необходима и неизбежна. С этим нельзя не согласиться, поскольку в условиях нарастающего давления набирающего силу гражданского общества существует риск изменений «снизу», а это наихудший вариант (ситуация на Украине подтверждает это). При этом в экспертном сообществе нет единого мнения в вопросе, что необходимо понимать под модернизацией. Сложно сформулировать всеобъемлющую дефиницию такого многозначного понятия, как модернизация. Однако можно представить её в следующем общем варианте. Модернизация – это процесс перехода к современному обществу, предусматривающий качественное совершенствование во всех его сферах (оговоримся, что каждый качественный переход имеет историческую специфику).

Отметим, что в зарубежной политической науке тема модернизации разработана весьма детально. Существует много подходов к её пониманию (У.Ростов, С. Хантингтон, С.М.Липсет, А.Пшеворский и др.). Если же говорить о политической модернизации, наибольшее признание имеет на сегодняшний день функциональный подход Алмонда-Пая, включающий в себя три измерения модернизации.

Сегодня бытует мнение о невозможности модернизации в России. Думается, что оно в корне неверно. В России достаточно сильная традиция модернизации, причём во всех сферах жизни. Правление Петра I во многом изменило уклад жизни народа (как минимум интеллигенции). Вспомним о реформах в политике, например, таких как создание Сената и Синода, коллегий, «Указ о престолонаследии». «Табель о рангах» создал мощный социальный лифт. А в экономике война открыла новые горизонты для торговли, были открыты многие рудники на Урале. В культуре – это создание Академии наук, введение европейской моды, появление ассамблей.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что реформы Александра II, есть модернизация. Это касается политической и социальных сфер в первую очередь. Отмена крепостного права привела к переформатированию отношений между тогдашними стратами и, в конце концов, всё кончилось ослаблением важнейшего слоя, опоры царя – дворян. Земская реформа наделила полномочиями органы местного самоуправления, а судебная реформа фактически «создала» одну из самых современных судебных систем мира. Примерно в это же время в России имело место такое явление как промышленный переворот. Ещё при Николае I появилась Октябрьская железная дорога, в 1880-е – 90-е развивается автомобильное производство, фотоискусство.

Коллективизация и индустриализация при сталинском режиме в 30-е годы представляет собой авторитарный вариант модернизации. Путём консолидации социума с помощью мощной социалистической идеологии при использовании си-

ловых методов И.В.Сталин сумел превратить СССР в индустриальную страну. Некоторые историки считают, что во многом благодаря этому мы выиграли Великую Отечественную войну.

Ещё одним аргументом скептиков является менталитет россиян. Считается, что он от природы аморфен и консервативен. Отчасти это верно, однако подобное не является непреодолимым препятствием. Во-первых, модернизация проходила в странах с куда менее развитыми институтами и менее социализированным обществом. «Азиатские тигры» и Китай являются тому хорошими примерами. Думается, не стоит принижать наши способности. Во-вторых, не всегда русский человек был таким тяжёлым на подъём. Вспомним старообрядцев. После церковного раскола они встали в оппозицию не только к новой церкви, но и к государству. Их традиция – это не упование на ближнего или царя, а личная ответственность за свои поступки, а также стремление к постоянному прогрессу. В центре их мировоззрения стояла личность, а не государство. В этом смысле они похожи на протестантов. В связи с заявленной проблемой обратимся также к незаконченным реформам П.А.Столыпина. Он сделал ставку на кулака, зажиточного крестьянина, и как следствие начал возникать слой малых и средних предпринимателей. Кроме того, началось беспрецедентное освоение Сибири русским крестьянством. Были использованы элементы насилия, но появились предпосылки для модернизации и Столыпин за небольшой промежуток времени успел многое сделать. Отметим, что реформа имела оттенок европейского рационализма. Можно даже сказать, что реформатор развенчал миф о всеобщей самобытности русского народа (которая являлась тормозом для его развития), ведь реформа была чужда традиционной русской самости. Столыпин стремился создать нового человека, несколько изменив менталитет. Практика показывает, что изменение культурной идентичности – ключевое условие успешности модернизации. Однако изменение не означает слом (примеры стран Востока и здесь наглядны).

Однако невозможно провести масштабную модернизацию без поддержки социума. Сам по себе концепт модернизации является достаточно сложным для восприятия. Полное его понимание широкими слоями будет возможно в долгосрочной перспективе. А.Хачатурян пишет, что «Идея эффективной модернизации принадлежит не только какой-то партии или национальному лидеру, она должна быть всеобщей...» [8, с. 27]. Однако, консолидировать общество перед вызовами модернизации может другая идея, которая прямо касается проблемы всеобъемлющей модернизации.

Сегодня элита нуждается в консолидации социума (для власти консолидация - важнейший способ сохранения своего положения) даже больше, чем раньше, поскольку в обществе современной России существуют некоторые «болевы́е точки», неправильное отношение и работа с которыми может привести к расколу и хаосу. Доказательств и причин для разобщённости на сегодняшний день достаточно много. Это и общемировая тенденция к протесту, яркими примерами которой являются «арабская весна», акции в Бразилии против проведения Чемпионата мира по футболу, «Оккупируй Уолл-стрит» в Америке и Великобритании. Консолидация, стимулированная украинским кризисом, присоединением Крыма, давлением Запада, успешной Олимпиадой, носит временный характер и рискует «разбиться» об

суровую реальность экономических последствий проводимой политики. Риски достаточно велики. В случае возникновения протеста в будущем он может быть более опасным, чем митинги на Болотной или площади Сахарова. Политолог К.Рогов пишет, что если в нынешней волне преобладают требования среднего класса о политических правах, правовой справедливости, верховенство демократии, свободы слова, то следующий мощный прилив будет существенно более леворадикальным и бескомпромиссным [1, с. 62]. Обостряет ситуацию актуализация межнациональных конфликтов на территории всей России. События в Пугачёве, в Бирюлёво, конфликтные ситуации на Кавказе – всё это следствия проблемы, которые раскалывают общество на два лагеря: те, кто толерантно относятся к иммигрантам и те, кто считают, что необходимы серьёзные меры в регулировании иммиграционной политике. В ходе модернизации эскалация общественных конфликтов неизбежна, поскольку происходит нежелательное наложение ряда процессов друг на друга, таких как рост национального самосознания, возникновение и институционализация новой системы общественных и межнациональных отношений, технологизация общества, снижение экономического потенциала ряда стран. Подобные процессы могут служить поводом для различных политических спекуляций [6, с. 170–171]. В условиях модернизации такие конфликты сложно предотвратить полностью, однако их можно регулировать с помощью грамотных законов и политических решений.

В подобных условиях возникает острая необходимость в мощном инструменте общественной консолидации. В России существует подобный положительный опыт. Во времена царской России правительство отказывалось от ассимиляции завоеванных народов, им предлагалось жить на одной земле с русскими в союзе на правах младших братьев. Это был эффективный ход, защита от внешних угроз и отказ от покушений на идентичность, и политическая стабильность обеспечило как минимум полную лояльность, а как максимум братский союз народов. Отметим и значение общины, институт, который соединял людей и подчёркивал русский коммюнитаризм. Однако всё большее распространение капитализма подрывало существующий строй. Народ стал с подозрением относиться к выделившейся прослойке буржуазии. Это и подорвало существующий порядок вещей. При советской власти были свои средства консолидации, такие как исторический вызов для советского народа, и утопическая идея грядущего коммунистического общества, и социальное государство, и идея «догнать и перегнать Америку». Долгое время система работала, однако из-за целого комплекса причин империя рухнула.

Главным инструментом консолидации является идеология. Однако среди классических идеологий сложно найти такую, которая бы соответствовала интересам большинства людей, к тому же в элите и экспертном сообществе дебаты по вопросу выбора приоритетного варианта могут затянуться на годы. Подобным количеством времени власть не располагает. Поэтому, думается, решением могут быть декларация и реальные действия против проблемы, которая касается каждого человека, и с которой многие сталкивались. Идея должна быть простой и близкой большинству людей и в тоже время быть связана с иными общественными проблемами.

Вариантом такой идеи может стать идея о всеобщем искоренении коррупции. Подобная мысль близка многим, практически все сталкивались с проявлением коррупции в государственных, образовательных, медицинских органах. Если объединить всех перед этой проблемой: от высокопоставленных чиновников до рабочих, то и проблема коррупции может быть минимизирована и общество консолидировано перед новыми вызовами. Поверхностных мер, вроде повышения зарплаты государственным служащим, изменение правового поля, открытой конкуренции за должности и государственные заказы, контроля над ангажированностью [7, с. 91–119] недостаточно, хотя они важны. Если мы хотим решить проблему коррупции, то общество нуждается в более глубинных изменениях на аксиологическом и культурологическом уровнях. Пропаганда идеи о вреде коррупции в СМИ, подобающее семейное воспитание, социализация в школах, возможно даже включение в курс обществознания элементов антикоррупционной деятельности и повсеместное упоминание о коррупции, как о главной национальной проблеме, которую можно победить, социальная реклама, корректировка системы ценностей, – вот меры, которые способны повлиять на ситуацию. Они органично ложатся в контекст политической модернизации.

Безусловно, существует ряд рисков для элит. Например, нежелание борьбы с ней в собственных рядах, поскольку это чревато обрушением многих связей и изменением структуры управления. Однако отсутствие подобной саморефлексии поставит под сомнение саму идею борьбы с коррупцией, а значит и общественную консолидацию. Поэтому власти нужно проявить политическую волю в этом вопросе. В конечном итоге именно от этого будет зависеть судьба консолидации общества и судьба самой власти.

Литература

1. Глухова А.В. Россия 2012: запрос на политические перемены / Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Ежегодник 2013 / под ред. Соловьёва А.И. М.: РОССПЭН. 2013, С. 49–67.
2. Казбекова М.А. Взаимоотношения власти и оппозиции в условиях политической модернизации России и Казахстана. М.: изд-во РАГС. 2010, 31 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика нациестроительства в современной России / Государственная политика нациестроительства в современной России, выпуск 2 (40). М.: Научный эксперт. 2011, С. 5–45.
4. Картунов С., Рубанов В. Модернизация России и Европы: методологические проблемы. Аналитический доклад // Безопасность Евразии. 2005, №1, С. 593–602.
5. Миронюк М.Г. Очередной вызов модернизации России и ложность дилеммы «экономика или политика» / Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / под ред. Соловьёва А.И., М.: РОССПЭН. 2011. С. 69–98.
6. Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Ганиев С.К. Этническая политика в условиях модернизации полиэтнического общества / Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического

сотрудничества. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: 2013, С. 70–71.

7. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос. 2003, 343 с.

8. Хачатурян А. Модернизация и социальное дисциплинирование в России - Проблемы теории и практики управления. 2013, №3, С. 22–32;

9. Шабров О.Ф. Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии [Электронный ресурс]: Модернизация и политическое развитие России: Сборник научных статей URL: <http://shabrov.info/Statji/modern3.htm> (дата обращения 21.01.2015).

10. Ясин Е.Г. Модернизация и общество / К VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие. М.: изд. Дом ГУ-ВШЭ. 2009, С. 116.

РОЛЬ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРУПНЫХ КОМПАНИЙ В РАЗВИТИИ GR (GOVERNMENT RELATIONS).

Закиров А.Р.

Работа посвящена исследованию влияния структурной организации крупных отечественных и зарубежных компаний на развитие такого рода отношений как Government Relations (GR). Основной целью работы было выявление ключевых слагаемых успешного развития GR-стратегий через призму исследования внутренней структуры крупных компаний. В основе данного исследования лежит упрощенная методология «обоснованной теории», суть которой заключается в том, что сначала осуществляется сбор данных, начитывается материал, и только потом исходя из обобщения прочитанного строится определенная теория. В данной работе применялся метод кейс-стади для составления классификации структурных конфликтов, послуживших практической основой для следующего метода, а именно сравнительной методологии определения наиболее удобных и подходящих типов внутренней организации, соответствующих эффективной разработке, принятию и реализации GR-стратегий.

В результате начальной выборки были отобраны крупные бизнес структуры с развитыми GR-департаментами, такие как «General motors», «Аппалакская энергетика», «РЖД», «РосНефть», «группа компаний «Ренова». В результате исследования были классифицированы выявленные структурные конфликты с их особенностями, возникающие по причине планирования и реализации GR-стратегий. А также составлена типология специфических управленческих технологий, в частности методы внутренней организации для наиболее эффективной реализации GR-связей.

Ключевые слова: гражданское общество, крупный бизнес, социально ответственное государство, Government Relations, корпоративная организация.

The article discusses the influence of the structural organization of diversified Russia and USA companies in the development of Government Relations (GR). The main object of the work was identification the key terms of the successful development of GR-strategies through the lens of the researching of the internal structure of diversified companies. The basis of this study is a simplified methodology of «grounded theory», the main idea of that is collection data and materials in the beginning, and only after that making construction of theory. In this paper was used the method of case study to compile the classification of structural conflicts, also was used a comparative methodology for determining the most convenient and suitable types of internal organization for effective development, adoption and implementation of the GR-strategies. In researching was selected major business structure with developed GR-departments such as «General Motors», «Appalachian Energy», «Russian Railways», «Rosneft», «Renova» group». In the result of researching was classified structural conflicts. And also was compiled

a typology of specific management techniques such as methods of internal organization for the most effective implementation of Government Relations.

Keywords: *modernization, society consolidation, struggle with corruption.*

Одной из наиболее динамично изменяющейся сферой отношений являются взаимоотношения бизнес-структур и некоммерческих организаций с государством. Данные взаимоотношения предполагают специфические управленческие технологии, среди которых пристальному вниманию современной политической науки удостоились быстро развивающиеся «Government Relations» (сокращенно – GR, перевод с английского: связи с правительством, взаимодействие с органами государственной власти) [1, с. 25].

На данный момент в российской политической практике существует в виду неоднозначности его понимания довольно много определений понятия «Government Relations». Так, кандидат политических наук П.А. Толстых дал наиболее, на мой взгляд, оптимальное определение: «GR – деятельность специально уполномоченных сотрудников и отделов крупных коммерческих структур (GR-менеджеров) по ведению работы компании в политическом окружении» [2, с. 1].

В проведенном мною исследовании развития GR в крупных структурах ключевыми вопросами были то, как внутренние структурные конфликты компаний оказывают влияние на взаимоотношения с государством; каким образом тип внутреннего устройства и внутренней корпоративной политики определяют GR-стратегии; а также каковы слагаемые эффективности GR в крупных структурах.

В исследовании были подобраны такие кейсы, как:

«General Motors» (сокращенно GM) – крупнейшая американская автомобильная корпорация, крупнейший производитель автомобилей в мире, в модельном ряду которой представлены практически все классы автомобилей, соответственно производимых различными региональными подразделениями в различных штатах.

«Аппалакская энергетика» – крупнейший поставщик электроэнергии на восточном побережье США. Также занимается производством переработки нефти, химической промышленностью, прокладкой нефте-/газопроводов, а также строительством дорог. Соответственно, каждым из производств занимается профильный департамент.

«РЖД» – ОАО Российские Железные Дороги – российская компания, структура которой называется вертикально интегрированной, но с множеством региональных департаментов.

Группа компаний: американская «Assorted Ind.» и российская «Ренова». По своей структуре данные образования наиболее независимые в собственной организации GR-стратегий. Скорее это конгломерат фирм, каждая из которых отдельно занимается госзаказами, медициной, производством и телекоммуникациями, но объединены ради достижения единой цели.

По своей структуре они состоят из различных региональных департаментов и подразделений со своими уникальными технологиями производства, отношениями с региональными властями штатов [3, с. 81–85] или субъектов, уникальными проблемами, их способами и методами урегулирования [4, с. 122–126].

Достижение консенсуса в формулировании и осуществлении политических идей в многоуровневых корпорациях является комплексной проблемой, т.к. отдельные департаменты внутри корпорации могут конкурировать из-за политических ресурсов, включающих управленческие ресурсы, а также обоих капиталов. Т.е. в дополнении к финансовому капиталу, корпорации обладают ограниченным «политическим капиталом», который определяется, как способность влиять на органы государственной власти.

В результате анализа кейсов был сделан вывод, что связанные с GR конфликты можно распределить по трем группам (табл. 1).

Таблица 1

Группы GR конфликтов

Тип конфликта	Характеристика конфликта
1. Распределительный;	Конфликт на основе проводимой GR-политики, и возникающим в последствии спором между региональными департаментами компании по поводу распределения затраченных усилий на GR и полученными вследствие благами.
2. Идеологические;	Конфликт между региональными департаментами компании, причиной которому послужили выбранные каждым из них различных курса и методов GR-политики.
3. Репрезентативный;	Конфликт между департаментами по вопросу «кто будет представлять фирму на политической арене».

1. Конфликты распределительные. Чем больше диверсифицирована компания и чем сложнее ее структура, тем больше вероятность, что возникнет конфликт по вопросам принятых политических решений. Это значит, что управление компании и ее подразделения конфликтуют между собой по причине методов и пропорций распределения полученных в следствии GR-компания благ и выгоды, но с учетом затраченных усилий каждым из подразделений. Данный тип конфликтов носит постсобытийный характер и всегда связан с наличием у компании публичной политики.

2. Идеологические конфликты. Второй тип внутренних конфликтов о взаимоотношениях с правительством связан с различными идеологическими позициями в вопросах GR и возникает на стадии планирования политики. Когда Отдел по реализуемой политике компании принимает решение о том или ином варианте GR-политики, некоторые региональные департаменты корпорации могут быть не согласны с этим. Например, многие компании во всем мире постоянно тратят огромные суммы на транспорт, телекоммуникации, электричество и медицинскую страховку. В это же время некоторые департаменты продают продукцию этим же поставщикам услуг, чаще всего государственным. Конфликт возникает на вопросе

уменьшения затрат на эти услуги и одновременно поддержку политической программы взаимоотношения с поставщиками.

3. Репрезентативные конфликты. В отличие от предыдущих двух типов конфликтов, данный тип связан на прямую с текущим представительством компании на политической арене и в GR-связях. Например, многие компании вкладывают в развитие специфических сфер для реализации своей продукции. На современном языке это называется лоббированием интересов. В некоторых случаях в зависимости от уровня диверсифицированности компании, отдельные региональные департаменты имеют свои собственные GR-отделы и соответствующих специалистов, которых отправляют либо в конгресс, либо в профильный государственный орган власти.

В ходе дальнейшего анализа осуществляемой деятельности крупными бизнес-структурами в сфере взаимоотношений с органами государственной власти, удалось выявить, что, во-первых, организация GR-связей может быть централизованной, смешанной и децентрализованной. В централизованной системе («бюрократическая система – данный тип системы делает акцент на сплоченность и скоординированность политического курса компании в ущерб свободы и автономности индивидуальных интересов, т.е. в данном случае ставка делается на достижение эффективности и масштабной прибыли») и «система квази-рыночного федерализма – ситуация, в которой региональным подразделениям разрешено представлять компанию в GR-сфере, но под чутким контролем центрального офиса, так чтобы эти подразделения не подрывали сферы деятельности других подразделений») одно единое управление решает каким будет политический курс, распределение политических предпочтений и кто будет представлять фирму на государственном уровне. Данное централизованное управление единолично держит в руках право на разработки и принятия решений, соответственно право на применение GR-связей, например такие компании как «General Motors» и «РосНефть». С другой стороны («Система внутреннего договора – каждый региональный департамент компании уполномочен индивидуально принимать, разрабатывать и реализовывать GR-стратегии в своей сфере деятельности») и «система рыночного типа – теперь уже каждая компания, входящая в консорциум, уполномочена индивидуально принимать, разрабатывать и реализовывать GR-стратегии в своей сфере деятельности»), когда власть децентрализована, каждый региональный департамент компании решает каким будет политический курс, идеология и право на представительство в органах государственной власти. Соответственно, каждый региональный департамент и GR-отдел в них действует на основе «собственных правил» взаимоотношения с властью, кейсы как «Assorted Ind» и «Группа компаний «Ренова». Между данными двумя крайностями действует смешанная система управления («Система федерального типа – решение GR-стратегии путем формирования комитетов по вопросам связей с государственными органами власти с последующим отбором наиболее выгодного решения проблем») и «система квази-рыночного участия – определение политического курса и политических акций решается совместно с региональными подразделениями и центральным офисом, но реализация на практике уже принятых решений и действия осуществляется отдельными региональными GR-департаментами»), в которой каждый департамент имеет право разрабатывать

собственный проект GR-связей, но единый отдел управления занимается учетом полученных рекомендаций и осуществлением проекта, например: «Аппалакская энергетика» и «РЖД». Данный вариант считается наиболее удобным с точки зрения, что это позволяет нивелировать внутреннее напряжение между департаментами и применять наиболее удачные варианты организации GR-связи в определенных условиях [5, с. 183].

Во-вторых, GR-связи могут реализовываться на двух уровнях: корпоративный уровень, как единый офис принятия политических решений, определения политического курса и представительства фирмы; и региональный уровень как совокупность многочисленных центров со своими независимыми GR-отделами (рис. 1).

		Распределение власти		
		Централизованное	Федерализм	Децентрализованное
Представительство во власти	Корпоративный уровень	Бюрократическая система	Система федерального типа	Система «Внутреннего договора»
	Региональный уровень	Квази-рыночный федерализм	Квази-рыночное участие	Система рыночного типа

Рис 1. Формы организации для GR-деятельности

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя форма организации фирмы, компании или корпорации, соответствующий уровень диверсификации и способы решения возникающих по вопросу политической активности внутренних конфликтов влияют на то, каким образом и какими путями осуществляется GR-деятельность каждой крупной бизнес-структуры. То есть чем больше уровень диверсификации, тем больше вероятность что компания, например «General Motors» или «Роснефть» будут использовать централизованную власть при осуществлении GR-связей («Бюрократическая система»). А менее диверсифицированные и менее централизованные «Аппалкская энергетика» или «РЖД» используют смешанную систему при решении конкретных случаев взаимоотношений с органами государственной власти («Система федерального типа»). Соответственно слагаемыми успешного взаимоотношения крупных бизнес-структур с органами государственной власти (GR) является нахождение наиболее оптимального компромисса между автономизацией т.е. правом индивидуальной реализации GR-стратегий региональными департаментами компании с одной стороны, и корпоративным контролем над подразделениями с другой.

Выявив структурные конфликты и их причины, на основе которых могут возникнуть столкновение корпоративных интересов, типы организации рассмотренных кейсов, можно сделать вывод, что все они выступают в той или иной мере объединениями с различной внутренней структурой и особыми взаимоотношениями между подразделениями и региональными отделами. Это в свою очередь предполагает различные стратегии в области взаимоотношения с государственными органами власти. Во многом, как уже было сказано, на успешное развитие GR крупных компаний оказывает влияние кроме внешних факторов также и внутреннее, а именно: уровень диверсификации самой компании, количество региональных подразделений структуры, внутренняя корпоративная политика.

Таким образом, в данной работе была осуществлена попытка заглянуть в истоки образования GR, разглядеть причины выбора той или иной стратегии развития GR в компаниях и их региональных департаментах. В частности было установлено, что помимо непосредственного блага для самой компании, институт «взаимодействия бизнеса с властью» имеет и социальное значение. GR-связи необходимы и реализуемы только в демократически развитых, либеральных странах. GR дополняет традиционные демократические и партийные системы представительства, способствует вовлечению разработки и реализации политических решений всего множества различных общественных и финансовых групп, что обеспечивает формирование гармоничной и максимально сбалансированной государственной политики.

Так же, удалось определить, что реализацией и осуществлением политики GR-связей в любой компании занимается GR-подразделение, именуемое GR-департаментом. В российской практике чаще всего нет конкретных структур с названием GR-департамент. Он либо замаскирован, либо его функции выполняют каждый раз различные отделы компании. Но выполняемые стратегические планы и методы их выполнения, опыт работы, а также организационные и корпоративные трудности и конфликты реализации во многом связаны, а иногда и напрямую «скопированы» из организаций стран Западной Европы и США.

Литература

1. Сморгун Л.В. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие. СПб.: РОССПЭН, 2012, 407 с.

2. Толстых П.А. Профессиональный словарь лоббистской деятельности. / П.А. Толстых. [Электронный ресурс]. Профессиональный портал о лоббизме. URL: http://lobbying.ru/dictionary_word.php?id=53 (дата обращения: 22.01.2015).

3. Jesover F. Corporate Governance in the Russian Federation: the relevance of the OECD Principles on shareholder rights and equitable treatment // Corporate Governance. 2001, №2, p. 79–88.

4. Taminiau Y. Corporate lobbying in Europe, managing knowledge and information strategies // Journal of Public Affairs. 2006, №6, p. 122–130.

5. Shaffer B. The development of business-government strategies by diversified firms // Strategic Management Journal. 2000. № 21. p. 175–190.

ДИНАМИКА ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Хитрин К.Л.

В статье выявлены основные тенденции динамики возрастной структуры корпуса государственных гражданских и муниципальных служащих, определена роль подобных изменений в функционировании обозначенной социально-профессиональной группы. Анализ проведен на основе материалов общероссийской статистики, отражающей специфику функционирования системы государственного управления. Сформулированные выводы могут сыграть свою роль в оптимизации кадровой политики в системе публичной службы.

Ключевые слова: *государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, публичные служащие, государственное управление, возрастная структура, профессиональные группы.*

The article reveals fundamental trends in the dynamics of the age structure of civil and municipal servants' corps and ascertains the role of such alterations in the functioning of the mentioned socio-professional group. The analysis is conducted on the grounds of Russian national statistical datasets, which depict the peculiarity of the functioning of governance. Formulated conclusions could play their role in the optimization of the public service's personnel policy.

Keywords: *civil servants, municipal servants, public servants, governance, age structure, professional groups.*

Объектом исследования в данной статье выступает возрастная структура социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих (публичных служащих). Проведение анализа динамики возрастной структуры данной социально-профессиональной группы подразумевает обращение к статистическим сведениям, собираемым Федеральной службой государственной статистики.

При интерпретации данных мы обращаем внимание, прежде всего, на то, что средний возраст работников, замещавших государственные должности и должности гражданской службы в органах государственной власти Российской Федерации, на протяжении с 1999 по 2013 годы составлял 39 лет (за исключением 2001 и 2002 годы – 40 лет). В кадровой структуре гражданской службы субъектов Российской Федерации этот показатель фиксировался на уровне 41 года (2001, 2002 годы – 42 года). Средний возраст служащих федеральных органов власти и лиц, замещавших федеральные государственные должности, составлял 38 лет (2001, 2002 годы – 39 лет). Для работников, замещавших муниципальные должности и

должности муниципальной службы, в 1999-2013 годы средний возраст стабильно равнялся 43 годам [1].

Таким образом, средний возраст публичных служащих колеблется от 38 до 43 лет.

Какова специфика среднего возраста публичных служащих по сравнению со средним возрастом занятых в экономике в целом? В 2000-2013 годы средний возраст занятых в экономике увеличился с 39,2 лет до 40,3 лет [2]. При этом существенным является то обстоятельство, что различные группы и виды экономической деятельности дифференцируются по рассматриваемому показателю. Наименьший средний возраст характерен для такой сферы занятости, как финансовая деятельность (36,4), а наибольший – для сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (43,2) [3].

Представленные статистические данные свидетельствуют, во-первых, о достаточно заметной «неоднородности» в агрегированных показателях возрастной структуры различных категорий публичных служащих (государственных гражданских – субъектов РФ и федеральных; муниципальных), а во-вторых, о том, что в целом картина «возрастных особенностей» служащих соответствует основным тенденциям социально-демографических изменений в составе занятого населения.

На рисунках 1 и 2, подготовленных автором на основе обработки информации Росстата [1], отражена динамика изменения возрастной структуры социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих. В данных, опубликованных Федеральной службой государственной статистики, отсутствует информация за 2004, 2006, 2010 и 2012 годы, что, по всей видимости, связано с особенностями реализации планов сбора статистических сведений.

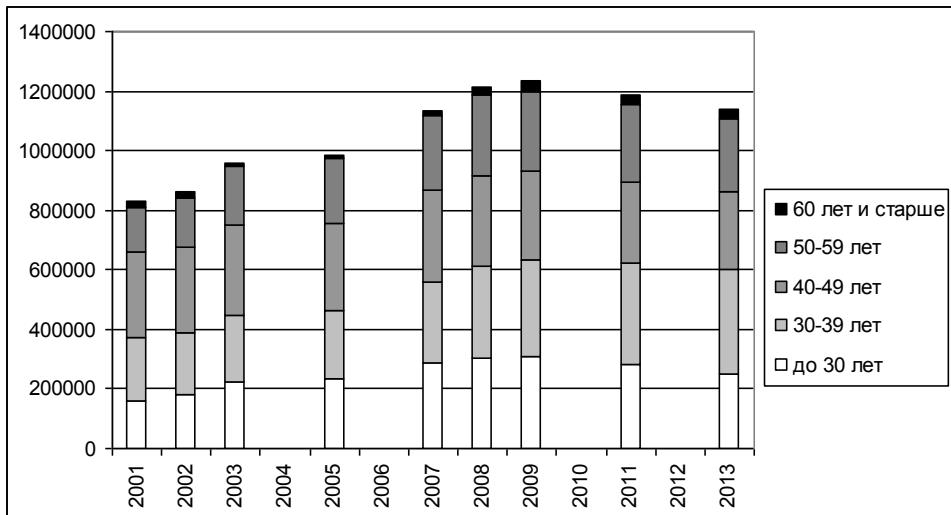

Рис. 1. Возрастная структура корпуса публичных служащих в Российской Федерации, 2001-2013 годы

Интересным оказывается тот факт, что общая численность публичных служащих на 1 октября 2013 года по сравнению с 1 января 2001 года выросла на 309 631 человека, при этом 45% прироста обеспечило пополнение группы служащих в возрасте 30-39 лет. Тем не менее, изменения в численности группы «до 30 лет» (+29,4%) также положительно сказались на общем росте.

Как видно из рисунка 1, соотношение между различными возрастными категориями публичных служащих остается в целом достаточно статичным. Тем не менее, заметным оказывается увеличение доли служащих в возрасте 30-39 лет.

Для того чтобы более подробно проанализировать данный аспект, необходимо обратиться к возрастному «срезу» социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих на конкретную дату – 1 октября 2013 года (рис. 2).

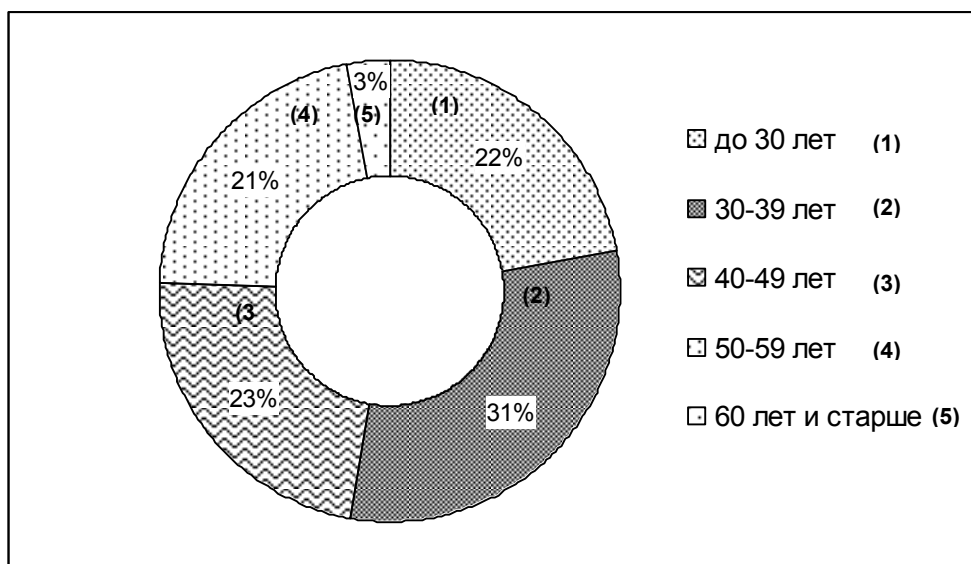

Рис. 2. Распределение корпуса публичных служащих в Российской Федерации по возрастным группам на 1 октября 2013 года

В соответствии с рисунком 2, служащие в возрасте 30-39 лет составляли примерно 31% от общего числа представителей рассматриваемой социально-профессиональной группы.

Целесообразным оказывается сравнение особенностей демографических «пропорций» внутри социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих с общей ситуацией, отражающей возрастную структуру занятых в национальной экономике (рис. 3) [4].

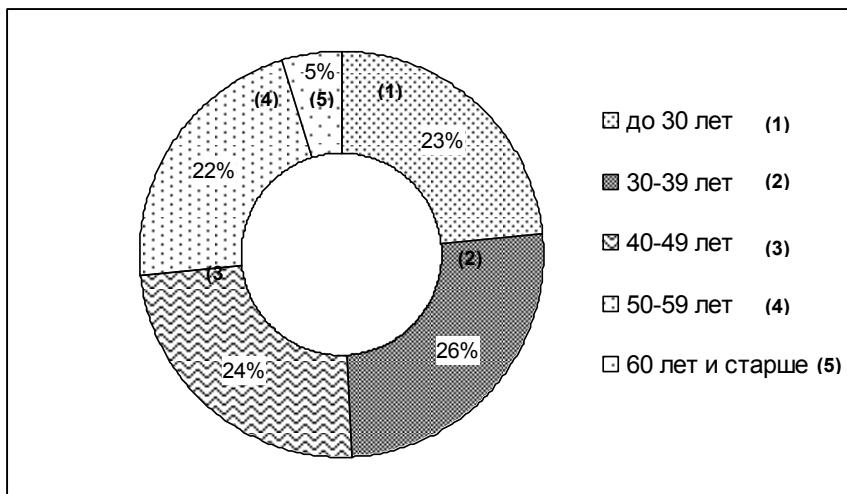

Рис. 3. Распределение занятых в экономике в Российской Федерации по возрастным группам (2013 год)

Сопоставление рисунков 2 и 3 показывает, что общее соотношение между различными возрастными группами сохраняется как на уровне национальной экономики, так и в структуре кадрового состава системы государственного и муниципального управления. Однако в социально-профессиональной группе публичных служащих более значительной оказывается доля лиц в возрасте 30-39 лет.

В настоящее время, в соответствии с доступными статистическими сведениями, среди публичных служащих доля лиц, находящихся в возрасте 30-39 лет, составляет около 31% (это наиболее многочисленная возрастная группа, она «лидирует» с отрывом примерно в 8%). Общая доля лиц в возрасте 30-49 лет составляет практически 54%. В этой связи необходимо обратить внимание на следующее. В научном обороте уже достаточно давно закрепились такие понятия, как «полураспад знаний», «полураспад компетентности» [5, с. 23]. На протяжении XX в. период подобного «полураспада» существенным образом сократился для значительной части сфер занятости. Многие исследователи полагают, что в настоящее время «устаревание» знаний заявляет о себе уже спустя 2-3 года после окончания учебного заведения [6, с. 8]. Поскольку возраст выпускников вузов (бакалавров, специалистов, магистров – лиц, которые в соответствии с законодательством могут участвовать в конкурсах на замещение должностей главной и ведущей групп категории «обеспечивающие специалисты» и выше), как правило, составляет 22-24 года, достижение 30-летнего возраста соотносится с актуализацией проблем «полураспада компетентности» даже тех сотрудников органов власти, которые получили «профильную» подготовку по специальности (направлению) «Государственное и муниципальное управление». Эта проблема приобретает особо острое звучание, так как, например, среди гражданских служащих доля таких лиц составляет только примерно 4,3%, а среди муниципальных служащих – 7,8% [7].

Возвращаясь к рисунку 2, мы можем отметить, что эта проблема является наиболее значимой для групп 3, 4, 5, то есть для лиц старше 40 лет. В то же время необходимо подчеркнуть: предусмотренное Росстатом выделение группы лиц в возрасте 30-39 лет искусственно снижает остроту звучания обозначенной проблемы. Необходимым оказывается более «дробное» структурирование данной возрастной группы. На уровне ведомственной статистики и данных, собираемых территориальными (региональными) органами государственной статистики, разбивка на возрастные группы, приведенная в настоящей статье, сохраняется. Это обусловлено рядом факторов: использованием органами статистики аналогичного структурирования возрастных групп при описании положения на рынке труда в целом; отсутствием обязательных требований и методических указаний по формированию локальных статистических материалов конкретно по данному вопросу и т.д.

Выше говорилось об общих особенностях возрастной структуры социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих. Вместе с тем определенный интерес представляет анализ, в центре которого находится соотнесение возрастного критерия и некоторых других характеристик корпуса публичных служащих. Продуктивность такого анализа может быть продемонстрирована на примере сопоставительного рассмотрения возрастного состава лиц, занимающих различные категории должностей (рис. 4) [7].

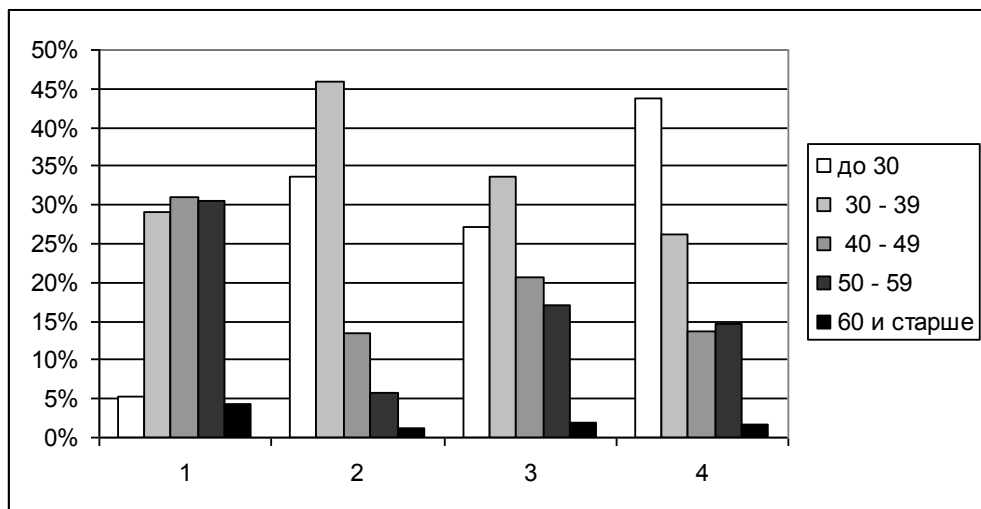

Рис. 4. Возрастная структура российских гражданских служащих, замещавших различные категории должностей на 1 октября 2013 года

Примечание: 1 – руководители, 2 – помощники (советники), 3 – специалисты, 4 – обеспечивающие специалисты.

Как понятно из рисунка 4, интуитивное предположение о том, что наименьшее присутствие лиц из категории «до 30 лет» должно наблюдаться среди государственных гражданских служащих, занимающих должности категории «руководи-

тели» (5,4%), подтверждается. По всей видимости, это объясняется как объективными (для занятия руководящей должности необходим опыт), так и субъективными факторами (особенности национальной культуры управления и специфика внутренней среды бюрократической системы). Как и следовало ожидать, противоположная ситуация заметна среди служащих, относящихся к категории «обеспечивающие специалисты», – среди них 43,7% являются лицами до 30 лет. «Низкий» престиж подобных должностей, «стартовый» характер служебной позиции, уровень оплаты труда – все это определяет готовность «молодых кадров» работать на подобных должностях. Как свидетельствует статистика, среди помощников (советников) доминируют те, кто моложе 40 лет (они составляют 79,5% от общего числа служащих данной категории). Вероятно, это объясняется тем, что в данном случае востребованными оказываются и опыт, и энергичность. Типичным представляется распределение служащих категории «специалисты», в числе которых примечательны две группы – «лица до 30 лет» (находящиеся на начальном этапе своей карьеры, сохраняющие высокий потенциал мобильности) и «лица в возрасте 30-39 лет» (те, кто «задерживаются» на подобном этапе карьерной лестницы или вовсе «остаются» на этом уровне). Данные предыдущих периодов статистического наблюдения демонстрируют типичность зафиксированной ситуации в кадровой структуре гражданской службы [7].

С учетом обозначенных выше тенденций считаем необходимым дополнить замечание, касающееся проблемы «устаревания» знаний. Утрата актуальности теоретических знаний служащих категории «руководители» восполняется не только их опытом практической деятельности, но и «свежестью» знаний, полученных служащими в возрасте до 30 лет, входящими в категории «специалисты» и «обеспечивающие специалисты», а также в категорию «помощники (советники)». Это способствует повышению устойчивости функционирования системы государственного управления в целом. К сожалению, не представляется возможным более подробно осветить данный момент, в частности, в связи с отсутствием детализированных статистических сведений, как это было отмечено выше.

Итак, проведенный анализ позволяет сформулировать выводы о необходимости:

- организации целевой системы повышения квалификации для государственных гражданских и муниципальных служащих в возрасте 35-45 лет; ее первичным элементом должен стать комплексный кадровый аудит органов власти;
- разработки мероприятий по повышению информативности собираемых статистических сведений по различным аспектам развития социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих.

Литература

1. Численность и состав работников, замещавших должности государственной гражданской и муниципальной службы // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/tab2.doc (дата обращения: 17.01.2015).

2. Численность занятых в экономике по возрастным группам // Статистический сборник «Экономическая активность населения России» (2005, 2014). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/IssWWW.exe/Stg/%%3Cextid%3E/%3Cstoragepath%3E::01-23.doc; http://www.gks.ru/bgd/regl/B05_36/IssWWW.exe/Stg/d010/01-16.htm (дата обращения: 17.01.2015).

3. Численность занятых в экономике по возрастным группам и видам экономической деятельности в 2013 г. // Статистический сборник «Экономическая активность населения России» (2014). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/%%3Cextid%3E/%3Cstoragepath%3E::2-25.doc (дата обращения: 17.01.2015).

4. Структура занятых в экономике по возрастным группам // Статистический сборник «Экономическая активность населения России» (2014). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/%%3Cextid%3E/%3Cstoragepath%3E::2-02.doc (дата обращения: 17.01.2015).

5. Вершловский С. Вызовы научно-технической революции и образование // Новые знания. 2008. № 3. С. 23–28.

6. Шафранов-Куцев Г.Ф. Профессиональное образование в условиях информационного взрыва // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №9. С. 6–13.

7. Статистический бюллетень «Состав работников, замещавших государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, по полу, возрасту, стажу работы, образованию» на 1 октября 2009 г., на 1 октября 2011 г., на 1 октября 2013 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625 (дата обращения: 17.01.2015).

ОТ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА «ЦЕПЬ» К ТЕОРИИ ЦЕПЕЙ

Дыдров А.А., Пеннер А.В.

Данная статья посвящена понятию цепи. Это понятие живет в различных дискурсах – политики, экономики, физики, философии и т. д. Между тем, значение слова «цепь» так и не выяснено. Стоящее за словом понятие тем более требует серьезных уточнений. И философы, и специалисты-физики обходили вниманием понятие цепи. Попыткой ответа на вопрос о существовании цепи стало междисциплинарное исследование, объединившее данные философии и теории электрических цепей – области знаний человека о природе и о культуре.

Ключевые слова: *цепь, дискурс, теория цепей, звено, causa finalis.*

This article deals with the concept of the chain. This notion of living in different discourses – politics, economics, physics, philosophy, and so on. The meaning of the word «chain» has not been elucidated. Standing behind the short term the more serious demands clarification. And philosophy, and physics specialists overlook the concept of the chain. Attempt to answer the question about being a chain was interdisciplinary study, combining data from the philosophy and theory of electrical circuits – the field of human knowledge about nature and culture.

Keywords: *chain, discourse, circuit theory, link, causa finalis.*

Понятие цепи используется в различных дискурсах, языках и контекстах. Это понятие так хорошо прижилось в науке, что кажется предельно ясным, прозрачным, не нуждается в препарировании. Наука, искусство, философия и религия натурализовали понятие цепи, подготовили для него благодатную почву. В связи с частым использованием понятия цепи смысл стал чем-то «естественным», «само собой разумеющимся».

Но если остановиться и спросить «что есть цепь?», то ответ придет не сразу. Слишком часто воспроизводится морфема и фонема слова, вместе с тем «семема» (понятие, используемое П. А. Флоренским [3]) отодвигается в тень. План выражения репрессивует план содержания.

Между тем, понятие цепи чрезвычайно важно для многих наук. В биологии («эволюционная цепь»), географии («горная цепь»), экономике («цепь актов обмена»), логистике («цепь поставок») и других областях знания эксплуатируется понятие цепи. Указанные примеры немногочисленны, но и их вполне достаточно для того, чтобы подчеркнуть универсальность этого понятия.

Поскольку понятие всегда выражается словом, живет, благодаря слову, то имеет смысл бросить взгляд на этимологию слова «цепь». Изучение этимологии в данном контексте имеет прикладное значение. Даже в теории цепей, как известно, не существует определения цепи. В. В. Колесников – современный исследователь в

области теории цепей – начинает свой лекционный курс с определения электрической цепи [1]. Между тем междисциплинарное исследование необходимо. Философы, развенчав метафизические доктрины, по-прежнему должны обращать внимание на слова и понятия – «атомы» коммуникации, условие «со-общения». Попытка приподнять завесу тайны понятия цепи – не блажь, а процедура, необходимая в условиях сотрудничества ученых, изучающих Природу и ученых, изучающих Культуру.

Интерес к истории слова, к генезису той или иной лексемы, зачастую обусловлен необходимостью поиска этимона – «праотца» слова. Этимон является наследием, «traditio», корневищем слова. Даже если этимон никому, кроме компетентных лингвистов, не известен, он упорно пробивается сквозь толщи напластований позднейшей культуры, сквозь пласты многочисленных novatio. Славянское «сѣрѣти», по-видимому, означало «хватать» или «брать». Этот перевод правомерен, если вспомнить о частых сопоставлениях прилагательных «цепкий» и «хваткий». Кажется парадоксальным то, что «сѣрѣти» – это и «цепить», «рас-цеплять», «раскалывать», «дробить» и т. д. В первом случае речь идет о прочном долговременном или кратковременном соединении предметов («мертвая хватка», «ухват», «захват» и т. д.), во втором случае – о демонтаже предмета, о распаде и расколе. Кроме того, «родственник» «сѣрѣти» – глагол «сѣрати» – означает «цепенеть». Словом «цепенеть», как известно, обозначают и шоковое состояние, и смерть.

С одной стороны, звено является элементом цепи, так как «хватает» иное звено, сочленяется с ним, обуславливает возникновение зоны-промежутка (уже не звено А, но еще не звено В). Эта зона-промежуток невозможна без участия двух элементов, – гомогенных или гетерогенных, – без того, что следует именовать «становлением-звеном». Иными словами, для того чтобы стать звеном, надо схватить, взять. С другой стороны, «становление-звеном» – это процесс, и определение коэффициента жесткости играет большое значение. Чтобы «стать-звеном», необходимо соучаствовать в выделении зоны-промежутка («стать-частью»), в определенной мере, – «стать-зоной-промежутком», выйти на линию-магистраль, утратив многочисленные связи (отныне они – «прошлое», «история»). Коэффициент жесткости фундирован исследованием сопротивления деформации; коэффициент обозначает силу, вызывающую перемещения в характерной точке. «Стать-звеном» значит сопротивляться среде, «цепенеть», утратив податливость. В этом смысле «становление-звеном» подобно смерти или фрейдистскому танатосу. «Ave, Caesar, morituri te salutant» – это ли не пример «становления-цепью», в котором каждый элемент участвует в выделении «зоны», «хватает» другого и вместе с тем мертвет?

Все известные человечеству виды цепей охватываются предложенной абстрактной моделью. Она (модель) опирается на этимологию, используя историю в качестве ресурса, питаясь соками языковой среды. Но как избежать столкновения с языком и историей? Ученые, отстаивающие независимость и «особость» наук о природе (воспользуемся выражением Г. Риккерта [2]), все же заглядывают в исторический Метасловарь, черпая оттуда лексемы для описания формальных систем, формулировки гипотез и выражения теорий.

Одним из достижений современного научного знания является теория цепей. Базовым понятием теории цепей является понятие электрической цепи, которым В. В. Колесников обозначает «совокупность электротехнических устройств, предназначенная для прохождения электрического тока» [1, с. 4]. Понятие цепи определяется посредством понятия совокупности, указывающего на слиянность n -ного множества, имеющего назначение, служащего заранее определенной цели. И, кажется, всякая цепь определяется аристотелевской *causa finalis*. Зоны-промежутки в этой связи – локации, обусловленные *causa finalis* (если элемент n «становится-звеном», то он «становится-для-чего-то»).

В технической сфере понятие цепи «монополизировано» электроникой. Электромагнитное поле и возникающие в его рамках процессы с необходимостью порождают различные цепи: параллельные и последовательные, линейные и нелинейные, активные и пассивные, смешанные. Ключевыми из приведенного списка, на наш взгляд, выступают параллельные, последовательные и смешанные цепи. Ключевым мы называем предложенное распределение цепей, потому что оно находит свое применение для любой цепи в независимости от того, является ли она линейной или активной, вне зависимости от ее назначения (в лампе накаливания, елочной гирлянде или в линиях электропередач). Указав на существование цепи, необходимо провести таксономическое деление, разобраться в том, что представляют собой органические части цепи как видовые понятия по отношению к исходному понятию.

Итак, первым видовым понятием в теории цепей выступает параллельные цепи. Параллельная – это цепь, элементы которой соединены параллельно (рис. 1).

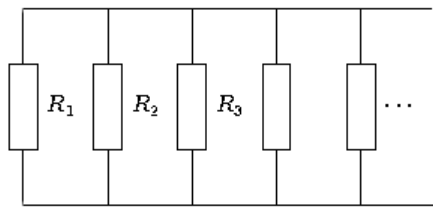

Рис. 1. Схематичное изображение параллельной цепи

Достоинства параллельного соединения состоят в том, что при выходе одной их ветвей в цепи из строя, остальные ветви продолжают работать, при этом каждую ветвь можно подключать и отключать отдельно. Так же можно выделить и недостаток цепи, подключенной по данному типу – в ней можно применять приборы, рассчитанные только на одно напряжение. В одну и ту же цепь параллельно могут быть включены самые различные потребители электрической энергии. Такая схема соединения потребителей тока используется, например, в жилых помещениях.

Теперь целесообразно рассмотреть другое видовое понятие в теории цепей – последовательное соединение.

Итак, последовательное соединение – цепь, в которой все элементы соединены последовательно, где сила тока всех проводников одинакова (рис. 2).

Рис. 2. Схематичное изображение последовательной цепи

Основным недостатком последовательно соединения является то, что при выходе из строя одного из элементов цепи, выходят из строя и остальные. Например, если из строя выйдет одна из ламп елочной гирлянды, то все остальные так же не будут работать. Но если, перед нами стоит задача защитить некоторую цепь от перегрузки, то есть при увеличении силы тока, цепь должна отключаться, то мы как раз используем последовательное соединение.

Однако наиболее применимыми являются цепи со смешанным соединением. Смешанное соединение – совокупность любых комбинаций последовательного и параллельного соединений (рис. 3).

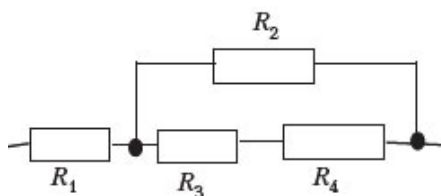

Рис. 3. Схематичное изображение цепи со смешанным соединением

Смешанное соединение применяется очень часто: мобильный телефон, лампа накаливания и др.

Теория цепей – одна из вершин современного научного знания, несущими конструкциями которой должны быть не только понятия электрической цепи, пассивных и активных элементов, источника тока, но и понятие цепи, «цепи-как-таковой». Абстрагироваться от конкретных цепей (электрических, горных, пищевых и т. д.) и увидеть глубинный смысл, потаенный в слове, – приоритетные задачи философии и теории цепей.

Литература

1. Колесников, В. В. Основы теории цепей. Установившиеся режимы: текст лекций / В. В. Колесников. СПб., 2006. 101 с.
2. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.ru/library/rickert/k_n.html (дата обращения: 01.12.2014).
3. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли [Электронный ресурс]. URL.: <http://agnuz.info/app/webroot/library/210/514/> (дата обращения: 01.12.2014).

ПРОБЛЕМА МНОГОФАКТОРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Гонцов К.В.

В данной статье представлен обзор основных факторов социально-политической стабильности. Автор анализирует применимость выделенных учёными факторов к оценке социально-политической стабильности современного российского общества. Обилие неструктурированных между собой, выделенных по разным критериям факторов приводит к методологическому затруднению измерения стабильности. В качестве основы для классификации в статье выделены три уровня социально-политической стабильности на каждом из которых решающую роль играют специфические, уникальные факторы.

Ключевые слова: *социально-политическая стабильность, фактор, общественная консолидация, эффективное государственное управление.*

This article provides an overview of the main factors of social and political stability. The author analyzes the applicability of the selected factors to assess the socio-political stability of modern Russian society. The abundance of unstructured factors leads to the methodological difficulty of measuring stability. As a basis for the classification of the article identifies three levels of socio-political stability, each of which play a crucial role specific and unique factors.

Keywords: *social and political stability, a factor of social consolidation, effective public administration.*

Проблема стабильности общества в последние десятилетия получила наибольшую актуальность в научном политологическом и общественном дискурсе. Среди исследователей часто можно встретить мнение, что политика, как наиболее активная часть общественной структуры, оказывает на неё непосредственное и постоянное воздействие [16, с. 51]. Основываясь на этом, делается вывод, что изучение политической стабильности является первостепенной задачей для анализа состояния стабильности общества в целом. Но, на наш взгляд, это неверное предположение, так как наряду с политическими существует множество иных факторов, которые обеспечивают стабильность общественной системы.

Запросам настоящего времени в большей степени соответствует изучение концепта социально-политической стабильности. Под социально-политической стабильностью мы будем понимать сохранение системы ценностей общества при его развитии. Другими словами, такое состояние социально-политической системы, при котором сохраняется её ценностная устойчивость к внешним и

внутренним воздействиям и проявляется способность к адекватной адаптации к изменяющимся условиям функционирования государства и общества [8, с. 7].

Для полноценного рассмотрения сути данного явления необходимо выделить основные влияющие на него факторы. Понятие фактор (от лат. *factor* – делающий, производящий) в словаре иностранных слов определяется как «причина, движущая сила совершающегося процесса или одно из основных его условий» [11, с. 670].

Развитие политической мысли до XX в. предлагает нам набор хаотичных, не-систематизированных факторов, влияющих на стабильность общественной системы. Например, для О. Конта социальное чувство и разделение светской и духовной властей являются движущими силами стабильности. Для Ш.Л. Монтескье таким фактором являлось разделение властей, принцип устанавливал рамки поведения основных акторов. Также в качестве факторов-регуляторов назывались социальный контроль и культура (Т. Парсонс), политические институты. В. Парето рассмотрел в качестве факторов стабильности социальную мобильность и циркуляцию элит, а также доминирование в обществе определённых типов людей. С. Липсет определил эффективность и легитимность власти, как мощный комплекс, обеспечивающий стабильность политической и общественной системы. В качестве дестабилизирующих политических факторов исследователь называют низкий уровень компетентности политических лидеров и неэффективность административного аппарата [16, с. 53]. С. Липсет устанавливает прямую зависимость легитимности власти от экономической эффективности. Отсутствие одной из составляющих приводит к дестабилизации политической, а затем и общественной системы.

В современной научной литературе большинство исследователей, анализируя социально-политическую стабильность в рамках институционального и структурно-функционального подходов, традиционно выделяют четыре основные группы факторов: экономические, политические, социальные, культурные.

В качестве комплексных подходов к выявлению факторов социально-политической стабильности можно отметить исследования российских ученых А.В. Логинова, В.Н. Колесникова, А.В. Старцева, С.Д. Савина и других.

По мнению А.В. Логинова, экономическое развитие (экономический рост и кризис) является одним из важнейших факторов политической стабильности. Как считает ученый, стабильность политической системы будет обеспечена при условии, если политические институты способны отзываться на ожидания граждан (прежде всего экономические). Таким образом, в ситуации стабилизации возрастает роль эффективного управления [12].

Кроме экономических исследователь выделяет и другие переменные, влияющие на стабилизацию (дестабилизацию) общества: разделяемое чувство принадлежности к нации, преемственность форм управления, постепенная и упорядоченная смена правящих элит, наличие системы сдержек и противовесов, функционирование многопартийности, наличие или отсутствие расколов в обществе (культурных, идеологических, религиозных и др.) Как отмечает А.В. Логинов, дестабилизация одного или нескольких факторов может как привести, так и не привести к деструктивным процессам в обществе. Анализируя процесс социально-политической стабилизации в России в 2008 – 2009 гг., исследователь приходит к довольно интересному выводу: в условиях стабилизации системы возникает спрос

на эффективных исполнителей, которые продолжают выбранный политический курс, то есть обеспечат его преемственность. Таким образом, можно сделать вывод, о характерном для политической системы России взаимовлиянии факторов преемственности и эффективной государственной политики в условиях стабилизации.

Анализируя различные подходы к осмыслению факторов политической стабильности, В.Н. Колесников решающую роль отводит эффективным политическим институтам, позволяющим обществу развиваться, не выходя за пределы устойчивости системы [8, с. 175]. Стабильность зависит от гибкости, эффективности данных институтов, от их способности регулировать и держать под контролем взаимодействия интересов и отклонения в политическом поведении. В числе подобных институтов в России можно выделить Федеральное Собрание, институт президентства, правительства, администрации, а также набирает вес институт гражданского общества. Этнические, экономические, социальные, социально-экологические и международные факторы исследователь относит к факторам политической стабильности, которые к самому феномену относятся косвенно [8, с. 177].

В других исследованиях В.Н. Колесников приходит к выводу, что решающим фактором политической стабильности является парламентская культура [9]. Анализируя современную политическую ситуацию, ученый приходит к выводу о необходимости усиления роли партий, развития гражданского общества, расширения участия СМИ в выборах для формирования парламентской культуры в России.

Помимо основных четырех факторов социально-политической стабильности А.В. Старцев выделяет также этнические [20]. Анализируя социально-политическую стабильность в России в 2009 – 2010 гг., исследователь отмечает ее неустойчивость, основа которой заключается в высоком уровне персональной легитимности верховной власти и установке на стабильность большинства россиян. А.В. Старцев соглашается с А.В. Логиновым в том, что сохранение стабильности зависит от способности федеральной и региональной власти совмещать требования населения с экономической необходимостью. Таким образом, переформулировав данный тезис, на наш взгляд, можно сделать вывод, что одним из главных факторов социально-политической стабилизации является эффективное государственное управление.

Другой российский исследователь С.Д. Савин делает вывод, что политическая стабильность – это явление многофакторное, и поэтому наиболее эффективным представляется выделение вида и уровня политической стабильности на основе анализа её факторов [19, с. 166–175]. Исследователь разделил все факторы на два больших блока: объективные и субъективные. К объективным факторам С.Д. Савин отнёс политическую культуру общества и институциональный комплекс политики. Также к объективным факторам автор относит факторы, косвенно связанные с политикой, а именно, этнические, экономические, социальные, социально-экологические и блок международных факторов.

В качестве субъективных факторов политической стабильности выделил легитимность и эффективность власти, поскольку они очень тесно связаны с волевыми, социально-психологическими характеристиками субъектов и объектов политического управления.

Комплексные исследования факторов социально-политической стабильности предлагают и зарубежные ученые. В качестве важного фактора, влияющего на стабильность политической системы, по мнению американцев Э. Мюллера и Т. Джукана, является так называемое «агрессивное участие». Оно происходит в тех случаях, когда рост потребностей сопровождается снижением возможностей их практической реализации. Как правило, подобные завышенные ожидания при отсутствии возможности практического воплощения приводит к «расстройству» общества, недоверию политическим лидерам, отчуждению от политики и так далее. Всё это является предпосылками возможной дестабилизации общества [14, с. 153].

Интересный подход к определению параметров продемонстрировали другие американские политологи Э. Дафф и Д. Маккамонт. Для анализа политической стабильности и нестабильности они предлагают использовать данные об отношении населения к политическому процессу и о внутренних резервах политической системы. Исходя из этого, получаются следующие критерии политической стабильности: преобладание социальной помощи над социальной мобилизацией; высокие темпы экономического развития; равномерное распределение доходов; наличие в запасе политических возможностей; преобладание институционализированных политических партий с широким членством. В свою очередь для нестабильных режимов характерны прямо пропорциональные показатели. А именно: преобладание социальной мобильности над социальной помощью; низкий уровень развития экономики; неравномерное распределение доходов среди населения; слабые политические возможности правящего класса и преобладание «узких» партий, «партий одного человека» [14, с. 154].

Английские политологи Р. Маккинли и А. Коан предложили критерии, используя методику кластерного анализа. В первый кластер вошли показатели политической активности и политических перемен: количество отмен или приостановок действия конституции, работы законодательных органов и политических партий, количество изменений в структуре исполнительной власти, а также процент военных из общего числа членов кабинета. Во второй кластер вошли показатели, связанные с военными факторами: количество солдат на 10 тысяч населения, процент расходов бюджетных средств на военные нужды, степень диверсификации ВС по родам войск, рост их численности и динамика изменений военных расходов. Для третьей группы исследователи взяли экономические факторы: годовой доход на душу населения, соотношение бюджета и ВВП, прирост валового внутреннего капитала, а также количество врачей на 100 тысяч населения.

Расширяют уже ранее перечисленные показатели, влияющие на политическую стабильность, шведские учёные С. Эрссон и Я.-Э. Лэйн [1]. Так они так же выделяют экономические показатели: уровень инфляции и безработицы, дефицит бюджета, рост ВВП, состояние государственных займов. В отличие от Р. Маккинли и А. Коана они выделяют социальные факторы: уровень убийств и самоубийств, процент рабочих, участвующих в конфликтах с администрациями своих предприятий; количество демонстраций, политических забастовок, восстаний и покушений. Также исследователи выделяют политические показатели: тип избирательной системы, адаптируемость политической элиты к возможным изменениям, степень обновления исполнительной власти [14, с. 155].

Большинство отечественных исследований представляют собой фокусный анализ одной или двух групп факторов социально-политической стабильности.

Так российский исследователь М.Г. Анохин выделил ряд политических факторов стабильности. К ним он отнес: соотношение интересов основных социальных групп, характер господствующей политической культуры (отношение населения к существующей политической власти), уровень институционализации политических отношений и качество политических лидеров [2, с. 105].

Довольно близкую концепцию предложили Я.А. Пляйс и Г.В. Полунина. В качестве основополагающих факторов политической стабильности они выделяют политические, социальные и культурные: политическую власть в целом, систему управления обществом, политическое лидерство, социально-классовую структуру, наличие среднего класса как гаранта политической стабильности, конкретную форму правления и политического режима в стране, роль гражданского общества, господствующий тип политической культуры, различные формы проявления государственной идеологии [18, с. 38].

В качестве основных факторов политической стабильности российский исследователь К.И. Бабошин выделяет степень институционализации организаций и процедур, количество и частоту государственных кризисов и переворотов, а также число и интенсивность беспорядков и иных движений, направленных против существующего руководства и режима [3, с. 30].

Российский исследователь А.В. Кругов в качестве доминирующего фактора политической стабильности выделял устойчивое взаимодействие государства и гражданского общества. По его мнению, публичный характер политических отношений сказывается на устойчивости политического развития. Если взаимодействие политических сил носит непубличный характер, то создается угроза политической дестабилизации [10, с. 23–24]. Таким образом, за счет публичного характера политики субъекты общества воспринимают новую реальность, приспособляются к ней.

Российский исследователь Л.Ф. Шевцова, сконцентрировав внимание на политической стабильности в современной России, выделила цивилизационные факторы: остатки традиционной для России милитаристской модели упорядочивания общества, державничество и российскую форму национализма, как механизма консолидации общества [8, с. 193–194].

Отечественные исследователи С.К. Бондырева, Д.В. Колесова и И.Г. Медведева выделяют такие факторы, как преемственность, политическое лидерство, публичная политика, общественная консолидация, а также фактор социальной структуры общества [4, с. 14].

Консолидация общества, по мнению исследователей, представляет собой такое общественное состояние, которому характерны признание общей цели, согласованность действий, направленных на достижение, сохранение, укрепление и переосмысление важнейших ценностей. Таким образом, подлинная консолидация представляет собой единство народа, его убежденность в необходимости согласованной и целенаправленной деятельности подавляющего большинства населения [15, с. 12].

В особую группу стоит выделить исследования, в которых анализируется и признается значительная роль государственного управления в социально-политической стабилизации. Так влиянию экономического кризиса на политическую стабильность посвящены исследования Э.А. Зелетдиновой [6]. Исследователь приходит к выводу, что вопрос сохранения стабильности заключается в возможности власти привести политические институты в соответствие меняющимся социальным условиям. И.Г. Жукова приходит к выводу, что социальное партнерство, выступая в качестве одного из принципов государственной политики, способствует политической и социально-экономической стабилизации общества [5]. Анализу информационно-коммуникационной стабилизации политической системы посвящены работы Ю.А. Нисневич. Исследователь делает вывод, что угроза дестабилизации заключается в игнорировании государственной властью необходимости разъяснения обществу своих действий, обоснование их приоритетности [17].

Таким образом, политическая стабильность – многофакторное и сложное явление. Эволюция политической мысли шла по пути выделения политических факторов стабильности общества. Постепенно мыслители приходят к рассмотрению самой политической стабильности как системы, на которую влияют как внутренние, так и внешние процессы.

Современные исследователи выделяют различные факторы политической стабильности. Особо следует отметить отсутствие в концепциях ученых четко сформулированных критериев выделения факторов. Кроме того, отметим отсутствие единства в разграничении таких понятий как фактор, условие, причина политической стабильности.

Отечественные и зарубежные ученые предлагают на выбор исследователям обширный набор разнообразных факторов, оказывающих влияние на социально-политическую стабильность. Вместе с тем главным вопросом остается применимость представленных подходов к анализу ситуации в современной России. Безусловно, все вышеперечисленные факторы оказывают влияние на социально-политическую стабильность современной России, но могут ли они привести к дестабилизации общественной системы? Так, например, действительно ли оказывают решающее влияние на социально-политическую стабильность такие факторы как парламентская культура, эффективность деятельности всех политических институтов, выборы? Какие факторы в первую очередь будут способствовать стабилизации и дестабилизации?

Для ответа на данные вопросы нельзя не согласиться с мнением Е.В. Ключиной о том, что факторы социально-политической стабильности можно выделить только с учётом особенностей конкретной политической системы в конкретный промежуток времени [7, с. 21]. Поэтому, например, деятельность Государственной Думы, выборы в 2011 году, отсутствие доверия населения к депутатам оказали влияние на политическую стабильность российского общества. Подтверждением дестабилизации социально-политической ситуации в данный период служат митинги на Сахарова и Болотной. Однако, можем ли мы утверждать, что в России 2014 – 2015 гг. такие факторы как поддержка населением деятельности депутатов и выборы будут оказывать решающее воздействие на социально-политическую стабильность?

Чрезмерное дробление факторов политической стабильности, осуществляемое большинством исследователей, приводит, на наш взгляд, к методологическому затруднению ее измерения. Согласимся с мнением В.В. Локосова о том, что при анализе «перечень показателей желательнее свести к допустимому минимуму, но не в ущерб достаточности и достоверности получаемой информации» [13, с. 87].

Решением данной методологической проблемы, на наш взгляд, будет являться выделение уровней формирования социально-политической стабильности современной России. Первый уровень социально-политической стабильности осуществляется по линии «взаимодействия государство – общество», второй – «взаимодействие социальных групп», наконец, третий – «взаимодействие лидеров». Социально-политической стабилизации (дестабилизации) на каждом из уровней будет способствовать ряд специфических факторов. Так, например, на первом уровне, в рамках взаимодействия «государство – общество», определяющими, на наш взгляд, являются внешнеполитическая ситуация (наличие или отсутствие внешнеполитической угрозы), государственная политика, а также общественная консолидация. При этом наибольшее влияние на всю общественную систему будут оказывать факторы первого уровня.

Таким образом, подобное разделение на уровни социально-политической стабильности и выделение для каждого из них своих специфических факторов позволит разработать дифференцированный инструмент измерения стабильности.

Литература

1. Ersson S., Lane J.-E. Political Stability in European Democracies. — “European Journal of Political Research”. 1983. vol. 11. № 3.
2. Анохин, М.Г. Политическая стабильность: динамика, адаптация / Анохин М.Г. – М.: Агентство «Инфомарт», 1996. 305 с.
3. Бабошин, К.И. Социально политическая стабильность в современной России: социологический анализ: дис. канд. соц. наук / К.И. Бабошин. Саратов, 2005. 144 с.
4. Бондырева, С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учеб. пособие / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд - во МПСИ, 2004. С. 47; Медведев, И.Г. Указ. соч. С. 14.
5. Жукова, И.Г. Социальное партнерство как способ согласования интересов власти, бизнес-сообщества и профессиональных союзов на муниципальном уровне: политологический аспект / И.Г. Жукова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. №6. С.52–56.
6. Зелетдинова, Э.А. Экономический кризис и протестное поведение в России / Э.А. Зелетдинова // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2013. №2. С. 19–30.
7. Ключина, Е.В. Политическая стабильность постсоветской России: основания, возможности, решения: дис. к. соц. н. / Е.В. Ключина. Казань, 2000. 157 с.
8. Колесников, В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: дис. д-ра полит. наук/ В.Н. Колесников. Спб., 2010. 466 с.
9. Колесников, В.Н. Парламентская культура как моделирующая система политической стабильности / В.Н. Колесников // Политэкс. 2009. №1. С. 128–142.

10.Кругов, А.В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабилизации российского общества: автореферат дис. канд. полит.наук / А.В. Кругов. М.: РАГС, 2000. 25 с.

11.Лёхин, И.В. Словарь иностранных слов / Лёхин И.В., Петров Ф.Н. – М.: Государственное Издательство Иностранных и Национальных словарей, 1949. 805 с.

12.Логинов, А.В. Стабильность политической системы и факторы, ее определяющие. / А.В. Логинов // Гуманитарий. 2008. №7. С. 50–55.

13.Локосов, В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития / В.В. Локосов // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 86–94.

14.Макарычев, А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: Методологические подходы и оценки / А.С. Макарычев // Политические исследования. 1998. № 1. С. 149–157.

15.Медведев, И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности: автореферат дисс. канд. полит. наук: Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. 23 с.

16.Негрова, М.С. Политические аспекты стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. канд. соц. наук / М.С. Негрова. СПб.: СПбГУ, 2009. 171 с.

17.Нисневич, Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы / Ю.А. Нисневич // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2006. №1(6). С. 68–80.

18.Пляйс Я.А. Основы стабильности общества: теория и практика / Я.А. Пляйс, Г.В. Полунина. М.: ФА, 2001. 216 с.

19.Савин, С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: дис. канд. соц. наук / С.Д. Савин. Спб., 2003. 195 с.

20.Старцев, А.В. Стабильность в современной России: состояние и факторы динамики /А.В. Старцев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С.166–168.

ОБРАЗ ПЕРЕСТРОЙКИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ В 1988–1989 ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ М.С. ГОРБАЧЕВА

Артемов А.В.

Настоящая статья фокусирует внимание на рассмотрении тенденций формирования образного и символического наполнения дискурса перестройки, прослеживаемого в официальных выступлениях первого лица Советского Союза – М.С. Горбачева в период с 1988 по 1989 годы. В анализе символики перестройки мы опираемся на работы Линн Хант по анализу распространения революционной риторики в период Великой французской революции.

Ключевые слова: *символическая политика, перестройка, М.С. Горбачев, контент-анализ, образ перестройки.*

This article focuses on the reviewing tendencies of formation symbolic content and image of discourse perestroika can be seen in official speeches of the first persons of the Soviet Union – Mikhail Gorbachev during the period from 1988 to 1989. In the analysis of the symbolism of restructuring, we base on the work of Lynn Hunt to analyze the spread of revolutionary rhetoric during the Great French Revolution.

Keywords: *symbolic policy, perestroika, Gorbachev, content-analysis, image of perestroika.*

В исторической и политической науке сегодня обсуждаются проблемы, связанные с различными аспектами социально-политического перелома. Одной из таких тем является репрезентация процесса перестройки в официальном дискурсе.

В настоящей статье мы продолжим рассматривать некоторые тенденции формирования образного и символического наполнения дискурса перестройки, прослеживаемого в официальных выступлениях первого лица Советского Союза – М.С. Горбачева в период с 1988 по 1989 годы. В анализе символики перестройки мы опираемся на работы Линн Хант [1, с. 78–94] по анализу распространения революционной риторики в период Великой французской революции.

Одним из способов деятельности политических акторов, «направленной на производство и продвижение/ навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [6, с. 106] выступает язык, порождающий официальный дискурс. Обладая монополией на распределение властных ресурсов, придания символам особого статуса, а также репрезентации на международном уровне, государство формирует символы особого значения, которые становятся объектами для соотнесения для других участников коммуникации, а также позволяющих рассматривать историю как процесс производства не только социальных и прочих интересов, но и коллективных смыслов [6, с. 107]. Изучение риторики М.С. Горбачева позволит не просто зафиксировать изменения образной

составляющей политического языка, а даст возможность нового (иного) рассмотрения важнейших процессов периода перестройки.

В качестве объекта исследования выступают публичные выступления (выступления на пленумах ЦК КПСС, доклад на съезде КПСС, а также дополняющие их выступления) М.С. Горбачева в период с 1988 по 1989 годы. Указанные тексты обладают системным характером, затрагивают устойчивый набор проблематик, а значит наиболее подходят для анализа.

В частности, для выявления символической составляющей выступлений тексты сравниваются по определенным показателям на основе контент-анализа. Важным этапом комплексного контент-анализа является проведение частотного анализа с целью выяснения значимых в символической системе слов (лексических единиц). Ключевые слова позволяют выяснить систему взглядов и идей политических акторов. Состав и функции, используемых в тексте ключевых слов определяется политическими реалиями и задачами.

Результаты статистического анализа показали, что в официальной риторике 1988 года наиболее значимыми символами выступают лексические единицы: *партии, перестройки, жизни, товарищи, общества, должны, развития, ЦК, органов, деятельности, людей, социализма, культуры, работы, США, мир, страны, сейчас, союз, время, СССР, людей*. Преобладают местоимения обобщающего характера (*мы, нас, нашего, всех, все*), под которыми понимаются как КПСС, партия, либо ЦК, так и советский человек и общество. Следует обратить внимание, но значительное количество отрицательных (частота употреблений относительно текстового массива составляет 4,1%) предлогов (*ни, не*), придающие «отрицающие», нигилистические смыслы выступлениям первого лица. Присутствуют союзы и союзные слова, указывающие на те или иные факты и события с целью разъяснения информации, содержащиеся в исследуемых текстах. Лексические единицы, характеризующие советское общество в целом и внепартийные структуры (*людей, общество, трудящиеся, человек*), в официальных выступлениях встречаются чаще (частота употреблений относительно текстового массива в 1988 году составляет 1,8%, а в 1987 году составляет 0,96%), в свою очередь лексические единицы, акцентирующие внимание на роли партии в политическом процессе (*ЦК, партии, органов*) встречаются в речах реже (частота употреблений относительно текстового массива в 1988 году составляет 1,31%). Лексические единицы «*надо*», предлоги «*на*» в сочетании с указательными местоимениями (*это, этого*), конкретизируют единичные социально-политические целеполагания М.С. Горбачева в широком круге перестроечных проблематик и мобилизуют целевую аудиторию на выполнение тех или иных задач.

Официальный дискурс в 1989 году сосредоточен вокруг ключевых понятий: *хозяйства, производства, должны, отношений, сельского хозяйства, продукции, экономических, товарищи, развития, предприятий, общества, перестройки, гласности, страны, товарищи, жизни, здесь, съезде, сказать, депутатов, народа, партии, СССР, демократизации, реформы, сегодня*. Преобладают местоимения, предлоги и частицы указательного характера (*на, что, это, для*), это взаимосвязано с выборами и проведением I съезда народных депутатов СССР, а также образовавшимся разрывом между партией и советским обществом. Получив свободу вы-

бора, граждане страны зачастую отказывали в доверии правящей партии. Как вспоминает В.А. Медведев: «Так в Ленинграде не был избран ни один партийный и советский руководитель города и области, ни один член бюро обкома, включая первого секретаря». Необходимость объяснения новых правил в политическом процессе вынуждает М.С. Горбачева апеллировать к новым политическим акторам. Лексические единицы, характеризующие роль внепартийных структур (*людей, общество, депутатов, народ*) сохраняют доминирующую роль (частота употреблений относительно текстового массива составляет 0,82%), апелляция к партийным структурам, в официальных выступлениях, сохраняется (частота употреблений относительно текстового массива составляет 0,54%). Под обобщающими местоимениями (*нашей, нас, мы*) понимается смешанная целевая аудитория, как сама партия, так и население советского государства (*общество, народ, депутат*). В риторике М.С. Горбачева прослеживается долженствование (*надо, должны*) – необходимость и неотвратимость социально-политических изменений, – направленная на мобилизацию населения Советского Союза.

Концептуальная структура. Основная тенденция политического дискурса заключается в семантическом наполнении слов, выражающих ценности социума [5, с. 124] и направленный на формирование определенных смыслов, наполнения или подкрепления символического капитала. Попытаемся выявить содержание образа перестройки в официальных выступлениях М.С. Горбачева.

Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года в своей основе был посвящен теме образования, роли школы всех уровней и подготовке человека «нового качества»: *«Нет никакого сомнения: все, что касается школы, образования и воспитания, напрямую связано с развитием социализма, с перестройкой»*. В рамках пленума М.С. Горбачев выступил с речью носящей название «Революционной перестройке – идеологию обновления». В своих воспоминаниях генеральный секретарь КПСС отмечает: *«Нам нужна была идеология обновления. Гласность вскрыла многие пороки нашей действительности, и необходимость перестройки»* [4, с. 133]. Для подтверждения необходимости реформ в сфере образования и идеологического наполнения перестройки использовался традиционный способ легитимации – преемственность, закрепляющая правильность выбранного пути и его соответствия принципам социализма [2]:

1) *«напомню, что уже в первые, труднейшие послереволюционные годы В. И. Ленин считал строительство новой, советской школы одним из самых неотложных дел партии. И это понятно, ибо от школы, от обучения и воспитания нового человека зависело — без всякого преувеличения — будущее социализма»;*

2) *«И рождена такая ситуация размахом перестройки, ее углублением, выходом на новые рубежи, когда большинству стало ясно, что наши цели и планы реальные, что они, употребляя ленинское выражение, “всерьез и надолго”»;*

3) *«Разрабатывая свой кооперативный план, Ленин указывал: “...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм”»;*

4) *«Перестройка обязывает нас взглянуть по-новому на некоторые, ставшие привычными характеристики, сопоставить <...> с теми критериями прогресса, с теми целями строительства нового общества, которые сформулированы классиками марксизма-ленинизма».*

В своей риторике М.С. Горбачев признает, что до сих пор перестройка не имела четких смысловых и идеологических рамок, поэтому могла трактоваться населением неоднозначно: *«Одни видят в ней косметический ремонт, подкрашивание фасада, своего рода «подналадку» существующего механизма <...> Другие требуют демонтировать до основания саму систему социализма, объявляют путь, по которому десятилетиями шел народ, ложным, ведущим в никуда, начисто отрицают ценности социализма <...> Третьи увлекаются радикальной фразеологией, зовут к перепрыгиванию через этапы социалистического развития, игнорируя логику перестройки»*. В следствии Горбачев формирует идеологический состав перестройки, которые можно аналитически свести к следующим тезисам и утверждениям [2]:

- Дух перестройки есть дух демократизации;
- Перестройка это преобразование форм общественной жизни, освоение нового, отказ от сложившихся стереотипов. Перемены затрагивают сознание и психологию людей, их интересы, положение в обществе, в трудовых коллективах;
- Перестройка это борьба, как на производстве, так и в духовной сфере;
- Перестройка является возвратом к ориентирам коммунизма, которые были сформулированы классиками марксизма-ленинизма;
- Перестройка — это объективно необходимый этап развития советского общества;
- Перестройка, если взять ее духовные измерения,— это одна из решающих попыток в полной мере восстановить в глазах всех огромное значение социалистических ценностей;
- Перестройка предлагает обществу идеи, способные на деле объединить, сплотить людей не путем выравнивания их как для парада, а на основе разнообразия человеческих возможностей, стремлений, интересов, способностей;
- Перестройка это практическая экономика, демократия и гласность;
- Перестройка ставит мощную демократическую преграду на пути такой вседозволенности и административного зуда, заставляет все органы, все кадры постоянно сверять свои действия с законом;
- Экономическая реформа, развитие процессов демократизации и гласности, обновление духовно-нравственной сферы, то есть все, что мы связываем с понятием революционной перестройки.

Одним из важных моментов создания идеологической базы перестройки является введение в политическую повестку понятия «нового мышления», направленной на изменение внешнеполитического курса Советского Союза. Безусловно «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» требует более детального рассмотрения как произведение, утвердившее новые принципы выстраивания международных отношений, но в одном из сюжетов обозначенных Горбачевым присутствует и характеристика перестройки как внутривнутриполитического феномена:

- Перестройка – это назревшая необходимость, выросшая из глубинных процессов развития нашего социалистического общества. В «котле» перестройки пе-

реплавится общество и прежде всего – сам человек. Это будет обновлённое общество;

- Перестройка – это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма;

- Это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества;

- Перестройка – это всесторонняя интенсификация советской экономики, восстановление и развитие в управлении народным хозяйством принципов демократического централизма, решительный поворот в науке, это приоритетное развитие социальной сферы;

- Избавление общества от искажений социалистической морали;

- Истинное предназначение перестройки это соединение социализма и демократии.

Однако, М.С. Горбачев признает неопределенность конечного результата начавшихся реформ [2]: *«Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ. Не в наших традициях заниматься пророчествами и пытаться предопределить все архитектурные элементы того общественного здания, которое мы возведем в процессе перестройки».*

На XIX партийной конференции формируется противоречие *«мы – партия» – «они – люди, которые проводят перестройку».* Пока за партией остается роль политического авангарда, но ставится задача *«перестроить свою деятельность, стиль, методы и формы работы — от первичной организации до Центрального Комитета. Каждый коммунист должен действительно быть борцом за реализацию ее политики, за интересы народа».* 42% выступления посвящены реформе политической системы, 24% изменениям в работе КПСС.

В рамках работы I съезда народным депутатам СССР М.С. Горбачев закрепляет тезис о необходимости «углубления» перестройки, связывая ее с распространением принципов демократии, гласности и радикальных экономических реформ. *«Разделение функций, осознания партией своей роли как политического авангарда общества и освобождения ее от государственной, хозяйственной функций»* становится центральной темой перестройки [3].

Таким образом, анализ риторики М.С. Горбачева в 1988–1989 годах показал, что официальном дискурсе укореняется понятие перестройки, постепенно приобретает значение нарицательного обозначения социально-политических изменений в стране. Перестройка позиционируется как естественный этап развития социалистического общества, отказ от сложившихся стереотипов и возврат к традиционному пониманию социализма. Перестройка как социально-экономическая реформа приобретает черты революционности и ведет к неминуемым изменениям в политической сфере. Образ перестройки, представленный в риторике М.С. Горбачева,

направлена на формирование наиболее широкой аудитории подтверждающей его легитимность, продолжается использования приема «обращения к теме прошлого» и преемственности. Перестройка рассматривается, как попытка восстановить значение социалистических ценностей во всем мире, что влияет пересмотр внешнеполитического курса СССР. Общими для риторики период с 1988 по 1989 годы являются ключевые слова: *должны, экономических, развития, общества, перестройки, гласности, страны, жизни, здесь, депутатов, народа, партии, демократизации, реформы, сегодня, перестройки, ЦК, органов, деятельности, людей, социализма, культуры, работы, США, мир, сейчас, союз, СССР.*

Литература

1. Hunt Lynn The Rhetoric of Revolution in France // History Workshop Journal. 1983. No. 15. Spring. P. 78–94.
2. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М.: Политиздат, 1988. 576 с.
3. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 6. М.: Политиздат, 1989. 606 с.
4. Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас / М.С. Горбачев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 267.
5. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О.Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 285 с. (Библиотека РАПН).
6. Малинова О. Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3–4. С. 106–122.
7. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологии / НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2013. 288 с.

ЧЛЕНСТВО В ЕС ДЛЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (ВЕНГРИЯ)

Баландина А.А.

Данная статья посвящена итогам десятилетнего членства Венгрии в Евросоюзе. 2014 год является рубежом для бывшей социалистической страны, вставшей на путь интеграции в европейское пространство и демократизации. Членство в Европейском Союзе для бывшей постсоветской страны что это: благо или новый вызов? Как страна, выстраивающая экономику на сельском хозяйстве, справится с тем, что теперь ЕС будет ведать сельскохозяйственными делами? Помешает ли обоюдное разочарование европейских элит и венгерского общества налаживанию социально-экономической сферы, и как теперь Венгрия будет справляться с неутешительными и во многом разрушительными итогами интеграции.

Ключевые слова: *Европейский Союз, Венгрия, Восточная Европа, интеграция, общество, экономика, социальная сфера*

The given article is devoted to the results of the ten-year membership of Hungary in the European Union. 2014 is the frontier for the former socialist country which has settled down to the course of European integration and democratization. What is the membership in the European Union for a former Soviet state: a blessing or a new challenge? Being a country which builds its economy on agriculture, how will it cope with the fact that now the EU will be in charge of agricultural affairs? Will the mutual disappointment of the European elites and the Hungarian society prevent the adjustment of the socio-economic sphere, and how Hungary would cope with disappointing and largely destructive outcomes of the integration?

Keywords: *European Union, Hungary, Eastern Europe, integration, society, economy, social sphere*

2014 год стал для восточных европейцев юбилейным. Два десятилетия по пути реформ: от проведения собраний представителей оппозиции и власти, избрания новых парламентов на многопартийной основе и до членства стран в Евросоюзе и НАТО. В число наиболее существенных факторов, формирующих вектор международной политики бывших социалистических стран Восточной Европы – стремление добиться членства в организациях евроатлантического и европейского и сотрудничества. Попав в «первую волну» расширения, с этого момента для Венгрии началось масштабное реформирование социально-экономической сферы страны.

Путь Венгрии в Европу

Важным этапом становления взаимоотношений ЕЭС со странами Восточной Европы стал Парижский саммит в 1989 году. На основе его решений в сентябре

1989 года была принята программа помощи, оказываемая странам Восточной Европы. Был создан фонд ФАРЕ24. Координатором Программы стала Комиссия ЕЭС [1]. Программа ФАРЕ (Фонд содействия экономической перестройке Венгрии) была направлена на поддержку реформирующейся экономики.

Следующий этап – учреждение на сессии Европейского совета в Страсбурге в 1989 году Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), основной задачей которого стало использование средств развитых стран Запада для оказания помощи в развитии частного сектора, реформировании экономики и становления демократии. Все субсидии и займы предоставлялись безвозмездно. Меры вводились в отношении лишь тех стран, которые имели надежные программы проведения рыночных реформ. К началу 1991 года Европейские сообщества, отвечая на развал социалистической системы, начали делать все возможное для объединения Восточной Европы с Западной Европой на тех же принципах, как и в 1951 году.

В 1995 году была принята «Белая книга» – «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза». «Белая книга» содержала перечень необходимых условий для интеграции в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия.

Расширение Европейского союза на восток стало новым этапом европейской интеграции. Предыдущие расширения не требовали от его участников глубоких системных преобразований. Страны ЦВЕ, входившие ранее в социалистический блок, были вынуждены в краткие сроки осуществить переход от плановой экономики к рыночной, от авторитаризма к парламентской демократии и к правовому государству.

Заявление о присоединении к Европейскому союзу в качестве полноправного члена Венгрия подала 1 апреля 1994 года. К переговорам по этому вопросу стороны приступили 31 марта 1998 года, после принятия соответствующего решения на саммите ЕС в Люксембурге 13 декабря 1997 года. Первый этап межправительственных переговоров о присоединении состоялся 10 ноября 1998 года. Завершился переговорный процесс приглашением Венгрии к вступлению в ЕС на Копенгагенском саммите в декабре 2002 года. Главной проблематикой переговоров было согласование послаблений и отсрочек в выполнении некоторых юридических предписаний ЕС. Венгрия еще на стадии ассоциированного членства в ЕС внедрила практически в полном объеме европейские стандарты в национальную систему, а также адаптировала в требуемом объеме национальное законодательство к требованиям ЕС.

До вступления в ЕС у Венгрии было 177 двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Те из них, которые не соответствовали торговой политике Евросоюза, включая все соглашения о свободной торговле, Венгрия должна была без каких либо исключений денонсировать [1].

К 2004 году, еще до официального вступления Венгрии в состав ЕС, Евробарометр проводил опрос среди венгров об удовлетворенности в различных сферах жизни населения. Результаты были таковы: 51% венгров считают, что их жизнь будет оставаться практически неизменной в течение 2004 года. В этом отношении венгры являются оптимистами, чем остальные 25 государств-членов и десять но-

вых членов, где процент в данной сфере составляет 49% и 42 % от всего населения соответственно.

Венгрия в ЕС

Главной целью венгров при принятии решений об интеграции было обеспечение собственной безопасности, стремление улучшить свои жизненные условия через модернизацию экономики и подъём уровня производства. Венгры стремились стать частью наиболее динамично развивающейся половины европейского континента и таким образом получить от неё дополнительные средства для собственного развития. Однако спустя десятилетие результаты членства не внушают оптимизма, как для европейских элит, так и для самих венгров.

Экономическая сфера

В 2007 году Венгрия оказалась на последнем месте в ЕС по темпам прироста ВВП. Со вступлением Венгрии в ЕС ее сельское хозяйство подпало под регулирование Единой сельскохозяйственной политики Союза (ЕСХП). Национальная система таможенных пошлин и экспортных поддержек в торговле аграрной продукцией прекратила свое действие, а в отношении третьих стран стал действовать таможенный и нетарифный механизм регулирования. С одной стороны, это обеспечило более действенную защиту венгерского сельского хозяйства от импорта из третьих стран, но с другой – ощутимо ослабило позиции венгерских фирм в конкурентной борьбе с фирмами из стран ЕС.

На 2009 год 71% граждан считают, что экономическая интеграция крайне слаба. Венгры почти поровну – 46 % одобряют и 42% не одобряют переход к рыночной экономике. Согласно исследованиям американского аналитического центра Pew Centre, на 2010 год только 9% венгров были убеждены, что экономика их страны усилилась в связи с европейской интеграцией. Стоит отметить, что на 2009 год только 6% граждан были убеждены, что экономика страны находится в хорошем состоянии, значит, что 94% граждан считают экономику страны слабой.

В 2011 году 91% населения считали, что экономика в стране находится в плохом состоянии, 55% респондентов считали, что их личная финансовая ситуация находится в плохом положении, 26% довольны своей жизнью, в отличие от всеобщих показателей по всему ЕС: 55% граждан довольны своей жизнью, а 27% нет.

В марте 2011 года венгерское правительство озвучило программу реформ, направленных на сокращение бюджетного дефицита. Программа получила название «План Кальмана Селла». План преследует три цели – снижение уровня государственного долга, препятствование росту его объема и обеспечение длительного роста экономики. Реформирование затрагивало бы сферы государственных закупок, образования, пенсионного обеспечения. Предполагается, что реализация Плана произойдет к концу парламентского цикла, то есть к 2014 году, должна обеспечить экономию порядка 700 млрд. форинтов, что позволит последовательно снижать дефицит бюджета: в 2011 году до 2,9%; в 2012 году до 2,5%; в 2013 году до 2,2%; в 2014 году до 1,9 % [2].

План встретил неоднозначную реакцию в Венгрии. Часть пунктов расценивалась как популистские, не имеющие реального воздействия на бюджетный дефи-

цит (например, сокращение продолжительности отпуска министров с 40 до 20 дней, обещание уменьшить налоги на предпринимателей). Реальный эффект от другой части пунктов воспринимается как незначительный (например, установить предел для зарплаты руководителей госкомпаний в 2 млн. форинтов, сократить в 2014 году депутатский корпус до 200 человек, заморозить финансовую поддержку партий на уровне 2011 году, то есть в объеме 0,18% бюджета, сократить субсидии. Лишь некоторые Плана рассматриваются как обоснованные: внедрение системы общественных работ, принятие закона о занятости госслужащих и разработка модели их карьерного роста, а также создание новой системы страхования по инвалидности.

В 2012 году лишь 27% опрошенных респондентов, по результатам исследований Евробарометра, удовлетворены состоянием национальных экономик в своих государствах, в Венгрии же это цифра составляет 9%.

Исходя из статистических данных, следует вывод, что в сфере экономики объективные данные (экономические показатели: уровень ВВП) и субъективные данные (данные социологического опроса Евробарометра) показывают корреляцию друг с другом. Недовольство экономической ситуацией в стране прямо пропорционально с мнением о ней среди венгров. Надежды венгров на более устойчивое экономическое развитие не оправдались, растет уровень безработицы, снижается уровень жизни и заработной платы. На 2014 год только 9% венгров удовлетворены экономикой своей страны, а 91% остались разочарованы.

Социальная сфера

Интенсивная унификация и формирование однородной социальной среды в ЕС началась с конца 1990-х, с подписания Амстердамского договора 1997 года, статья 136 которого подтверждает, что социальная политика – совместная сфера деятельности ЕС и государств-членов. Социальная хартия 1961 года и основополагающие договоры ЕС стали важными составляющими формирования единой социальной политики. В разработке единой социальной политики принимают участие ряд институтов Евросоюза – наиболее важная роль принадлежит Европейской Комиссии, а также Социальному Экономическому Комитету, который поддерживает тесную связь с государствами-членами ЕС.

В меморандумах об интеграции, подписанных каждой страной-кандидатом, отражены основные проблемы, стоящие перед вступающими странами. В процессе подготовки к вступлению в ЕС каждая страна-кандидат подписала с Европейской комиссией совместный меморандум об интеграции (Joint Inclusion Memorandum). Венгрия подписала этот документ 18 декабря 2003 года. Демографическая ситуация, согласно меморандуму, следующая: в течение последних 20-ти лет население Венгрии снизилось почти на 500000 человек. Одна из причин – снижение рождаемости (на 2001 год – 9%, ЕС: 10%), увеличение смертности (13%, в ЕС: 9%). Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась до 68 лет у мужчин и 76 лет у женщин. Неравенства доходов, бедность. Согласно данным исследовательского центра Leaken indicators доходы высшего класса в Венгрии в 3,4 раза выше, чем доходы низшего класса. Коэффициент Джини составил 23% (ЕС-15: 4,4 и 29%). По показа-

телям Laeken, 44% населения оставались за чертой бедности в 2001 году (ЕС-15: 40%).

По данным ВОЗ, с 2008-2011 годы в Венгрии снизились расходы на здравоохранение, в Литве, Эстонии и Венгрии в связи с кризисом был сокращен временный отпуск по болезни. Согласно данным проекта ОЭСР «Инициатива лучшей жизни» (Better Life Initiative, BLI). С 2000 по 2011 годы рост затрат на здравоохранение в Венгрии в расчете на человека в реальном выражении составлял в среднем 2,8% в год. В 2011 году темпы роста упали до 0,2%.

Ситуация в сфере занятости. В 2003 году Еврокомиссия отмечала прогресс Венгрии в сфере занятости (падение уровня безработицы в 1998г. с 7,8% до 5,6% в 2002 г.). К 2005 году уровень безработицы приблизился к 8%. В возрастной группе до 24 лет уровень безработицы был одним из самых высоких в Евросоюзе. Рынок труда из-за экономического кризиса испытал в Венгрии значительные трудности. В 2007 году в стране было около 4 млн. занятых граждан, в 2008 году их число уменьшилось до 3 млн. 850 тыс. человек, а в 2009 году – до 3 млн. 751 тыс. человек [1]. Несмотря на начавшийся в 2010 году рост занятости, тенденция увеличения безработицы осталась в Венгрии неизменной. Число зарегистрированных безработных в 2007 году увеличилось с 328 тыс. чел. до 460 тыс. чел. в 2010 г. Уровень безработицы в 2007 году составлял 7,4%, в 2008 г. – 8,0%, в 2009 г. – 10,5%, в 2010 году – 10,9%. Труднее всего найти работу людям с низким уровнем образования и без профессиональной квалификации. Для этой категории уровень безработицы в 3-4 раза превосходит средний по стране. Среди венгерской молодежи безработица в 2012 году превысила 28% (2001 год – 26%) [3].

В связи с экономическим кризисом правительство Венгрии стало разрабатывать ряд программ поддержки сохранения и создания новых рабочих мест (например, программы «Путь к работе», «За сохранение рабочих мест»), в рамках которых предусматривается выделение средств на конкурсной основе. Работающие в Венгрии иностранные компании предлагают увольняемым сотрудникам помощь в рамках так называемых «программ стимулирования карьеры», которые предусматривают гуманизацию процедуры увольнения, и обучение способам поиска работы, и содействие в юридических вопросах.

К началу членства Венгрия была страной с твердыми экономическими и социальными показателями, безработица сокращалась, уровень жизни возрастал, членство в ЕС дало свои результаты, но экономическая ситуация по всей Европе не застала долго себя ждать. На данном этапе Венгрия находится в состоянии кризиса. По результатам Евробарометра, жители страны пессимистично настроены к ситуации в социальной сфере жизни общества в ближайшее время, только 10% граждан верят, что кризис пойдет на спад. Следует отметить, что за последние два десятилетия произошло заметное расслоение венгерского общества. Численность бедного населения возросла более чем в 2 раза (с 410 тыс. в 1987 году до 969 тыс. в 2005 году), а богатых людей – с 599 тыс. до 899 тыс. чел.[3].

Десять лет спустя

В целом же членство Венгрии в ЕС свидетельствуют об обоюдном разочаровании. С 2005 года ЕС неоднократно высказывал Венгрии замечания относительно

бюджетного дефицита и исполнения экономических предписаний, обещая наказывать санкциями и урезанием финансовой помощи. Венгрия, в свою очередь, всё больше разочаровывается в результатах членства. В 2005 году в списке стран, негативно оценивающих членство в ЕС, Венгрию опередили только финны, латыши, англичане и австрийцы. Причиной недовольства стали рост уровня безработицы и преступности, а также весьма средняя экономическая перспектива. Больше всего среди венгров за последний год упал уровень доверия к органам управления Евросоюза. Брюссельский бюрократизм и уровень коррупции привнес наибольшее число разочарований. Объективные данные по развитию в социальной сфере, представленной выше, прямо пропорциональны с субъективными данными, представленные социологическими опросами. Экономические трудности повлекли за собой трудности в социальной сфере, большинство венгров остались без работы. Венгры, которые надеялись на создание государство всеобщего благосостояния, устойчивое развитие, вступив в ЕС, оказались не готовы противостоять тяжелому для них испытанию, вызванным экономическим кризисом. Общество винит в этом национальные власти, уровень недоверия к органам власти падает.

В марте 2008 года британский аналитический центр Jane's Intelligence Group поместил Венгрию на 55-е место с точки зрения внутривнутриполитической, социально-экономической, и национальной безопасности. К факторам риска отнесено появление на политической арене таких ультраправых полувоенных организаций, как «Венгерская гвардия», «Национальный дозор» или «Венгерское движение самообороны», идеология которых базируется на ксенофобии, антисемитизме и ненависти к живущим в Венгрии цыганам (около 750 тыс. человек, или 7,5% населения страны).

Согласно данным американского аналитического Pew Centre, опрос 2009 года показал, что 77% граждан недовольны тем, как демократия работает в Венгрии. Также венгры разочарованы политической элитой страны (89% граждан). 76% граждан считают, что коррумпированные политические лидеры являются большой проблемой в Венгрии. Тем не менее, пессимистические выводы о состоянии демократии в Венгрии, не означают, что венгры отказываются от демократических ценностей. Наоборот, венгры продолжают надеяться на развитие демократических прав и институтов в стране.

Для преодоления финансового кризиса, Венгрии были необходимы кредиты от ЕС, поэтому МВФ и ЕС выдвинули ряд политических условий предоставления Венгрии кредита в связи с наличием у европейских стран ряда серьезных претензий к венгерскому руководству относительно состояния демократии, правового государства и гражданского общества в стране. В. Орбан, одержавший победу на парламентских выборах в апреле 2010 года, внес в Конституцию страны и в другие основополагающие законы (о выборах, о Конституционном суде и судебной системе, о СМИ, а также об объединениях, собраниях и забастовках) радикальные изменения, существенно ущемляющие права граждан в стране и подорвавшие основы правового государства. Это вызвало волну возмущения как внутри Венгрии, так и за ее пределами.

Не оправдались ожидания венгров, что вступление стран Восточной Европы в ЕС повлечет за собой дальнейшее усиление либерализации и демократизации

внутренней политической жизни. Все больше аналитиков, как на Западе, так и на Востоке, считают, что в последнее время в политическом развитии стран Восточной Европы наблюдаются противоположные изменения. Эпоха проевропейского и прореформаторского компромисса подходит к концу, и нарастают националистические настроения, о чем свидетельствуют прошедшие в мае выборы в Европарламент.

На данном этапе опыт трансформации Венгрии считается не вполне удачным. Конституционный и экономический кризис, а также неготовность венгерской экономики еще на начальном этапе вступления в ЕС ставили под вопрос возможность их преодоления без существенных для страны последствий. Возможно, если бы не экономический кризис и приход к власти националистических властей, Венгрия смогла бы быстрее адаптироваться к новой европейской среде. Большая часть венгров уверена, что в ближайшие годы стране не удастся преодолеть экономический кризис. На данном этапе времени активно принимаются антикризисные меры с помощью МВФ и ЕС, которые, как ожидается, помогут Венгрии выбраться из долговой ямы и наладить экономику, а улучшения в экономике повлекут за собой позитивные изменения в социальной сфере.

Литература

1. Адаптация стран Центральной и Юго-Восточной Европы к условиям развития в составе Европейского союза / ответственный редактор к.г.н., Н. В. Куликова. М., 2007. 288с.
2. Европейский союз и новые страны–члены: проблемы адаптации / Отв. ред. к.г.н. Н. В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2008. 414 с.
3. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2013. 392 с.

ТЕОРИЯ МОРФОГЕНЕЗА АРЧЕР М. С. (СВОДНЫЙ РЕФЕРАТ)

Кучинов А.М.

Теория морфогенеза Арчер М. С. является интегральной теорией, интегрирующей структуру и деятельность (*agency*¹). В данной макротехории присутствует человеческое измерение и есть возможность временного моделирования. Отреферированы четыре основные книги М. С. Арчер по теории морфогенеза за 1988-2003 гг.

Ключевые слова: *аgеnсу, действие, морфогенез, морфостазиc, рефлексивность, структура.*

Archer's M. S. morphogenetical theory is an integral theory, which integrate structure and agency. Human dimension is in this macrotheory and possibility of time modeling. Four main 1988-2003 books on morphogenetical theory of M. S. Archer are abstracted.

Keywords: *action, agency, morphogenesis, morphostasis, reflexivity, structure.*

Archer M. S. Culture and agency: the place of culture in social theory: revisited edition / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge university press, 2004. XXIX+ 351 pp.

Первое издание первой основной книги Арчер М. С. «Культура и *аgеnсу*: место культуры в социальной теории» выпущено в 1988 г., последний раз переиздавалось в 2004 г. Книга состоит из предисловия и десяти глав, девять из которых сгруппированы в две части.

Большая часть фундаментальных теоретико-методологических принципов описывается в предисловии. Автор начинает книгу с мысли о том, что исследования связей структуры и *аgеnсу* оттеняют исследования культуры и *аgеnсу*; а они могут исследоваться параллельными методологическими подходами. Арчер М. С. предлагает исследовать связи культуры и *аgеnсу* [2, с. XI-XIII].

Арчер М. С. предлагает различать «части» (*parts*), под чем подразумевает социальные образования, и «людей» (*people*), которые в них встроены, под чем подразумевает индивидов. Предлагает различать структуру и *аgеnсу*, различать культуру и *аgеnсу*. При сращении их, теряется их автономность друг от друга: «„Части” и „люди” не сосуществуют во времени, если их соединить, то не будет возможно проанализировать взаимодействие между ними во времени». Арчер М. С. приводит пример брака как правового установления и повседневной практики. Взаимодействие между «частями» и «людьми» составляет основу культурной динамики.

¹ Далее в тексте реферата «*аgеnсу*» переводиться на русский язык не будет в связи с необходимостью разграничить «*action*»/«*activity*» и «*аgеnсу*», «*actor*» и «*аgеnt*», что конкретно здесь принципиально. Общепринятого перевода «*аgеnсу*» на русский язык не существует.

Случаи, когда «части» и «люди» не различаются, Арчер М. С. называет конфляцией (conflation), или элизией (elision). Арчер М. С. рассматривает несколько направлений конфляционизма. В первом случае либо «части», либо «люди» рассматривают как эпифеномен друг друга: отличия только в том, что считать эпифеноменом. В конфляции вниз эпифеномен – «части», в конфляции вверх – «люди». В остальных случаях «Некоторый культурный код или центральная система ценностей навязывает свою хореографию на культурную жизнь и агенты (agents) сводятся к носителям его свойств, либо через пересоциализацию (oversocialization), либо через мистификацию». Это центральная конфляция, элизия посередине, когда не различаются свойства культурных систем (cultural systems) и свойства культурного взаимодействия (cultural interaction). Арчер М. С. приводит пример, согласно которому при таком сращении не будет возможно проанализировать качество пения: или всё сводилось бы к сложности песни, или к мастерству певца [2, с. XIV-XVI].

Арчер М. С. предлагает аналитический дуализм – подход, не тождественный философскому дуализму: исследователь имеет дело не с отдельными сущностями, они разделяются только аналитически, и должны разделяться в теории. Аналогично тому, как Локвуд Д. разграничивал системную интеграцию (system integration) и социальную интеграцию (social integration), Арчер М. С. разграничивает «части» и «людей» в поле культуры. В этой связи автор указывает на достоинства Дюркгейма Э., который когда рассматривал эволюцию образовательной мысли, говорил о культурных несогласованностях (cultural contradictions) и культурной взаимодополняемости (cultural complementarities). Арчер М. С. с целью разграничения вводит термины. Логическая согласованность (logical consistency) – «степень согласованности между „частями” культуры». Случайный консенсус (casual consensus) – «степень культурного однообразия, полученного в результате наложения идей одними людьми на других – через целую гамму знакомых техник – манипуляция, мистификация, легитимация, ассимиляция (naturalization), убеждение или соглашение», что предлагает использование власти и влияния. Подобно разграничению Локвуда Д., степень логической согласованности (logical consistency) Арчер М. С. называет интеграцией культурной системы (cultural system integration, CS), а меру случайной сплочённости – социокультурной интеграцией (socio-cultural integration, S-C). «Первая предусматривает отношения между компонентами культуры, последняя – отношения между культурными агентами (cultural agents)». «Это разделение, следовательно, лежит между культурой без знающего субъекта (knowing subject) и культурой со знающим субъектом (knowing subject)». «Очевидно, мы не живём только пропозициями (propositions) [...], мы генерируем мифы в мистериях, символах и манипуляциях, это всё – социо-культурное взаимодействие (socio-cultural interaction, S-C)». Это – непропозиционные элементы (non-propositional things) вроде вкусов – это материал межперсонального влияния (interpersonal influence), они тоже влиятельны, они нелогичны, их знает часть акторов, но не знает реципиент [2, с. XVI-XIX].

Вопрос встаёт о том, как описать взаимодействие (interplay) между «частями» и «людьми» в культуре. Именно оно составляет основу культурной динамики. В качестве исследователя, который писал о подобном, Арчер М. С. называет Фуко

М. с его теорией дискурса, однако, в ней гипертрофирована роль власти и знания («частей»), недостаточно учитывается роль «людей» [2, с. XIX-XXV].

Для исследования взаимосвязи вышеописанных вещей во времени Арчер М. С. предлагает морфогенетический подход (morphogenetic approach). Аналогично как структура меняется через бесконечный цикл «Структурное обусловление → Социальное взаимодействие → Социальная выработка (Structural conditioning → social interaction → social elaboration), автор предлагает подобную модель для культуры Культурное обусловление → Социокультурное взаимодействие → Выработка культуры (Cultural conditioning → socio-cultural interaction → cultural elaboration)». Культурная система (CS) логически предшествует социокультурным действиям (S-C), которые её трансформируют и выработка культуры (cultural elaboration) логически последует этому взаимодействию. Автор, ссылаясь на Марковича М. (Marković Mihailo), пишет о том, что настоящее состоит из прошлого и будущего, будущее – это не только что будет, это ещё и современные идеи в нас, которые его формируют. «Верования, теории и идеи» настоящего влияют на будущее. Арчер М. С. пишет о способности людей смиряться с их условиями, ссылаясь по этому поводу на Маркса К. и его подход, по которому человек сам – творец своей истории. Арчер М. С. прямо пишет о волюнтаризме в своей теории и допускает: «Если наша рефлексия оригинально кажется теологией, пусть будет так» [2, с. XXIV-XXVII].

Арчер М. С. говорит о возможностях унификации подходов к исследованию культуры и структуры: «Структура и культура автономны, но похожи и нужно исследовать взаимодействие (interplay) между ними». Часто циклы изменения культуры и структуры совпадают, они автономны, но идут рядом [2, с. XXVII-XXIX].

Первую главу «Миф о культурной интеграции» автор начинает с констатации того, что разные теоретики определяли культуру по-разному, но все объединения можно сгруппировать в две основные совокупности. На описательном уровне культура представляется как что-то подобное (in poor relation to) структуре. На объяснительном уровне культура оказывается колеблющейся от высшей независимой всеопределяющей переменной до лежащей в зависимости от других социальных институтов. При этом в большинстве теорий присутствует миф о том, что в культуре всё сводится к интегрированной системе, где все элементы взаимозависимы. Разные теоретики вмещали этот миф в свои теории, «Даже те кто отвергал структурную интеграцию, верили в культурную интеграцию». Миф создали антропологи, однако позже он проник в немецкий истрицизм, в теории Малиновски Б. К. (Malinowski Bronisław Kasper), Бенедикта Р. (Ruth Benedict), Шапиро М. (Meyer Shapiro), Кребера А. Л. (Kroeber Alfred Louis), Дуглас М. (Mary Douglas), функционализме, «переданном» (transmitted by) Сорокиным П. А., занимает центральное место в системе AGIL Парсонса Т., присутствует в лингвистическом структурализме и неомарксизме (western humanistic marxism). Культура в антропологическом подходе связывается с понятием культурного образца, который обеспечивает единство и согласованность, или с «понятием равномерного действия, отождествлённым с чем-то свыше и вытекающей из него социальной однородности». Получается сращение (eliding) сообщества (community) со значениями (meanings). В мифе о культурной интеграции логическая согласованность (logical consistency) и

случайный консенсус (*casual consensus*) остаются неразрывно соединены. На самом же деле их следует различать, чтобы исследовать культурную динамику. Бывают случаи, когда в том или ином обществе логическая согласованность (*logical consistency*) оказывается высокой, а случайный консенсус (*casual consensus*) - низким, или наоборот. Далее автор подробно рассматривает происхождение мифа и кратко подводит итог его последствий в четыре пункта: «отказ от признания или придавание большего значения несоответствиям в системе культуры, невнимание к наличию или отсутствию альтернатив на системном уровне, нежелание принять какую-либо дифференциацию населения, отказ от любых условий, способных разрушительным социально-культурной интеграции» [2, с. 1-21].

Далее, в первой части книги «Отвергая культурную конфляцию», автор критикует исследователей-конфляционистов. Часть состоит из второй «„Конфляция вниз” (*downwards conflation*): о ключах, кодах и сплочённости» [2, с. 25-45], третьей «„Конфляция вверх” (*upwards conflation*): манипулируемый консенсус» [2, с. 46-71] и четвёртой «„Центральная конфляция” (*central conflation*): дуальность культуры» [2, с. 72-96]. Во второй главе критикуются Сорокин П. А., Парсонс Т., Гоулднер А. У. и структуралисты; в третьей - «неомарксизм», Дидро Д., Роллан Р., де Лашалотэ Л.-Р. К. (*La Chalotais Louis-René Caradeuc*), Кондорсе М. Ж. А. Н., Сийес Э.-Ж. (*Sièyes Emmanuel-Joseph*), Конт О., Мангейм К., Альтюссер Л., Маркс К., Энгельс Ф., «ленинизм», «инструменталисты» (Грамши А., Милибанд Р.), «технократическое сознание» (франкфуртская школа, Маркузе Г., критическая теория Хабермаса Ю.). В четвёртой главе критикуются Бауман З., Гидденс Э., которые «не создали теорию культурной стабильности или изменения» [2, с. 94] и Витгенштейн Л. В четвёртой главе автор пишет «Для центрального конфляционизма характерен концепт культуры, где всякий и каждый актор - активный участник, никогда не пассивный реципиент или насильственный потребитель» [2, с. 73], «Язык не может быть моделью культуры в целом» [2, с. 74]. Арчер М. С. критикует позицию Гидденса Э., согласно которой власть (*power*) необходима для любого действия. «Способность изменять независима от власти агентов (*agents*)». Автор говорит о трёх возможных альтернативах: «иногда действия не могут капитализироваться, чтобы власть имела место»; «изменение не обязательно подразумевает власть, когда власть – не гарантия изменения»; «власть может развёртываться, не производя никакой трансформации» [2, с. 92–93].

Во второй части «Переосмысляя культурную динамику» автор описывает свою теорию культурной динамики.

Пятую главу «Обращаясь к культурной системе» [2, с. 103–142] автор начинает с разграничения уровней культурной системы (CS) и социокультурного (S-C). Арчер М. С. считает, что культурную систему можно считать примерно тем же, что Поппер К. Р. подразумевал под «Третьей системой знаний» (*Third World Knowledge*). «В любой момент времени культурная система состоит из корпуса существующих понятных вещей (лат. *intelligibilia*) – всех вещей, которые можно захватить, расшифровать, понять, или известных кому-либо. (Включение компонентов зависит от одной диспозиционной возможности, и не от того, готовы или способны текущие социальные акторы (*actors*) схватить, узнавать или понимать их, – которые составляют непредвиденные случаи для социокультурного уровня (S-C).

По определению, культурные *intelligibilia* образуют систему, ибо все детали должны быть выражены в общем языке (или быть переводимыми в принципе), так как это является необходимым условием, чтобы они были понятными. Другими словами, они имеют, по крайней мере, одну общую характеристику, по меньшей мере, с одним другим компонентом (языком), который является также предпосылкой системы из них». Система различна во времени, это – не что-то раз и навсегда заданное [2, с. 104].

Подход автора к культурной динамике состоит из следующих базовых положений (в скобках - глава, в которой она их рассматривает) [2, с. 106]:

1. «Есть логическое отношение между компонентами культурной системы (CS)», (гл. 5);

2. «Есть случайные влияния, оказываемые культурной системой (CS) на социокультурный уровень (S-C)», (гл. 6);

3. «Есть случайные отношения между группами и индивидами на социокультурном уровне (S-C)», (гл. 7);

4. «Существует выработка культурной системы (CS) благодаря социокультурному уровню (S-C), модифицирующему текущие логические связи и внедряющему новые», (гл. 8);

В культурной системе (CS) существуют противоречия (*contradictions*) и взаимодополняемости (*complementaries*) [2, с. 106].

Арчер М. С. называет свойства культурной системы (CS). «Онтологически утверждается, что существуют объективные отношения противоречия, существование которых не зависит от осведомленности людей о них. Гносеологически утверждается, что это может быть известно указанием на инвариантные логические принципы применимости, которые не относятся к времени и месту. Методологически утверждается, что проблемы, относящиеся к их межкультурной идентификации, не являются неразрешимыми». Культурная система (CS) обладает «эмерджентными» (*emergent*) свойствами, т. е. результатом взаимодействия, не сводящимся к его исходным составляющим [2, с. 107].

Исследовать культуру следует с применением релятивистских подходов, подобным «сильной программе» Блур Д. и Барнса Б. (*Bloor David and Barnes Barry*), однако, их нужно дополнить положениями, которые «сильная программа» отвергает: [2, с. 112–113].

1. «Подразумевается существование некоторого нетрадиционного и транс-контекстуального критерия, по отношению к которому противоречия и последовательности могут быть отнесены к взаимосвязи между элементами культурной системы (CS). Закон противоречия используется в качестве критерия в настоящей работе, именно из-за инвариантности этого логического принципа. Однако, его универсальность категорически отрицается «сильной программой» и в самом деле несовместима с сильным релятивизмом».

2. «Подразумевается способность приписывать убеждения социальным группам во времени и пространстве успешно. Таким образом, предполагается и необходимость, и возможность определенного перевода, ибо они являются предпосылками применения логических принципов, определяющих противоречия или согласованности среди или между чужеродными убеждениями. Однако, переводимость

также усиленно отвергнута сторонниками «сильной программы»: нечто большее, чем грубый перевод для грубых целей согласуется с релятивизмом».

Арчер М. С. пишет о зависимости того или иного культурного уровня от контекста, показывает, какой уровень зависит от какого контекста, и какие между элементами отношения (табл. 1) [2, с. 134].

Таблица 1

Культурный уровень	Контекст, от которого зависит	Отношения между элементами
Культурная система (CS)	другие идеи	логические
Социокультурный (S-C)	другие люди	случайные

В шестой главе «Противоречия и взаимодополняемости в культурной системе» [2, с. 143–184] автор пишет о наличии в культурной системе (CS) сдерживаемых противоречий и сопутствующей взаимодополняемости. Культурная система (CS) не совпадает во времени с людьми (S-C), произведшими ранее её компоненты, это результат деятельности предыдущих людей. Автор условно обозначает взаимодействия буквами А и В, обозначая ими логические отношения в системе, или между двумя эмпирически раздельными системами, или между двумя подсистемами, или между подсистемой и её идеациональным окружением [2, с. 147]. Противоречия и взаимодополняемости существуют в соответствии с определённой ситуационной логикой. Ситуационная логика сдерживания противоречия состоит в том, что противостояние А и В сохраняется, чтобы оно состоялось, А и В должны заниматься разными вещами, но незаменимыми для них, не пересекаться, не отрицать друг друга. Они должны бороться за то, чтобы извлечь нужное из противной стороны, избегая сомнений и не поддаваясь на привлечения и возражения от противной стороны [2, с. 154-155]. Ситуационная логика взаимодополняемости, наоборот, требует от вовлечённых акторов отсутствия ограничений на любые обмены [2, с. 157]. Взаимодействие культурных систем А и В при противоречиях возможно по некоторым моделям: $A \leftarrow B$ (изменение А так, чтобы оно пришло в соответствие с В), $A \leftrightarrow B$ (одновременное изменение А и В так, чтобы они стали взаимно соответствующими), $A \rightarrow B$ (изменение В так, чтобы оно пришло в соответствии с А). [2, с. 159]. При взаимодополняемости же, обе системы пытаются защищать их согласованность и стремятся к идеациональной совместимости исходных компонентов [2, с. 171].

В седьмой главе «Социокультурное взаимодействие» [2, с. 185–226]. Арчер М. С. пишет о том, что социокультурные взаимодействия (S-C) всегда обусловлены контекстом, который задаётся культурной системой (CS). Социокультурными (S-C) факторами определяется «Какие ответы получаются под давлением ситуационной логики, исходящей от культурной системы (CS); Какие из них могут быть сделаны, чтобы оставаться на социокультурном уровне (S-C); Или то, что проходит в стороне от социокультурного (S-C) в культурной системе (CS), начинает новый цикл, или повторяется снова старый» [2, с. 187].

При исследовании социокультурного взаимодействия необходимо учитывать отношения между культурной системой (CS), социальной структурой с тем, чтобы принять во внимание как материальные, так и идеальные интересы. «Проблема в том, как разглядеть в отдельности взаимодействие интересов, власти и идей между собой и объяснить их связанность. Мне кажется, что ключ к объяснению социокультурной (S-C) вариации лежит в том, как социальное (или секционное) распределение интересов и власти фактически увязывается с ситуационной логикой культурной системы (CS) (или подсистемы) в какое-либо определённое время». Отталкиваясь от того, что та или иная группа является носителем тех или иных идей и соответствующей им власти, автор называет следующие положения: [2, с. 188].

1. «[...] использование культурной власти действительно отвечает за длительные периоды упорядоченности на социокультурном уровне (S-C), когда эффективно в силу тех, кто ищет культурный квиетизм, даже если культурная система (CS) разрывается в непоследовательности. Это её короткая или кратковременная завершённость».

2. «[...] применение культурной власти является активным процессом, который в конечном итоге приводит как к противостоянию оппозиционных интересов, так и к их фактическому созиданию. В течение длительного периода, таким образом, социальное взаимодействие имеет далеко идущие последствия, непреднамеренные для обоих уровней социокультурного (S-C) и культурной системы (CS) - даже при этом самом нелюбимом аналитическом предположении, что власть изначально позволяет группам, стремящимся к сдерживанию противоречия или для поддержания взаимодополняемости».

Арчер М. С. объясняет это тем, что люди не будут хотеть ставить свои интересы под контроль, а культурная власть не будет согласовываться с социальными отношениями и скоро будет разоблачена [2, с. 188-189]. На противоречия в культурной системе (CS) социокультурный уровень (S-C) в случаях, когда он более упорядочен, отвечает «авторитарным сдерживанием», культурная система (CS) препятствует происходящему выходу противоречия на социокультурный уровень (S-C) [2, с. 189-190]. В случаях же, когда более упорядочена культурная система (CS), социокультурный уровень (S-C) в ответ выдаёт такие варианты развития, как дезертирство, схизматизм и сектантство [2, с. 198-199]. В случаях же, когда в культурной системе (CS) преобладает сопутствующая взаимодополняемость, Арчер М. С. говорит о наличии там «плотности», а на социокультурном уровне (S-C) – иерархичности, которая вызывает разнообразие в интересах и вступает в конфликт с плотностью. Культурная система (CS) будет изменяться. В итоге будет возможно три случая: будет выкристаллизовываться социо-интеллектуальная элита в силу особого доступа к логике культурной системы (CS); будет снижаться системность культурного разнообразия, часть из которого просто станет украшением, а другой частью будут носители, которые в будущем сформируют элиту в следующем поколении; культурная система (CS) прекратит интегрировать носителей идей и неполная социокультурная индукция (S-C) сформирует новую культурную систему (CS). Или будет применена культурная власть [2, с. 212-213].

Далее автор приводит схему соответствия между степенями интеграции двух уровней и их взаимодействием (табл. 2) [2, с. 226].

Таблица 2

Наименование уровня		Интеграция культурной системы (CS)			
		Высокая	Низкая		
Интеграция социокультурного уровня (S-C)	Высокая	Сопутствующая взаимодополняемость	Сдерживающие противоречия	Морфостазис ↓ Морфогенез	Время →
	Низкая	Сдерживающая взаимодополняемость	Конкуренстные противоречия		

В главе «Выработка культурной системы» [2, с. 227–273] Арчер М. С. пишет о том, как соотносится (табл. 3) поведение каждого уровня по отдельности с той или иной ситуационной логикой культурной системы (CS) [2, с. 270].

Таблица 3

Наименование уровня	Культурная система			
	Типы логических отношений			
	Противоречия		Взаимодополняемости	
Какое условие →	<i>Сдерживающие</i>	<i>Конкуренстные</i>	<i>Сопутствующие</i>	<i>Условные</i>
Ситуационная логика →	Коррекция	Элиминация	Защита	Оппортунизм
Культурная система (CS) →	Синкретизм	Плюрализм	Систематизация	Специализация
Социокультурный уровень (S-C) →	Унификация	Расщепление	Репродукция	Сектантство

В девятой главе «К теоретической унификации: структура, культура и морфогенез» автор пишет о возможностях унификации исследований культуры и структуры ввиду их сходств. Культура может быть рассмотрена как структура, любая структура имеет соответствия в сфере культуры. Как культура, так и структура могут рассматриваться на системном и социальном (для культуры – социокультурном) уровнях [2, с. 274–287].

В десятой главе «Социальная интеграция и системная интеграция: ключ к унификации» автор пишет о унификации исследований интеграции культуры и структуры на двух уровнях. Арчер М. С. пишет о достоинствах теории Хабермаса Ю., изложенной в его книге «Теория коммуникативного действия», как о теории, рассматривающей культуру на двух уровнях [2, с. 288–315].

Archer M. S. Realist social theory: the morphogenetic approach / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge university press, 1995. VII+354 pp.

Следующая основанная книга Арчер М. С. «Реалистская социальная теория: морфогенетический подход» выпущена в 1995 г. Книга состоит из девяти глав, восемь из которых объединены в две части.

В первой главе «Досадный факт общества» [3, с. 1–30] автор пишет о своём реалистском подходе как об отличном от других реалистских подходов ввиду отказа от конфликации. Общество не сводится к сумме индивидов, оно создаётся и изменяется деятельностью людей [3, с. 1–5]. Арчер М. С. рассматривает традиции

конфляции и проблему интеграции микро- и макроуровня в социологии [3, с. 6–12].

Первая часть «Проблема структуры и агенсу: четыре альтернативных решения» состоит из второй, третьей, четвёртой и пятой глав, где Арчер М. С. рассматривает и критикует фундаментальные теоретико-методологические принципы, аналогично как в предисловии к предыдущей книге «Культура и агенсу».

Во второй главе «Индивидуализм или коллективизм: осведомляясь в терминах дебатов» автор рассматривает возможности и ограничения двух методологических подходов. Коллективизм недостаточно учитывает агенсу, а индивидуализм – структуру. Ни индивидуализм, ни коллективизм не позволяют исследовать их взаимосвязь. Эмпирицизм (empiricism) объясняет их противостояние [3, с. 33]. При одностороннем исследовании получается конфляция: индивидуалисты выводят структуру из индивидов, коллективисты же преувеличивают роль контекста и используют холистический подход, имеющий ограничения.

В третьей главе «Вводя время для связи структуры и агенсу» [3, с. 65–92]. Арчер М. С. критикует конфляционизм, однако критика отличается от той, что была в книге «Культура и агенсу» – добавляются новые положения.

Арчер М. С. приводит схему морфогенеза структуры: Структурное обусловление → Социальное взаимодействие → Социальная выработка (Structural conditioning → social interaction → social elaboration) [3, с. 76]. На основании этих этапов автор соотносит морфогенез с разными видами конфляции по схеме (рис. 1) [3, с. 82].

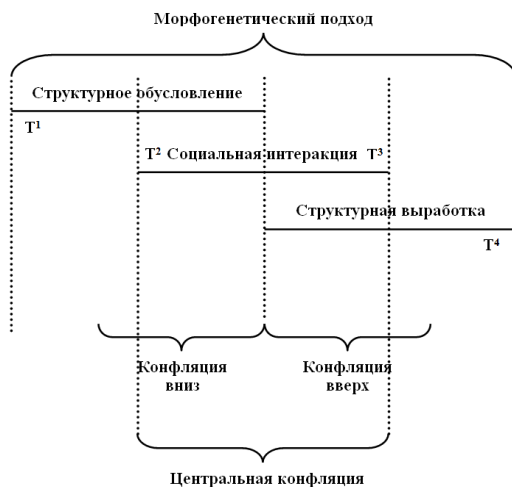

Рис. 1. Схема морфогенеза

В четвёртой главе «Элизия и центральная конфляция» [3, с. 93–134] автор критикует центральную конфляцию, в т. ч. положение о дуальности структуры в теории структуриации Гидденса Э. Арчер М. С. критикует так же теорию структу-

рации за то, что в ней исчезает разнообразие понятий «агент» (agent), «актор» (actor) и «персона» (person) [3, с. 117].

Пятая глава «Реализм и морфогенез» существует на русском языке. В ней Арчер М. С. пишет о достоинствах социологического реализма по сравнению с социологическим номинализмом и излагает свою теорию морфогенеза, которая для структуры почти такая же, как и теория морфогенеза для культуры, обе версии изложены в книге «Культура и агенсу» [3, с. 135–161].

Вторая глава «Морфогенетический цикл» состоит из шестой, седьмой, восьмой и девятой глав, где автор развивает свою теорию морфогенеза.

Из новых положений в шестой главе «Аналитический дуализм: база морфогенетического подхода», прежде, стоит указать на определения морфогенеза и морфостаза: «Морфогенез – процесс социального структурирования; „морфо” значит форму, а „генез” указывает, что это – продукт социальных отношений. Таким образом, „морфогенез” значит „те процессы, которые создают тенденцию к выработке или изменению данной формы системы, государства или структуры” (Walter Buckley). Наоборот, „морфостази” значит те процессы в комплексе обмена системы и её окружения, которые создают тенденцию к сохранению поддерживаемой формы системы, организации или государства» [3, с. 166].

Арчер М. С. повторяет здесь свои четыре положения о культурном морфогенезе, которые мы разобрали при описании с. 106 «Культуры и агенсу» [3, с. 169]:

1. «Есть логическое отношение между компонентами культурной системы (CS)»;

2. «Есть случайные влияния, оказываемые культурной системой (CS) на социокультурный уровень (S-C)»;

3. «Есть случайные отношения между группами и индивидами на социокультурном уровне (S-C)»;

4. «Существует выработка культурной системы (CS) благодаря социокультурному уровню (S-C), модифицирующему текущие логические связи и внедряющему новые».

Помимо них, автор вводит аналогичные для структурного морфогенеза [3, с. 168-169]:

1. «Есть внутренние и необходимые отношения внутри и между социальными структурами (SS)»;

2. «Социальная(-ые) структура(-ы) (SS) оказывают случайное влияние на социальное взаимодействие (SI)»;

3. «Есть случайные отношения между группами и индивидами на уровне социального взаимодействия (SI)»;

4. «Социальное взаимодействие (SI) вырабатывает композицию социальной(-ых) структуры (структур) (SS), модифицируя текущие внутренние и необходимые отношения и внедряя новые, если произошёл морфогенез. В противном случае, социальное взаимодействие (SI) воспроизводит существующие внутренние и необходимые структурные отношения, тогда имеет место морфостази».

Автор пишет о структурных эмерджентных свойствах (Structure Emergent Properties, SEP), культурных (Culture Emergent Properties, CEP) и эмерджентных свойствах людей (People Emergent Properties, PEP). Автор вводит термин двойной

морфогенез/морфостазис – структуры и агенсу, выводит схему (табл. 4) взаимодействия между системным и социальным уровнем, предусматривающую взаимодействие общественных явлений на двух уровнях (но они так же не совпадают во времени) [3, с. 190].

Таблица 4

СИСТЕМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
Систематический	Популяции
Институциональный	Организованные группы (корпоративная агенсу (corporate agency))
Роли	Индивидуальные акторы
Позиции	Коллективы (первичная агенсу (primary agency))

В заключении главы Арчер М. С. выводит три модели для структуры, культуры и агенсу, состоящие из трёх этапов, аналогичных уже рассмотренным в книге «Культура и агенсу». В морфогенезе структуры три этапа – это структурное обусловливание (Structural conditioning) → социальное взаимодействие (social interaction) → структурная выработка (structural elaboration); в морфогенезе культуры это – культурное обусловливание (Cultural conditioning) → социокультурная интеракция (socio-cultural interaction) → выработка культуры (cultural elaboration); в морфогенезе агенсу это – социокультурное обусловливание групп (Socio-cultural conditioning of groups) → групповое взаимодействие (group interaction) → групповая выработка (group elaboration) [3, с. 192–194].

В седьмой главе «Структурное и культурное обусловливание» автор вводит новое положение о том, что связь двух уровней происходит посредством медтации их агенсу: «Все структурные влияния (т. е. порождающие силу (generative powers) структурных эмерждентных свойств (SEP) и культурных эмерждентных свойств (SEP) медируются людьми через распределение (и формирование) ситуаций, в которых они себя находят» [3, с. 196, 201].

Это происходит под действием законных (vested) интересов, которые внедрены во все социальные позиции [3, с. 203]. Автор говорит о мифе о структурной интеграции, аналогичном мифу о культурной интеграции [3, с. 214]. Арчер М. С. предлагает таблицу (см. таблица 5) структурного обусловливания стратегического действия [3, с. 218].

Автор пишет о четырёх культурных конфигурациях и их ситуационных логиках: сдерживание противоречий (необходимые несовместимости), что приводит к идеациональной унификации; сопутствующие взаимодополняемости (необходимые взаимодополняемости), при которых две системы сосуществуют одновременно и у людей нет выбора; конкурентные противоречия (условные несовместимости), предполагающие антагонизм между идеями посредством выбора людей, активацию социокультурного (S-C) уровня; конкурентные взаимодополняемости, создающие логику возможностей и, в отличие от необходимых взаимодополняемостей, оставляют людям возможность выбора между идеями [3, с. 229–245].

Таблица 5

Эмерждентные свойства второго порядка (результат результата взаимодействия)	Ситуационная логика
Необходимые взаимодополняемости	Защита
Необходимые несовместимости	Компромисс
Условные несовместимости	Устранение
Условные совместимости	Оппортунизм

В восьмой главе «Морфогенез agency» [3, с. 247–293] Арчер М. С. развивает идею о том, что agency хоть и способствует изменению структуры и культуры, но и сама проходит изменения по таким же стадиям, т. е. подвергается морфогенезу. В ходе морфогенеза agency становится возможно разграничить человеческое бытие (human being), социального агента (social agent) и социального актора (social actor). Автор предлагает тройную стратификацию «людей» – на персону (person), агента (agent) и актора (actor). «Таким образом, переписчикам важно знать, кого посчитать за Персону (Person), в то время, как те, кто проводят опросы, вынуждены знать об отношениях Персону (Persons) к разным социальным распределениям (ресурсов, жизненных шансов, демографических особенностей и т. д.) для того, чтобы сказать, что выборка репрезентативна, или по каким свойствам она расслаивается (эти скоро будут определены как характеристики Агентов (Agents)). Наконец, кадровые службы должны рассмотреть пригодность кандидатов для занятия конкретных должностей, которые влечет за собой отсылку к социальным Акторам (Actors) [...]» У этих трёх измерений человека разные параметры, различающие власть, инетересы и причины. Эмерждентность agency – конечный продукт двойного морфогенеза (между структурой и agency), когда люди группируются для изменения культуры и структуры в обществе. Автор говорит также о тройном морфогенезе, в ходе которого возникают эмерждентные свойства Акторов (Actors). «В этом процессе, конкретные социальные идентичности отдельных социальных акторов получают из действенных коллективов (agential collectivities) в связи с множеством организационных ролей, которые имеются в обществе в определённый момент времени» [3, с. 255–256] Арчер М. С. разграничивает первичную (primary agency) и корпоративную agency (corporate agency). Вторая, в отличие от первой, является организованной agency групп, а не отдельных людей [3, с. 260-261]. Автор приводит схему механизма морфогенеза agency: на этапе социокультурного обуславливания групп (Socio-cultural conditioning of groups) первичная agency (primary agency) развивается на фоне корпоративной (corporate agency), на этапе группового взаимодействия (group interaction) эти две agencies взаимодействуют, на этапе групповой выработки (group elaboration) происходит увеличение корпоративных агентов (corporate agents) [3, с. 264].

Автор приводит следующие комментарии к этой схеме (первые три относятся к первой стадии, последние три - к последней, остальные - ко второй) [3, с. 264–265]:

1. «Все агенты не равны: начальные распределения структурных и культурных свойств очерчивают Корпоративных Агентов (Corporate Agents) и отличают их от Первичных Агентов (Primary Agents) в начале каждого цикла»;

2. «Корпоративные Агенты (Corporate Agents) воспроизводят/изменяют социокультурную систему и её институциональные части: Первичные Агенты (Primary Agents) работают в их пределах»;

3. «Все агенты не равны по знаниям из-за эффекта первичного взаимодействия»;

4. «Все изменения медируются чередованием в ситуациях агентов (agents): Корпоративные Агенты (Corporate Agents) изменяют контекст, в котором Первичные Агенты (Primary Agents) живут и Первичные Агенты (Primary Agents) изменяют контекст, в котором Корпоративные Агенты (Corporate Agents) работают»;

5. «Категории Корпоративных (Corporate Agents) и Первичных (Primary Agents) Агентов переопределяются с течением времени посредством взаимодействия в достижении социальной стабильности или изменения»;

6. «Действия Корпоративных (Corporate Agents) и Первичных (Primary Agents) Агентов сдерживают и отпускают друг друга»;

7. «Действие Первичных Агентов (Primary Agents) составляют атомические реакции, несогласованные совместные действия или ассоциативные взаимодействия, в зависимости от степени их участия в том или ином институциональном контексте»;

8. «Взаимодействия Корпоративных Агентов (Corporate Agents) создают эмерджентные свойства: действие Первичных Агентов (Primary Agents) создают совокупные эффекты»;

9. «Выработка Социальной Agency (Social Agency) (социетальной или секционной) состоит в сокращении категорий Первичных Агентов (Primary Agents), кто становится включённым или преобразованным в Корпоративных Агентов (Corporate Agents), таким образом увеличивая эту категорию»;

10. «Социальное изменение – это результат совокупного эффекта, совершённого Первичными Агентами (Primary Agents) в соединении с эмерджентными свойствами, вырабатываемыми Корпоративными Агентами (Corporate Agents) [...]».

Автор приводит схему двойного морфогенеза agency [3, с. 275]. Роли и акторы образуются морфогенетически из agency (рис. 2).

В девятой главе «Социальная выработка» [3, с. 294–344] Арчер М. С. приводит схему соответствия (табл. 6) между степенями интеграции двух уровней и их взаимодействием [3, с. 295].

«Условия, связывающие Фазу I и Фазу II состояли в распределении законных (vested) интересов и работали с помощью сталкивания агентов (agents) с разными ситуационными логиками для их достижения (табл. 7). Параллельно этому, соединительный механизм между Фазой II и Фазой III работают через обмен и власть». При этом, они не рассматриваются как посредник, как в функционализме, и обладают эмерджентными свойствами [3, с. 296]. При этом, обмен и власть действуют в три порядка: накопление власти (образуется неравенство), затем «переговоры» (negotiating strength, определяющие её распределение), и затем действует трансформационная и репродуктивная власть.

Арчер М. С. пишет о том, как соотносится поведение каждого уровня по отдельности с той или иной ситуационной логикой культурной системы (CS) и социальной системы (SS) [3; 303].

Рис. 2. Схема двойного морфогенеза

Таблица 6

Наименование	Степень интеграции	Системная интеграция (структурная или культурная)		Наименование процесса
		Высокая	Низкая	
Социальная интеграция	Высокая	Необходимая взаимодополняемость	Необходимое противоречие	Морфостазис
	Низкая	Условная взаимодополняемость	Условное противоречие	Морфогенез

Таблица 7

	Противоречия		Взаимодополняемости	
	Необходимые	Условные	Необходимые	Условные
(Ситуационная логика)→	(Коррекция)	(Ликвидация)	(Защита)	(Оппортунизм)
Поведение культурных эмерджентных свойств (SEP's):				
Культурной системы (CS)	Синкретизм	Плюрализм	Систематизация	Специализация
Социокультурного уровня (S-C)	Унификация	Расщепление	Репродукция	Сектантство
Поведение структурных эмерджентных свойств (SEP's):				
Социальной системы (SS)	Компромисс	Соревнование	Интеграция	Дифференциация
Социальной интеграции (SI)	Сдерживание	Поляризация	Солидарность	Диверсификация

Далее автор пишет о различиях морфогенеза и морфостаза, первый (рис. 3) из них приводит к изменениям системы (выработка), второй (рис. 4) – к воспроизводству имеющихся процессов и отношений. Автор иллюстрирует это так [3, с. 309, 323].

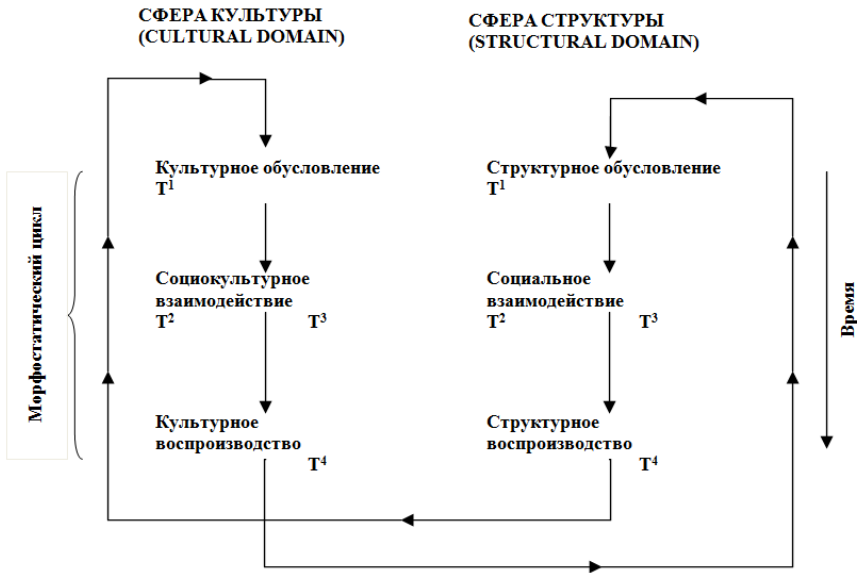

Рис. 3. Различиях морфогенеза и морфостаза (выработка)

Рис. 4. Различиях морфогенеза и морфостаза (воспроизводство)

Archer M. S. Being human: the problem of agency / Margaret S. Archer. - Cambridge: Cambridge University press, 2000. X+323 pp.

Третья книга Арчер М. С. «Быть человеком: проблема agency» выпущена в 2000 г., состоит из предисловия и девяти глав и заключения, объединённых в три части.

В первой части «Внушительность человечества», состоящей из первых трёх глав «Выдерживая растворение человечности» [1, с. 17–50], «Человек модернити» [1, с. 51–85] и «Бытие общества: человечество как данное от общества» [1, с. 86–117]. Арчер М. С. критикует современные теории, которые сводят на нет человеческий фактор в пользу каких-либо общественных структур. Автор критикует постмодернизм и структурализм - Бодрийера Ж., Фуко М., Холла С. (Hall Stuart), Литотара Ж. Ф., Рорти Р., Леви-Стросса К., Геллнера Э. (Gellner Ernst), Лакана Ж., Альтюссера Л. и др. и волюнтаристские теории эпохи Просвещения и после неё вроде представлений об «экономическом человеке», «социологическом человеке» и др. теории, заявляющие о предопределённости тех или иных действий людей в «современных обществах», приписывающие ему рациональность и т. д., критикует теорию дискурса, систему AGIL Парсонса Т., структурализм, лингвистический поворот.

Развитие «бытия общества», согласно взглядам Харре Г. Р. (Harré Horaci Romano) Арчер изображает так (Рис. 5) [1, с. 107].

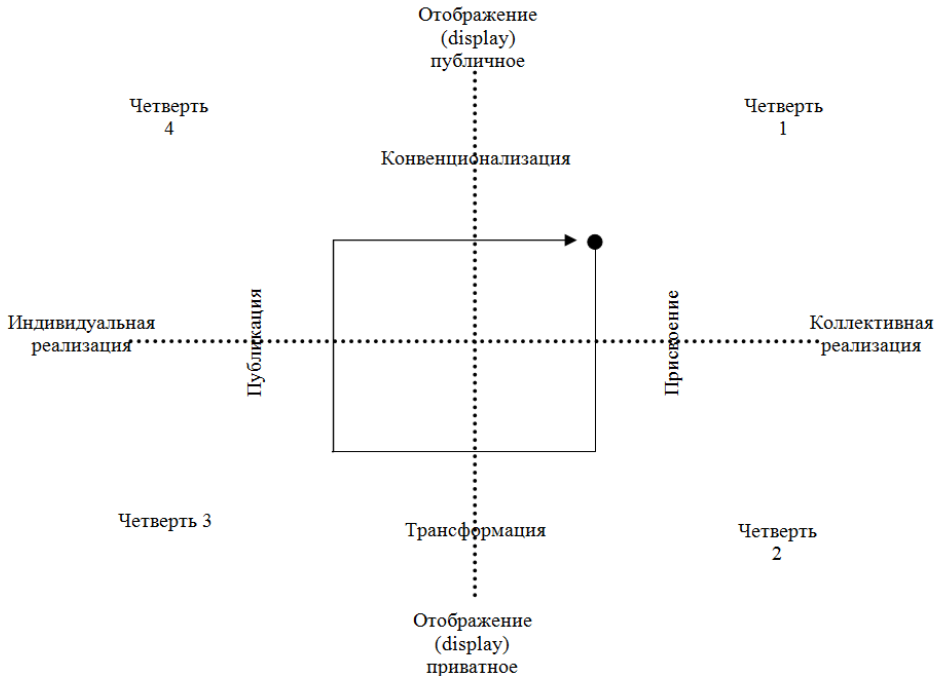

Рис. 5. Развитие «бытия общества» (личность выводится из общества)

По мнению Арчер М. С., ошибочность схемы в том, что исходным пунктом выбран правый верхний угол, личность выводится из общества. Она предлагает свою последовательность (рис. 6), где общество выводится из личности [1, с. 115].

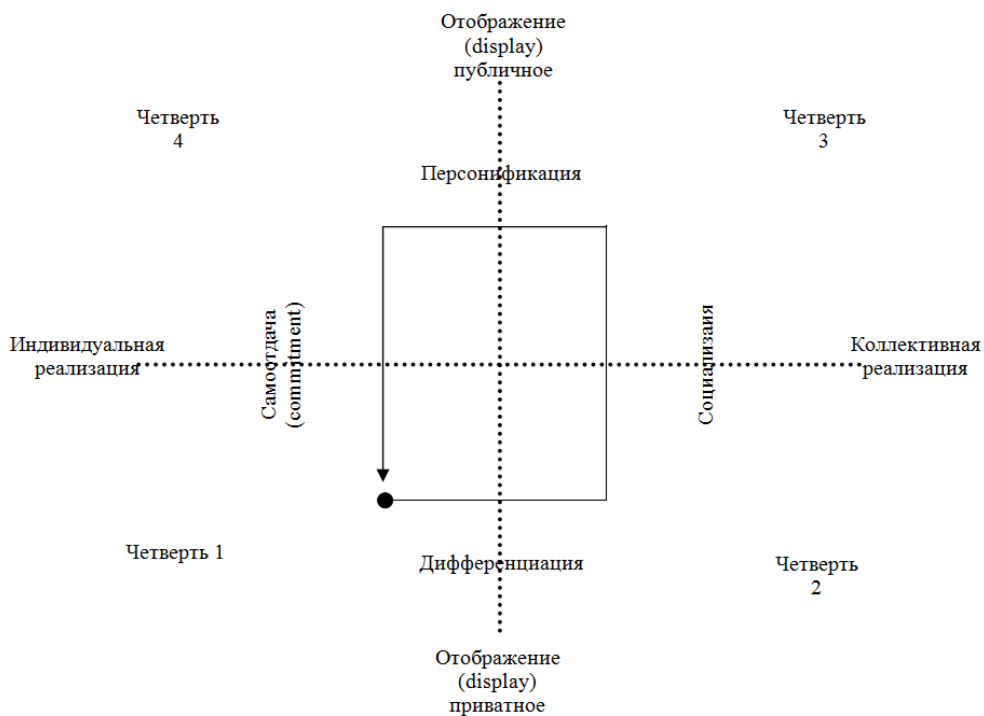

Рис. 6. Развитие «бытия общества» (общество выводится из личности)

Вторая часть «Эмерджентность самосознания» состоит из четвёртой и пятой глав.

В четвёртой главе «Первичность практики» [1, с. 121–153] автор пишет о первичности практики в эмерджентных свойствах самости (self). Она появляется только при практике, через социальные отношения, важную часть в её становлении играют природные (natural) отношения, осознать себя человек может только через своё тело.

В пятой главе «Практический порядок как основной» [1, с. 154–190] автор выстраивает свою основную идею книги: существует природный (natural) и социальный порядки, и человек своей деятельностью обеспечивает их взаимодействие в практическом порядке. С существованием трёх порядков связаны отношения между знанием, видами культуры и связям между порядками. Схематически изображается это так (рис. 7) [1, с. 162]:

Рис. 7. Взаимодействие между порядками

Отношения между воплощённым (embodied), практическим и дискурсивным знаниями показана так (рис. 8) [1, с. 179]:

Рис. 8. Отношения между воплощённым, практическим и дискурсивным знаниями

Третья часть «Эмерджентность персональной идентичности» состоит из шестой и седьмой глав.

В шестой главе «Человечество и реальность: эмоции как комментарии на человеческие проблемы» [1, с. 193–221] Арчер М. С. пишет о роли эмоций в человеческой жизни, воздействии на них рефлексивности, что уподобляет «внутреннему разговору» (inner conversation). Автор пишет об «эмерджентных свойствах людей» за счёт эмоций. Каждый порядок (табл. 8) отвечает за свой кластер эмоций [1, с. 199]:

Таблица 8

ОБЪЕКТ ЭМОЦИЙ	ЗНАЧЕНИЕ	ИМПОРТЫ	ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ ИЗ
Натуральный порядок	Физическое благополучие	Нутряной (visceral)	Отношения между телом и окружающей средой
Практический порядок	Перформативное достижение	Компетентностные	Субъектно-объектные отношения
Дискурсивный порядок	Самоуважение	Нормативные	Субъектно-субъектные отношения

Автор приводит соответствия между внешними стимулами, эмоциями и поведением (табл. 9) [1, с. 205]:

Таблица 9

Импорт из окружающей среды в тело	Эмоция	Тенденции к эффектам по отношению к окружающей среде
Вред	Страх	Побег/сокрытие
Нападки	Гнев	Сопrotивление
Всполошение (startle)	Удивление	Задержание/внимание
Потеря	Печаль	Попытка взять назад
Выгода	Радость	Столкновение (encounter)
Восстание	Отвращение (disgust)	Распространение (emission)
Обогащение (enrich)	Надежда	Ожидание
Расслабление	Облегчение	Отдых

Арчер М. С. предлагает схему морфогенеза в натуральном порядке: обусловление ожидания → взаимодействие с окружающей средой → эмоциональная выработка (conditioning anticipation → environmental interaction → emotional elaboration). [1, с. 207].

В седьмой главе «Персональная идентичность: внутренний разговор и эмоциональная выработка» [1, с. 222–249] Арчер М. С. развивает идею о первичных и вторичных эмоциях на базе теории Эльстера Й. (Elster John).

Арчер М. С. предлагает схему морфогенеза эмоций второго порядка: предварительные условия опыта эмоций первого порядка → артикуляции и повторная артикуляция → разработка эмоций второго порядка (prior experience conditions first-order emotions → articulation and re-articulation → elaboration of second-order emotions) [1, с. 227].

Четвёртая часть «Эмерджентность социальной идентичности» состоит из восьмой, девятой глав и заключения.

В восьмой главе «Агенты: активные и пассивные» [1, с. 253–282] автор предлагает вместо подходов «человек модернизи» и «бытие общества» стратифицированную модель человека на самость (self), персону (person), агента (agent) и актора (actor). Самость в раннем детстве преобразуется в самосознание [1, с. 254]. Эти стратификации человека Арчер М. С. помещает на своей схеме (рис. 9) [1, с. 260].

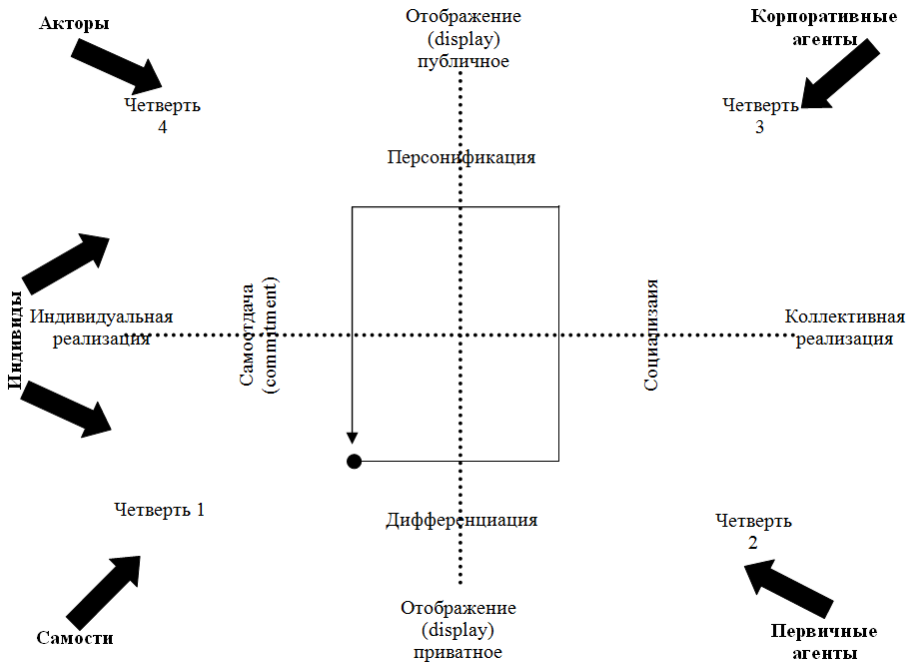

Рис. 9. Стратифицированная модель человека

В девятой главе «Актеры и обязательство» [1, с. 283–306] автор пишет о персональной и социальной идентичности [1, с. 288–294]. Автор предлагает схему морфогенеза персональной и социальной идентичности (обусловленное «me» – первичный агент → взаимодействующее «we» – корпоративный агент → выработанное «you» – персональная+социальная идентичности) [1, с. 296] и изображает процесс возникновения на своей схеме (в 1 четверти – самость, во 2 – первичная агенсу, в 3 – корпоративная агенсу, в 4 – актер, в 1 и 4 - персона) [1, с. 295].

Archer M. S. Structure, agency and the internal conversation / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. X+370 pp.

Четвёртая книга Арчер М. С. «Структура, агенсу и внутренний разговор» вышла в 2003 г., состоит из введения и девяти глав, объединённых в две части.

Первая часть «Одиночество и общество» состоит из первых четырёх глав.

В первой главе «Личная жизнь социального субъекта [4, с. 19–52], как и во введении [4, с. 1–16] автор, в основном, напоминает читателям идеи, изложенные в её предыдущих книгах. Арчер М. С. развивает свою теорию тем, что пишет о том, как структура и агенсу соединяются «внутренним разговором» (inner conversation).

Во второй главе «От самоанализа до внутреннего разговора: незаконченное путешествие в трёх этапах» [4, с. 53–92] автор исследует учения своих предшественников, которые повлияли на её концепцию «внутреннего разговора» – это

«Принципы психологии» Джемса У. 1890 г., учение Пирса Ч. С. и символический интеракционизм Мида Дж. Г.

В третьей главе «Восстанавливая внутренний разговор» [4, с. 93–129] Арчер М. С. пишет о существовании в каждом человеке трёх «внутренних голосов» – I, me, self [4, с. 108], me увеличивается с возрастом [4, с. 114], а self является субъектом и объектом, между которыми постоянно идёт «внутренний разговор» [4, с. 103]. Автор выстраивает диалогическую схему «внутреннего разговора» из трёх этапов: распознавание (discernment), затем обсуждение (deliberation), затем посвящение (dedication), после чего начинается новый цикл.

«Распознавание (discernment) состоит в том, что subject self опрашивает те предприятия (enterprises) в натуральном, практическом и социальном порядках, к которым чувствует обращение, в смысле их ценности и привлекательности. Здесь кристаллизируются те проекты (обычно во множественном числе) в ясные их концепции как жизненные способы». Обсуждение (deliberation) предполагает, что «object-self репрезентирует записи в собранные сценарии, которые теперь subject-self снабдило лучшими деталями, чтобы подчеркнуть позитивные и негативные последствия для его остальных забот, расположенных в двух других областях». На стадии посвящения (dedication) «object-self записывает лист психического баланса, который участвует в принятии конкретной „предельной важности” (ultimate concern) [...]» [4, с. 102–103].

Арчер М. С. приводит схему морфогенеза персоны (morphogenesis of person): обуславливающее «me» → разговорное «I» → выработанное «you» (the conditioning 'me' → the conversational 'I' → the elaborated 'you') [4, с. 115] и приводит свою схему со с. 295 «Быть человеком» [4, с. 124].

В четвёртой главе «Процесс медиации между структурой и агенсу» [4, с. 130–150] Арчер М. С. приводит траекторию курсов деятельности заботы → проекты → практики (concerns → projects → practices) [4, с. 133]. Медиация происходит по следующим положениям [4, с. 135–148]:

1. «Структурные и культурные свойства объективно формируют ситуации, которым агенты невольно противостоят и обладают порождающей властью (generative powers) ограничения и обеспечения в отношении к субъективно определённым заботам агентов»;

2. «Ограничения и обеспечения активируются в ассоциации с личными созвездиями забот агентов, как субъективно определённых в отношении к трём порядкам природной реальности - природе, практике и обществу»;

3. «Курс действия проиходится через рефлексивные обсуждения агентов, котоые субъективно детерминируют их практические проекты в отношения с их объективными обстоятельствами»;

Главы с пятой по девятую и заключение составляют вторую часть «Модели рефлексивности и положения по отношению к обществу».

В пятой главе [4, с. 153–166] Арчер М. С. проводит ряд интервью с целью исследовать «внутренние разговоры» разных людей, и делает вывод о существовании разных типов рефлексивности, которые выстраивают разные позиции по отношению к социальным и культурным системам. Эти типы рефлексивности автор описывает в следующих главах.

В шестой главе «Коммуникативная рефлексивность» [4, с. 167–209] автор пишет о типе рефлексивности, представители которого склонны находить одобрение своим действиям у других людей, советоваться.

В седьмой главе «Автономная рефлексивность» [4, с. 210–254] Арчер М. С. пишет о типе рефлексивности, представители которого наоборот – склонные к глубоко самостоятельному решению всех проблем.

В восьмой главе «Мета-рефлексивность» [4, с. 255–297] автор пишет о типе рефлексивности – первичном для всех остальных типе, заключающемся в более выраженном внутреннем разговоре (inner conversation), эти люди часто таким образом обдумывают многие жизненные проблемы.

В девятой главе «Сломанные рефлексивности» [4, с. 298–341] Арчер М. С. пишет о людях, неспособных настолько использовать власть над собой. Различается смещённая (displaced) и затруднённая (impeded) рефлексивности. Такие варианты характерны для всех вышеописанных типов рефлексивности. Первая возникает в случаях, подобным тем, когда человек учил французский язык и стал неспособным к жизни в Германии, второй – когда человек учил французский язык, но недостаточно для комфортной жизни в Германии [4, с. 298]. Бывают случаи, близкие к отсутствию рефлексивности.

В заключении с подзаголовком «персональные власти и социальные власти» [4, с. 342–361]. Автор пишет о разных медиациях структуры разными типами рефлексивности. Каждый тип рефлексивности имеет свою позицию (stance): у коммуникативного типа – уклончивый (evasive), у автономного – стратегический (strategic) и у мета-рефлексивности – подрывная (subverse) [4, с. 353–356].

Литература

1. Archer M. S. Being human: the problem of agency / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge University press, 2000. X+323 pp.
2. Archer M. S. Culture and agency: the place of culture in social theory: revisited edition / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge university press, 2004. XXIX+ 351 pp.
3. Archer M. S. Realist social theory: the morphogenetic approach / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge university press, 1995. VII+354 pp.
4. Archer M. S. Structure, agency and the internal conversation / Margaret S. Archer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. X+370 pp.

МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ И АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА

Юдина А.С.

Рассматриваются основные понятия и способы построения публичной речи, являющейся основным полем деятельности политических технологов и менеджеров, также – один из методов анализа политической и парламентской речи, который активно используется в мировом научном сообществе. Речь – это оружие политиков и парламентариев, которое при неправильном его использовании может сыграть злую шутку с имиджем самого лидера.

Ключевые слова: *парламентаризм, парламентская речь, политическая речь.*

This article studies head ideas and variants of coordination harangue. Harangue is hardpan of work politician technologist and managers. Also this article studies one of the methods of analysis politician and parliament speech. Speech is a weapon politician and parliamentary. And if they will use this incorrectly, it can be a big mistake, because threatened – image.

Keywords: *parliamentary, parliament speech, politician speech.*

В современной политике главным достоинством является правильное и грамотное использование важнейшего инструмента – слова. Для успешного имиджа того или иного политика над его внешним – речевым, психологическим и политическим – обликом нередко работает довольно большой коллектив.

В структуре публичной речи можно выделить два элемента:

- **Политическая речь** – заранее сформулированный план выступления с оценками, обоснованиями, перспективой планового развития, который представляет собой политическое действие [1, с. 179]. Следует учесть, что политической речью может быть и парламентское выступление, нацеленное на убеждение в целесообразности осуществления того или иного действия.

- **Парламентская речь** – одна из форм публичной политической речи, более сложная по содержанию, так как включает в себя ряд требований для достижения определенных политических и стратегических целей посредством выступления в парламенте [2, с. 13–14].

Часто создателем политической речи является спичрайтер – специалист, формулирующий политический текст, который должен рационально использовать определенный набор инструментов. Построение **политической речи** [3] (текста) включает в себя 4 этапа.

1 этап – изобретательство. На данной стадии разрабатывается основной концепт будущей речи, тема, аргументация. Изучается медиа-пространство, осуществляется изучение предполагаемой аудитории, а также обстановка выступления.

2 этап – организация. В основном, речи политиков вызывают интерес лишь по поводу их наличия, на самом деле, существует лишь небольшой процент тех, кто вдумывается в сказанное, анализирует и понимает основные аспекты выступления. На данном этапе главная задача спичрайтера – простроить выступление таким образом, чтобы аудитория, как минимум, не заскучала, как максимум поняла то, что оратор хотел донести до слушателей. Построение выступления с помощью **теории выдвижения**, которая предполагает разделение текстовой информации на два блока: нейролингвистический и теоретико-информативный. В рамках данной теории необходимо в правильной последовательности располагать аргументацию.

3 этап – язык. Главной задачей этого этапа является подбор соответствующих языковых и художественных средств, обогащение и оживление речи, помимо этого необходимо правильно простроить звуковую составляющую (гармоничное звучание).

4 этап – запоминание и исполнение. Написанный кем-то текст сложно запомнить и воспроизвести. Поэтому спичрайтеры разрабатывают, в том числе, и индивидуальные методики, способствующие запоминанию текста. Также учитываются характеристики каждого отдельно взятого оратора, так как не все обладают одинаковым уровнем выразительности, громкостью голоса и другими характеристиками.

Для парламентской речи характерен определенный набор требований по структурированию текста. Предполагается использование простых предложений, вводных конструкций, иногда допускаются просторечия, но в крайних случаях. На первый взгляд может показаться, что процесс построения парламентской речи гораздо более прост, чем политической речи. На самом деле, процесс разработки проходит те же этапы, но главное различие в том, что парламентская речь – прерогатива внутривластного пространства, политическая представляется на различных уровнях, в соответствии с этим, гораздо чаще поддается модификации. Наиболее употребляемыми **тропами** [4] являются:

Сравнение/эпитет/метафора. Эпитет – образное словосочетание, как правило, с использованием этого тропа представляется отношение спикера к предмету речи. Метафора – сочетание слов, употребляемое исключительно в переносном смысле. Чаще использование этих тропов наблюдается в речи И. Хакамады.

Гипербола/литота – два противоположных тропа. Гипербола – преувеличение каких-либо качеств, а литота, соответственно, — преуменьшение.

Ирония – слово или сочетание слов, употребляемое в переносном смысле, цель использования данного тропа – высмеивание.

Олицетворение – языковой прием, при котором свойства одушевленного предмета переносятся на неодушевленный предмет (Россия – матушка).

Риторическое восклицание/вопрос. Восклицание – синтаксический посыл утверждения или отрицания на эмоциональной основе, цель – привлечение внимания публики. Риторический вопрос – синтаксическая конструкция, которая не имеет или вовсе не требует ответа.

Повтор – частое использование одного и того же слова (выражения). Цель – выделение наиболее важного элемента предложения. Различают два вида повтора:

анафора – использование аналогичных начальных конструкций в предложении – и эпифора – соответственно, заключительных конструкций.

Цитирование не всегда считается уместным в политической речи, потому как использование данного тропа более применимо к научным статьям/лекциям и т.п. Поэтому цитирование в политике трактуется немного иначе. В.В. Жириновский: «... поэта А.С. Пушкина. Помнишь его крылатые слова: «Москва! Как много в этом слове...». Или же: «Здравый смысл подсказывает – время невозможно повернуть назад».

Предупреждение – своего рода троп, создающий эмоциональное напряжение или эффект ожидания («Не могу не сказать пару слов о...»; «Давайте посмотрим, как многое изменилось за 10 лет...»).

Намек – один из наиболее эффективных приемов, привлекающий внимание и обостряющий интерес слушателей.

Наличие такого количества ограничений в парламентской речи обусловлено тем, что тексты нередко публикуются, и доступ к ним имеет каждый. В данной ситуации главное – не допустить ошибочной интерпретации текста, иначе это может привести к необратимым последствиям (то есть в речи изначально не должно быть двойственности).

Одной из главных составляющих публичной речи является политическая лингвистика. Основным этапом становления политической лингвистики относят к периоду после Первой мировой войны, на данном этапе изучение политической коммуникации и ее взаимосвязи с социально-политическими явлениями стало особенно актуально, в связи с огромными человеческими потерями. Исследователи изучали специфику языка политики, способы формирования общественного мнения, а также эффективность политической агитации и военной пропаганды. Основные исследователи в данной отрасли на этапе становления политической лингвистики – **Г. Лассвелл** [5, с. 12] (выявлял взаимозависимости между стилем политического языка и политическим режимом), **У. Липпман** [6, с. 7] (изучал пропаганду и агитацию, применение контент-анализа в политике), **П. Лазарфельд** [7, с. 23] (изучал пропаганду и влияние радиовещания на население, один из основоположников метода фокус-групп), **Н. Лейтес** [8, с. 17] (опираясь на работы основоположников психоанализа, разработал и применял лингвопсихоаналитический подход, изучал советское общество и советскую политическую элиту).

В современной политической лингвистике существуют следующие направления [9, с. 22–30], которые активно изучаются исследователями по всему миру:

- **Критический анализ политического дискурса**

Приоритетными исследованиями данного направления являются: изучение способов социальной власти, поиск способов появления социального неравенства, также поиск языковых барьеров для сопротивления социальному неравенству, социальных конфликтов.

Материал для исследования – политические тексты, которые создаются в период социального риска. Популярны исследования относительно «отрицательных расовых образов чужаков», а конкретно – на основе чего формируются ошибочные представления о других расах и кому это выгодно.

- **Контент-анализ политического дискурса**

В рамках данного направления анализируются различные тексты политического содержания, подвергаются компьютерной и лингвистической обработке.

Задача исследований – поиск взаимосвязей между социально-политическим уровнем жизни и использованием политического языка. Сортировка материала для исследования: корпус текстов подбирается с помощью определенной выборки, в связи с каким-либо событием, ограничен временными рамками.

- **Риторический анализ политического дискурса**

В рамках риторического анализа сложилось две группы исследователей. Первая считала, что умение выступать перед публикой гораздо важнее самого содержания текста. Вторая группа – представители «критического течения», они считают, что за красотой любого выступления нужно суметь увидеть определенную идеологическую символику и расшифровать ее.

Метод – подробный текстуальный анализ, исследование исторического и культурного контекста.

- **Когнитивное исследование политического дискурса**

В рамках данного направления также существуют две тенденции. Первая связана с излишним влиянием западных теорий, а также активное внедрение данных теорий в различные исследования. Вторая тенденция определяется критикой западных теорий и доказательство невозможности применения данных теорий в прикладных исследованиях для азиатских стран. Японские исследователи предложили триаду «правительство – СМИ – общество», согласно которой давление на один из компонентов данной цепи возможно при согласии двух других элементов. Рассматриваются недостатки западных теорий и адаптация существующего знания для незападных стран.

В современной политической науке существует множество методов анализа политических текстов. Построение политического текста – это процесс довольно трудоемкий и длительный, состоящий из нескольких этапов. Как политическая, так и парламентская речь обладают определенными специфическими чертами, и, тем не менее, стоит заметить, что одно понятие (парламентская речь) является одним из элементов более широкого понятия (политическая речь), и оба понятия входят в структуру публичной речи. Детальное изучение текстов дает нам возможность увидеть скрытые идеологические смыслы, позволяющие выявить истинные мотивы оратора.

Литература

1. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство политической речи. Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб. Изд-во СПбГУ, 2004. С. 179–187.
2. Кибак И.А. Психология и культура парламентской речи // Белорусский психологический журнал. 2004. №3. С.13–14.

3. Origin. Основные этапы составления политической речи. [Электронный ресурс]. [URL]: <http://avantireklama.ru/politicheskaya-rech-osnovny-e-e-tary-podgotovki.html> (дата обращения: 21.01.2015).

4. ЛДПР. Особенности построения парламентской речи. [Электронный ресурс]. Официальный сайт политической партии ЛДПР [URL] http://ldpr.org/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=15 (дата обращения: 21.01.2015).

5. Лассвелл Г. Стиль в языке политики. Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 165–177.

6. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

7. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М: Аспект-пресс, 2000.

8. Лейтес Н.С. Возрастные основы умственного роста. [Электронный ресурс]: Библиотека «ГУМЕР». [URL]: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Pedagog/hrestomatia/39.php (дата обращения: 21.01.2015).

9. Чудинов А.П. «Современная политическая лингвистика. Учебное пособие». Екатеринбург, 2011. 384 с.

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СНИЖЕНИИ КОРРУПЦИИ И РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ: ЧЕМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ У СИНГАПУРА?

Ведерникова М.И.

В данной работе проводится сравнительный анализ российского электронного правительства и e-government Сингапура. Анализируются принципиальные отличия электронных правительств обеих стран. Акцент сделан на положительные стороны электронного правительства Сингапура, которые необходимо было бы внедрить и в систему российского e-government.

В работе подробно рассматривается уже существующее российское электронное правительство, анализируются его достоинства и недостатки. Акцентируется внимание на тех элементах e-government, которые нуждаются в доработке, и дополнительных сервисах и порталах государственных услуг, которые необходимо внедрить в систему российского электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, коррупция, прозрачность госзакупок, электронные сервисы, госуслуги, экономика.

In this work, a comparative analysis of the Russian e-government and e-government in Singapore. Analyzed are fundamental differences of e-governments of both countries. The emphasis is on the positive side for e-government in Singapore, which would need to be implemented in system of the Russian e-government.

In work is considered in detail the existing Russian electronic government, analyzed its strengths and weaknesses. The focus is on those elements of e-government, which need to be expanded, and additional services and portals of government services that need to be implemented in the Russian system of electronic government.

Keywords: e-government, corruption, transparency of government procurement, e-services, public services, economy.

При всей очевидности огромной роли электронного правительства в противодействии коррупции и улучшении качества госуслуг, предоставляемых различными государственными организациями, приходится часто сталкиваться с тем, что не только простые граждане, но и некоторые чиновники относятся к e-government как к бесполезному нововведению. Очень часто путаются такие понятия, как «электронное правительство» и «электронное государство». Заострим внимание на разграничении этих терминов.

Отметим, что каждое из этих понятий может иметь несколько значений, которые будут меняться в зависимости от контекста. Однако, основное различие их в том, что под электронным правительством, в широком смысле, обычно следует понимать электронные средства взаимодействия граждан с государством и государства с гражданами. К примеру, одним из проявлений взаимодействия со сторо-

ны государства может быть опубликование нужной гражданам информации на официальных сайтах. На сайте Федеральной службы судебных приставов любой желающий может узнать, начато ли против него исполнительное производство, по какой причине и какова сумма его задолженности, и тут же предоставляется возможность распечатать квитанцию для оплаты. До появления такой информации в открытом доступе было больше возможностей для коррупции при попытке граждан урегулировать подобную ситуацию, не говоря о значительно больших временных затратах. Пока россияне только привыкают к таким новшествам, в Сингапуре эта система работает достаточно долго.

Построение самой системы электронного правительства в Сингапуре идёт более 30 лет, и жители этой страны не собираются останавливаться на достигнутом. В данный момент в Сингапуре реализуется государственная программа развития электронного правительства на 2011–2015 годы. Основными целями являются: повышение активности граждан в участии в правительственных инициативах, увеличение объёма обратной связи и разработка приложений для мобильных телефонов, которые позволят с помощью мобильного устройства получать все государственные услуги.

Госслужащие в Сингапуре получают высокую зарплату, что уже само по себе является надёжным фактором противодействия коррупции, в госучреждениях не увидишь очередей. Отсутствие очередей можно объяснить двумя причинами: поток посетителей в учреждение регулируется электроникой; граждане лично приходят в учреждение крайне редко, т.к. практически все госуслуги доступны в электронном виде.

В Сингапуре получить многие госуслуги, такие как выдача паспортов и свидетельств о рождении, можно, сидя дома и заполняя необходимые формы, которые отправляются по электронной почте в соответствующие органы. Считается обычным, что такие услуги правительство оказывает в режиме онлайн. Стоит отметить тот факт, что, если вы идёте лично в учреждения за данными услугами, вы будете оштрафованы за то, что явились в данное учреждение без особой необходимости. И только после уплаты штрафа гражданин будет направлен к компьютеру, стоящему в учреждении, чтобы подать заявление на необходимую госуслугу.

Снижение уровня коррупции положительно влияет не только на политическую ситуацию в стране, но и на экономику. Полноценная работа электронного правительства позволяет сделать прозрачными большинство госзакупок, да и всю систему отношений бизнеса и государства, значительно сокращает объём бюрократической волокиты. Последнее благотворно сказывается на развитии бизнеса: если раньше многих предпринимателей пугали бюрократические барьеры, то, получив возможность быстро и просто зарегистрировать свой бизнес в режиме онлайн, многие намного охотнее откроют собственное дело.

Теперь подробнее рассмотрим процесс регистрации предприятия в Сингапуре и в России. Остановимся на таких формах предпринимательства, как ИП в России (самая простая процедура регистрации) и Private Limited Company (сокращенно Pte Ltd) в Сингапуре. Государственная регистрация ИП осуществляется в срок не более чем пять рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган.

Срок для выдачи документов – 1 рабочий день с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр. Как мы видим, для того, чтобы в России стать индивидуальным предпринимателем, нам необходимо, как минимум, совершить два похода в госучреждение и подождать около 6 дней, оплатив госпошлину в размере 800 рублей. При регистрации компании в Сингапуре необходим минимальный предоплаченный капитал в размере S\$ 1 (один сингапурский доллар). Процедура регистрации компании в Сингапуре полностью компьютеризирована Сингапурским Регистрационным Бюро. Как следствие, процесс оформления быстрый и эффективный, без какой-либо бюрократической волокиты. При обычных обстоятельствах, компания может быть зарегистрирована за 1-2 дня.

Процедура оформления компании в Сингапуре состоит из двух основных шагов: 1) утверждение названия компании; 2) регистрация компании.

Оба шага могут быть завершены в один день, при условии, что со стороны Регистрационного Бюро не будет никаких задержек.

Кроме того, стоит отметить, что недавно образованные сингапурские компании не платят никакого налога на прибыль (корпоративного налога) первые три года после регистрации на первые \$100,000 прибыли. Далее налог платится по следующей схеме: на прибыль от \$100,001 до \$300,000 платится налог 8,5 %. На прибыль свыше \$300,000 платится налог по ставке 17 %. Именно налоговые льготы и простая процедура регистрации бизнеса превращает Сингапур в ещё одну оффшорную зону.

Отметим, что сингапурское электронное правительство подразделяется на несколько категорий. Обобщённо можно представить основные направления работы так: правительство – граждане (G2C); правительство – бизнес (G2B); правительство – госслужащие(G2E); правительство – правительство (G2G).

Подробнее рассмотрим каждое из этих подразделений. Структура G2C правительство-граждане включает в себя все взаимодействия между органами власти и гражданами, которые возможно осуществить в электронном виде. Целью G2C является предоставление гражданам быстрых, более удобных и наиболее простых средств доступа к государственным услугам при сохранении высокого уровня сервиса. Скорость получения услуг не влияет на их качество – за этим ведётся строгий контроль.

Структура правительство – бизнес (G2B) имеет прямое отношение к электронной коммерции, связанной с продажей правительством бизнеса или услуг для бизнеса, и наоборот: бизнес, продающий товары для правительства и оказывающий для него услуги. Основная цель G2B – позволить компаниям взаимодействовать, вести торговлю и общаться с правительством в Интернете, в режиме онлайн, с максимальной скоростью, но сохранением качества взаимодействия.

Раздел правительство – госслужащие(G2E) включает в себя все виды взаимодействия и услуг между правительственными организациями и их сотрудниками.

Особый интерес представляет структура правительство-правительство (G2G). Она выполняет сразу две функции: взаимодействие между различными министерствами, ведомствами и госучреждениями внутри страны; взаимодействие правительства Сингапура с правительствами других стран.

Теперь рассмотрим некоторые конкретные платформы, выполняющие различные функции в подразделениях электронного правительства. Сингапурская система TradeNet – одна из первых в мире систем электронного обмена данными. Внедрение данной системы позволяет значительно экономить время, устраняет многие бюрократические барьеры, значительно упрощает работу с документами. Невозможно переоценить и её влияние на снижение уровня коррупции при оформлении документов по экспорту и импорту. Для взаимодействия властных и бизнес-структур, в том числе и проведении госзакупок, в Сингапуре используют портал GeBIZ (Government Electronic Business), который значительно упрощает процесс проведения тендеров и делает его более прозрачным. Система представляет собой механизм госзакупок и состоит из трёх пунктов: клиентские приложения для поставщиков; клиентские приложения для заказчиков (агентств); платежная система.

Система позволяет максимально прозрачно иметь доступ к государственным закупкам. В основе GeBiz лежит так называемая ячейка приобретения, состоящая из чиновников-оценщиков заявок (ими не могут быть представители агентств, поместивших саму заявку), заявителей, специалистов по финансам. Когда поставщик отобран, ему предлагается совершить поставку в определенный срок, и по истечении недели с момента поставки (это время требуется государству, чтобы убедиться, что поставка совершена согласно договору), через систему GeBiz совершается электронный платеж. Правительство Сингапура, обладая интеллектуальной собственностью на GeBiz (100%), решило коммерциализировать продукт и продавать его в другие страны. Ключевую роль сыграли контрактные соглашения об уровне качества сервиса со стороны поставщиков. В случае нарушения требований к качеству вступают в силу жесткие штрафные санкции. Данный портал является частью подразделения правительство-бизнес (G2B), как и платформа SGeBIZ, созданная в апреле 2014 года и позволяющая компаниям осуществлять свои тендерные заявки на транспарентной основе. Данная система ещё только запускается, а основной интерес представляет готовность электронного правительства Сингапура постоянно внедрять новые платформы и развивать уже существующие.

Система Trustmark является обязательной для министерств и ведомств Сингапура, как и система TrustSg, созданная с целью повышения уровня доверия к электронным сделкам.

Как мы видим, сингапурская система электронного правительства имеет четкую структуру, выстроенную таким образом, что каждый новый портал или платформа дополняет уже существующие, но, при этом, не возникает путаницы по поводу того, какому пользователю на какой портал обращаться для получения необходимой услуги.

Сегодня правительство Сингапура пытается сделать удобным использование электронного правительства с мобильных устройств. Для этого был запущен мобильный портал mGov@SG, который объединяет более 40 мобильных веб-сайтов и приложений для iPhone и Android, разработанных различными правительственными структурами. За основу здесь взята концепция AppStore. В тех же целях власти задействуют социальные сети. Сегодня более половины населения Сингапура зарегистрировано в Facebook – и здесь же активно присутствуют с консультационной и просветительской практикой ведомства – например, министерство здравоохране-

ния. Параллельно запускаются и собственные госсети – например, REACH (Reaching Everyone for Active Citizenry@Home), где граждане могут оставлять комментарии и пожелания по развитию правительственных проектов, а также оперативно получать консультации.

На сегодняшний день в России только начинает внедряться система электронного правительства, имеющая столь же чётко составленную структуру. При этом необходимо отметить, что сингапурская система электронного правительства строилась более 30 лет и продолжает совершенствоваться и становиться более удобной и современной. В то время, как в Сингапуре электронное правительство было полностью внедрено и функционировало, в России только утверждали Концепцию электронного правительства, которая была принята 6 мая 2008 года Правительством России.

Российская Федерация заимствовала многое из опыта Сингапура в построении e-government. Даже сама структура, утверждённая для разработки, повторяет структуру электронного правительства Сингапура, приведённую нами выше. На всякий случай, продублируем её: правительство – граждане (G2C); правительство – бизнес (G2B); правительство – госслужащие (G2E); правительство – правительство (G2G).

Основной недостаток электронного правительства Российской Федерации на современном этапе – это то, что оно не предоставляет возможность даже те услуги, которые сегодня предоставляет гражданам в режиме онлайн, получать полностью в электронном виде. Здесь приведём конкретный пример. На Портале государственных услуг Российской Федерации есть возможность подать документы через Интернет на получение паспорта нового поколения гражданином Российской Федерации, достигшим 18-летнего возраста. Этапы получения данной госуслуги подробно описаны на сайте и выглядят следующим образом:

1. Подготовить документы, необходимые для заполнения формы заявления, а также файл с фотографией для паспорта.

2. Необходимо заполнить: форму заявления, указав информацию о себе, супруге, родителях, о нахождении ранее в иностранном гражданстве, о месте обращения и т.д.

3. По окончании внесения данных система выполнит обработку и отправку Вашего запроса в государственные структуры для прохождения этапов регистрации, проверки заявления и принятия окончательного решения.

4. В случае успешного выполнения услуги на всех этапах система даст Вам положительный ответ, а государственные структуры проинформируют Вас о необходимости прийти в территориальный орган ведомства для получения документов. В случае отказа на каком-либо этапе оказания услуги система даст отрицательный ответ, а государственные структуры проинформируют Вас о причинах отказа [Порядок получения госуслуг в РФ]. Как мы видим, в пункте №4 указано, что «в случае успешного выполнения услуги на всех этапах система даст Вам положительный ответ, а государственные структуры проинформируют Вас о необходимости прийти в территориальный орган ведомства для получения документов». Если в Сингапуре нужный документ приходит на электронную почту в электронном виде и для его получения нет необходимости вообще выходить из дома, то в России

придётся лично идти в «территориальный орган ведомства для получения документов». Конечно, электронное правительство работает, и, если раньше было необходимо лично идти в госучреждение и подавать документы, то, с запуском e-government, количество походов в госучреждения сокращается, что является неоспоримым плюсом и доказывает, что система работает, но нуждается в дальнейшем усовершенствовании. Кроме того, возможность подать документы через Интернет с помощью портала www.gosuslugi.ru позволяет изначально правильно заполнять документы и избегать ошибок. К примеру, если раньше заявление в бумажном виде могло быть заполнено некорректно и некоторые важные поля могли оставаться пустыми, то сейчас система подсказывает, что ещё необходимо заполнить и в каком формате вводить данные.

Из всего, написанного выше, можно сделать вывод, что российское электронное правительство развивается быстрыми темпами и путь, на который Сингапuru понадобилось больше двух десятилетий, сумело пройти за несколько лет. При этом, оно отстаёт по таким параметрам, как удобство использования и оперативность. Практика показывает, что применение опыта Сингапура в России даёт положительные результаты. Но здесь важно отметить, что для дальнейшего развития и большего удобства необходимо не просто копировать систему электронного правительства Сингапура, но и адаптировать её к российским реалиям. В ближайшее время желательно исключить необходимость нанесения личного визита граждан в госучреждения для получения некоторых госуслуг, ускорить и упростить регистрацию предприятий и обязать все учреждения размещать госзаказы на одном сайте, чтобы снизить уровень коррупции при госзакупках.

Литература

1. Mawutodzi A. E-Government: The Singapore Experience [Электронный ресурс]. URL: <http://ezinearticles.com/?E-Government---The-Singapore-Experience&id=808643> (дата обращения: 15.07.2014).
2. Дементьев А. Белый дом и Смольный: подключения электроников [Электронный ресурс]. URL: http://www.dp.ru/a/2007/08/16/Belij_dom_i_Smolnij_pod/ (дата обращения: 12.07.2014).
3. Банк данных исполнительных производств [Электронный ресурс] // Федеральная служба судебных приставов: официальный сайт. URL: <http://fssprus.ru/iss/ip/> (дата обращения: 15.07.2014)
4. Порядок получения госуслуг в РФ [Электронный ресурс] // Портал государственных услуг Российской Федерации: официальный сайт URL: https://www.gosuslugi.ru/pgu/service/10001970310_5.html#!_description (дата обращения: 14.07.2014).

ЭТАПЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВАЛЮТНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗОНЫ ЕВРО В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Свистунова Е.В.

В статье рассматриваются важнейшие этапы валютно-финансовой интеграции Европы и развития европейского Экономического валютного союза, дается оценка причинам этого процесса, а также приводится краткосрочный прогноз перспектив функционирования зоны евро в условиях экономической политики ЕС, США и Китая, с поправкой на современную политическую ситуацию.

Ключевые слова: *Европейский союз, зона евро, европейская экономическая интеграция, санкционная политика.*

This article discusses the major stages of financial and monetary integration of Europe and the European economic and Monetary Union, provides an assessment of the reasons of this process, as well as the short-term forecast the prospects of the euro zone in terms of economic policy of the EU, the United States and China, with an amendment to the current political situation.

Keywords: *The European Union, euro zone, European economic integration, Sanctions policy.*

Вызовы, с которыми пришлось столкнуться Европейскому Союзу в 2014 году, уже сейчас становятся теми факторами, которые влияют, а во многом и определяют развитие не только политической, но и экономической системы единой Европы.

Обнажение болезненных внутренних проблем, среди которых усиливающаяся исламизация, откровенный провал попыток спасти греческую экономику, все большее недовольство французских и немецких налогоплательщиков, не испытывающих иллюзий относительно того, за чей счет Европа раз за разом латает бюджетные дыры – все это становится фоном для вновь ставшего краеугольным камнем большой европейской семьи и, казалось бы, давно решенного вопроса о верховенстве экономики над политикой.

Пренебрежение европейских государств собственными национальными интересами в условиях санкционной политики столь же реально, сколь и трагично. Трагично не только потому, что Европа испытывает на себе беспрецедентное давление как с Запада, так и с Востока. Колоссальная работа по созданию единого экономического пространства, проводимая несколько десятилетий, именно сейчас рискует быть серьезно подорванной, а усилия, направленные на дальнейшее развитие этого пространства – нивелированными.

Именно так, с поправкой на современную политическую ситуацию, но поставив во главе угла экономику, имеем смысл рассуждать о перспективах развития зоны евро.

Создание зоны Евро было важнейшим этапом европейской интеграции, обусловленной объединением государств в региональные экономические и валютные объединения. Проследив основные этапы этого процесса, предопределенного развитием мировой экономики в условиях глобализации и интернационализации, мы попытаемся взглянуть на перспективы функционирования европейского экономического пространства через призму современных политических реалий.

Развитие валютно-финансовой интеграции стран Европейского союза было обусловлено реформой международной валютной системы 1976–1978 гг., вызванной неудовлетворенностью функционированием международной расчетной единицы СДР (англ. *Special Drawing Rights*, SDR, SDRs - искусственное резервное и платёжное средство, эмитируемое Международным валютным фондом) [1, с. 82], а также режимом свободно плавающего валютного курса. Реакцией европейских государств стала реализация с 13 марта 1979 года Европейской валютной системы в составе 8 стран.

Логическим продолжением политической и экономической интеграции, а также основой европейского Экономического валютного союза (ЭВС) стал Маастрихтский договор о создании Европейского союза, подписанный 7 февраля 1992 года Германией, Францией, Голландией, Бельгией, Австрией, Люксембургом и Ирландией.

Создание таможенного союза и единого внутреннего рынка способствовало тому, что ЭВС стал представлять собой качественно новый этап интеграции, характеризующийся следующими признаками: ликвидация таможенных пошлин стран – участниц; свобода передвижения капитала и рабочей силы стран – участниц; общий рынок; формирование общих наднациональных органов управления; проведение единой макроэкономической политики.

Основной целью финансовой интеграции стран Европейского Союза было создание для более чем 400 миллионов европейцев единого общего рынка, обеспечивающего свободу перемещения людей, товаров, услуг и капитала. Переход на безналичное евро, который произошел после 31 декабря 2001 года, усилил интеграционные процессы, поскольку все счета, выраженные в национальных валютах стран-участниц ЭВС, были в обязательном порядке конвертированы по официальным курсам в евро.

Сегодня Европейский союз, даже со всеми его проблемами и нерешенными вопросами, представляет собой один из наиболее развитых региональных объединений. Этому во многом способствовали политика солидарности, известная также как «политика единства», в вопросах сельского хозяйства, социальной сферы и в региональных вопросах, а также политика инноваций, позволяющая привносить новые технологии в сферу охраны окружающей среды, научную деятельность и столь важную для ЕС энергетику. При этом, евро все это время оставался наиболее эффективным инструментом интеграции в мировой экономической системе, предопределяя дальнейшее развитие стран Европейского союза и его стратегических партнеров.

Ужесточение критериев включения новых стран в состав союза под влиянием последствий современного мирового финансово-экономического кризиса стало гарантией если не оздоровления экономики ЭВС, то, по крайней мере, снижения рисков расшатывания сложившейся системы изнутри. Теперь уровень инфляции потенциального нового члена Экономического валютного союза по состоянию на 2014 год не может быть выше 1,3%, дефицит государственного бюджета не должен быть больше 2%, а государственный долг не может превышать 45% от ВВП.

По состоянию на 2014 год одним из важнейших остается вопрос о соотношении евро и доллара в мировой валютной системе. По мнению Роберта Манделла, нобелевского лауреата по экономике, покупки долговых бумаг ФРС США приведут к росту курса евро против американского доллара, усиливая риски дефляции в экономике блока [2].

Предполагается, что действия США увеличат риски возникновения пузырей на рынках активов по всему миру и ослабят роль доллара как мировой резервной валюты, евро же, напротив, может укрепить свои позиции и стать, наряду с юанем, более предпочтительной валютой для финансовых властей большинства государств.

Ослабление доллара в 2015 году, прогнозируемое на фоне ожидания увеличения ликвидности финансовой системы США и снижения процентных ставок в 2014 году (для инвесторов это означает снижение доходности вложений в доллар), а также в условиях поддержания спроса на долларовые инструменты и скупке Китаем, увеличивающим собственные резервы, государственных облигаций Соединенных Штатов, дает повод для относительно благоприятных прогнозов функционирования зоны евро.

И все же, несмотря на наблюдавшийся в 2014 году рост спроса на наличные евро, увеличение доли этой валюты в структуре иностранных активов банковской системы многих стран, а также повышение роли евро как второй по значимости мировой резервной валюты, невозможно однозначно ответить на вопрос о соотношении доллара и его европейского «коллеги» в долгосрочной или хотя бы среднесрочной перспективе.

Увеличение добычи нефти в 2015 году на 0,3-0,7% (по прогнозам экономистов МВФ), продиктованное, во многом, политической волей наших североамериканских партнеров, стремящихся усилить давление на Россию в связи с событиями на Украине, вызывает осторожный оптимизм у европейцев.

«Мировой экономике придется столкнуться с сильными и сложными течениями, которые могут быть направлены в противоположные стороны, – заявил в начале 2015 года главный экономист МВФ Оливье Бланшар. С одной стороны, на главные экономики планеты благотворно действует снижение цен на нефть. С другой, во многих частях света снижается спрос» [3].

Имеют место опасения, что положительный эффект от низких цен на нефть в Европе будет в конечном итоге перекрыт слабыми инвестициями и, частично, последствиями политики санкций, сказывающейся как на российской, так и на европейской экономике.

На фоне понижения Международным валютным фондом прогноза по развитию экономик еврозоны с 1,3 до 1,2%, откровенная ангажированность Европейско-

го союза, а если быть точнее, двух его основных участников и его же финансовых локомотивов, выглядит достаточно противоречиво. Санкционная политика, выливающаяся сейчас в экономически необоснованные решения, осложняет сколь бы то ни было точное прогнозирование развития зоны евро, равно как и использование мировых валют в обслуживании внешнеэкономических связей России.

Как в политической, так и в экономической сфере, действие всегда рождает противодействие. Любые негативные процессы в финансовой системе одного крупного европейского государства или союза государств автоматически становятся причиной ухудшения мировой экономической ситуации в целом. Деструктивная внешняя политика лишь способствует этому.

Литература

1. Красавина Л.Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. М.: Финансы и статистика. 2005. 185 с.
2. Mundell R. A. A Reconsideration of the Twentieth Century. *American Economic Review*, June 2000. pp. 327-340.
3. Эксперт Online. <http://expert.ru/2015/01/20/mrachnyij-prognoz/?ny> (опубликовано 20 января 2015).

КОМПЛЕКСНАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сивкова Е.П.

В статье рассматривается применение визуальной диагностики в системе международной безопасности. Кратко проиллюстрирована актуальная и малоизученная в современной политологии методика визуальной диагностики, а также ее основные параметры и методы. На основе проведенного анализа делается вывод, что визуальная диагностика актуальна в настоящее время во многих сферах жизни человеческой жизни, а также, что она уходит корнями в политическую антропологию – науку, которая изучает человека, как «животное политическое».

Ключевые слова: *визуальная диагностика, политическая антропология, физиогномика, психологическая политология, профиль, типирование по визуальным признакам.*

The article discusses the use of visual diagnostics in the system of international security. Briefly illustrated current and little studied in modern political science methodology of visual diagnostics and its basic parameters and methods. Based on the analysis, concludes that the visual diagnosis is relevant in many areas of human life at the moment, and that it has its roots in political anthropology – the science that studies the man as «political animal».

Keywords: *visual diagnostics, political anthropology, physiognomy, psychological political science, profile, visual signs typing.*

Защищённость и низкий уровень риска для человека – к таким показателям безопасности стремятся развитые государства. Но эту важную психологическую составляющую люди не ощущают во многих странах, особенно в тех, где есть угроза их безопасности. Практика показала, что степень защищенности зависит от применения как можно более широкого спектра научно-практических методик, охватывающих различные области человеческих знаний.

Комплексная визуальная диагностика является одной из таких методик и включает в себя самые необходимые эффективные методы. Прежде чем перейти к более подробному описанию параметров и методов, необходимо раскрыть понятие «визуальная диагностика» и сопоставить его с понятием «политическая диагностика». В самом широком смысле, диагностика – это умение и способность распознавать. Визуальная диагностика – это отрасль психологии, в которой главной задачей является изучение внешних характеристик поведения и облика человека, в целях проникновения во внутреннее психологическое содержание личности и оптимизации использования индивидуальных возможностей каждого человека. Политическая же диагностика подразумевает учение о политологических методах и

принципах познания политических явлений и процессов, ведущих к «постановке диагноза», квалифицированной оценке политической ситуации.

Получается, что диагностику уместно применять или в отношении личности (политического субъекта), или в отношении ситуации (политического процесса), а именно, внешних обстоятельств, на которые не всегда может воздействовать политический субъект. Применение в отношении политического субъекта комплексной визуальной диагностики позволит типологизировать поведение оппонента и качественно выбрать модель своего поведения, что приведет к достижению эффективного конструктивного общения, повысит уровень авторитета при помощи вербальных и невербальных приёмов, а также позволит противостоять манипуляциям. Применение методики в ситуации или в политическом процессе сводится к анализу, разбору общего на детали и нахождению «тупиковых моментов», которых не стоило допускать.

Примером могут служить различные уровни деловых переговоров, а также ситуации кризисного взаимодействия, военных конфликтов и антитеррористические меры.

К основным параметрам комплексной визуальной диагностики относятся: невербальное и вербальное восприятие («оценочное первое впечатление», на которое требуется от 30 секунд до 3 минут), пол воспринимаемого человека и связанные с этим психологические качества, возрастные особенности индивида и общее впечатление о его жизненном опыте, тип телосложения и обусловленные им типические особенности, специфические особенности, тип темперамента, тип личности, предположительный вид профессиональной деятельности человека.

Для определения основных параметров в комплексной визуальной диагностике были выделены следующие методы: наблюдение, метод анализа документов, библиографический и психографический методы изучения, исследование почерка, исследование произвольных рисунков и схем, морфологический анализ, методы «косвенного» наблюдения (изучение и интерпретация привычек), серологические тесты (особенности состава крови), физиогномический анализ. Но, важно отметить, что не все методы будут работать для ситуации, где нужен моментальный анализ. Так, например: метод анализа документов, морфологический анализ, серологические тесты – для проведения этих методов необходимы время и подготовленные специалисты. В данной статье хотелось бы обратить особое внимание на физиогномический анализ, являясь частью курса политической антропологии, он позволяет сделать качественные выводы при этом, не затрачивая больших временных ресурсов.

Важным в визуальной диагностике является то, что психика человека спроецирована на физическое тело. Эта простая аксиома была известна ещё в античном мире, где возникло учение о человеке с названием «физиогномика» (от греч. *physis* – природа и *gnomike* – знающий), которое устанавливает связь между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности. Также под физиогномикой понимают область знаний, которая позволяет через восприятие и «чтение» лица получить информацию о личностных особенностях человека, определяющих поведение и отражающих индивидуальность жизнедеятельности. До наших дней дошло сочинение Джакомо делла Порты (от 1586 года), в котором

есть упоминания о физиогномике в работах Аристотеля, Теофраста и Цицерона, где они сравнивают человека с различными животными. Например, интеллектуальных людей сравнивали с символами «мудрости» – совами; Людей с большой физической силой – с крупными животными, такими как коровы, лошади, львы. Позднее, в эпоху Возрождения, особый вклад в учение внёс Леонардо да Винчи, описавший результаты наблюдений в «Книге о живописи мастера Леонарда да Винчи. Живописца и скульптора Флорентийского», где исследовал строение лица и его пропорции. Примерно в это же время, Томас Хилл выделил 4 типа лица, которые ассоциировались с основными типами характера и темперамента, в соответствии с природными элементами: земля, вода, огонь и воздух. Физиогномика Нового времени вышла на следующий уровень и уже в 60-е годы XIX века профессор Туринского университета Чезаре Ломброзо, в труде «Преступления, причины, средства борьбы», разработал классификацию факторов преступлений, включая физические, биопсихологические и социальные факторы, с точки зрения научного подхода к физиогномике. По сей день изучаются труды Дюшена и Дарвина, которые заложили фундамент новейшей физиогномики и имеют практическое применение в различных сферах, особенно в системе международной безопасности. В XX веке учение связывали с философией экзистенциализма: немецкий ученый Карл Ясперс считал, что физиогномический подход позволяет обрисовать присутствующую психологическую атмосферу (в ситуации, политическом процессе) и признавал учение о мимике (для личности, политического субъекта). В России физиогномику периодами рассматривали И.А Сикорский, И.М Нахов, В.В Куприянов, Г.В. Стовичек, В.А. Лабунская, В.М Бехтерев, Л.М Сухаребский, В.Н. Панферов.

Развитие физиогномики продолжается и в XXI веке: в 2014 году группа ученых из Университета Пенсильвании разработала математическую модель, которая позволяет узнать некоторые черты лица человека на основании особенностей его ДНК (в медицине и криминалистике). В ходе исследования ученые получили трехмерные компьютерные модели лиц 592 человек разного происхождения, живущих в США, Бразилии и Кабо-Верде. Каждая модель содержала данные о координатах около семи тысяч точек на поверхности лица. Помимо сканирования, каждый из добровольцев предоставил образцы ДНК. Анализ проб позволил получить набор индивидуальных вариаций в последовательности генома (полиморфизмов, SNP). Зная набор SNP, характерный для ДНК данного человека, ученые могли составить его приблизительный трехмерный портрет, никогда не видев человека.

Огромными ответвлениями физиогномики является мимическая физиогномика (запечатленные на лице выражения эмоции и чувства человека) и антропологическая физиогномика.

По мнению профессора А. Богданова, антропологическая физиогномика является частной отраслью изучения формы лица и выражения ощущений и имеет своеобразные задачи, отличные от тех, которые рассматривает общая физиогномика. Антропологическая физиогномика берет существенную часть материалов для выводов из анатомических или морфологических данных строения лица и тела, которые укоренились наследственно, передаются естественным образом и составляют врожденные у народов и рас отличия. Развивая идеи антропологической физиогномики и уточняя термин, И. Сикорский под народом (или нацией) понимает

всех жителей определенной территории, объединившихся на основе языка, культуры, общего хозяйства и управления, быта и исторического прошлого.

Последние десятилетия появилась тенденция к изучению этнической физиогномики, что позволит узнать об особенностях людей, которые проживают на разных территориях, с различными климатическими условиями.

В настоящий момент времени, современные исследователи создают всё более полные и качественные типологии, которые дают положительные результаты диагностики в разных сферах – в криминалистике, в бизнесе, в подборе кадров, в семейной психологии, для обеспечения безопасности в аэропортах, но почему-то все эти рекомендации редко применяют на международной арене и в политических коммуникациях.

В самом необычном представлении политическая антропологическая физиогномика была представлена французским художником Ш. Филипоном, который в 30-е годы XIX века представил монарха Луи-Филиппа как грушу, тем самым заложив одну из традиции политической карикатуры – последовательного изменения портрета с помощью изначально наложенных на него черт сходства объекта с кем-либо или чем-либо.

В XXI веке велика угроза человеческой жизни в системе международной безопасности и комплексная визуальная диагностика, благодаря своей универсальности и всеобъемлющему охвату, позволяет добиться успехов, как это было в случае с израильской компанией «Эль-Аль», которая использовала антитеррористические меры предполетного и послеполетного досмотра и добилась значительного повышения уровня безопасности. Кроме того, важно помнить, что у всякого государства есть «лицо», на которое смотрят, за которым наблюдают и делают выводы. И какими будут эти выводы, зависит не только от ситуации, но и от человека, который может применять с умом различные вербальные и невербальные методы воздействия в системе международной безопасности.

Литература

1. Анисимова, Н.Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации: учеб.-метод. пособие. 2-е изд. / Н.Н. Анисимова. Домодедово, 2007.

2. Волынский-Басманов, Ю.М. Профайлинг: Технологии предотвращения противоправных действий. / Ю.М. Волынский-Басманов. Москва: Изд-во Юнити, 2010.

3. Караяни, А.Г. Психология общения и переговоров и экстремальных условиях / А.Г. Караяни, В.Л. Цветков. Москва: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

4. Самойлова, Е.С. Комплексная визуальная психодиагностика / Е.С. Самойлова. – Москва: Изд-во Книжкин Дом, 2007.

5. Фрай, О. Детекция лжи и обмана / О. Фрай. Москва: Изд-во ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 92–95.

6. Ценёв, В. Язык политических телодвижений / В. Ценёв. Москва: Изд-во Psyberia, 2002–2003. С. 6–51.

7. Экман, П. Узнай лжеца по выражению. СПб: Питер, 2012. С. 176–198.

Агафонова Анастасия – студент Философского факультета, кафедра Политологии, Томский государственный университет (Томск).

Agafonova Anastasiya – student of Faculty of Philosophy, Department of Political Science, Tomsk State University (Tomsk).

nastyay7may@mail.ru

Алексеев Дмитрий Владимирович – студент бакалавриата, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Balashov Andrey Nikolaevich – student of bachelor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

mityaalexeev@yandex.ru

Артемов Антон Викторович – аспирант, Исторический факультет, кафедра истории России, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Artemov Anton Viktorovich – postgraduate student, Historical faculty, Department of Nation History, South Ural State University (Chelyabinsk).

artyomow@gmail.com

Ведерникова Мария Игоревна – выпускник факультета Политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Vedernikova Maria Igorevna – graduate, faculty of Political science, Moscow State University (Moscow).

maria.vedernikowa@yandex.ru

Гонцов Кирилл Викторович – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург).

Gontsov Kirill Viktorovich – postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg).

kirill.gontsov@gmail.com

Дыдров Артур Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Didrov Artur Akexsandrovich – Ph.D., docent of Philosophi and Sociology Department, Historical faculty, South Ural State University (Chelyabinsk).

zenonstoik@mail.ru

Закиров Айдар Робертович – студент, кафедра политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Zakirov Aidar Robertovich – student, Department of political science, Institute of Social-Philosophy Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga) Federal University (Kazan).

azr12353@gmail.com

Кучинов Артемий Михайлович – студент, факультет Политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Kuchinov Artemiy Mikhailovich – student, faculty of Political science, Moscow State University (Moscow).

arkuchinov@yandex.ru

Маркелова Анна Александровна – студент магистратуры, Департамент политологии и социологии, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Markelova Anna Aleksandrovna – graduate student, Department of political science and sociology, Institute of Social and Political Sciences, Ural federal university (Ekaterinburg).

markelova9292@inbox.ru

Пеннер Алена Владимировна – студент, кафедры Философии и социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Penner Alena Vladimirovna – student, Philosophi and Sociology Department, Historycal faculty, South Ural State University (Chelyabinsk).

zenonstoik@mail.ru

Самохвалов Николай Александрович – аспирант, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова (Москва).

Samohvalov Nikolai Aleksandrovich – postgraduate student, Moscow State Humanitarian University named M. A. Sholokhov (Moscow).

nikolai-samohvalov@yandex.ru

Свистунова Екатерина Владимировна – студент, кафедра Мировые финансы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва).

Svistunova Ekaterina Vladimirovna – student, Department of Global finance, Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow).

Сивкова Екатерина Павловна – студент, кафедра Политологии, Исторической факультет Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Sivkova Ekaterina Pavlovna – student, Department of Political Science, Historycal faculty, South Ural State University (Chelyabinsk).

septrina93@mail.ru

Утьева Александра – студент Философского факультета, кафедра Политологии, Томский государственный университет (Томск).

Utyeva Aleksandra – student of Faculty of Philosophy, Department of Political Science, Tomsk State University (Tomsk).

Юдина Анна Сергеевна – студент Философского факультета, кафедра Политологии, Томский государственный университет (Томск).

Udina Anna Sergeevna – student of Faculty of Philosophy, Department of Political Science, Tomsk State University (Tomsk).

judinaanja@rambler.ru